

СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.1

УДК 614.2/314.4/618

© Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н.

ДОСТУПНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ДО РОЖДЕНИЯ И В ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ ЛЕТ ЖИЗНИ РЕБЕНКА КАК ФАКТОР РИСКА ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ: ОПЫТ КОГОРТНОГО МОНИТОРИНГА

ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ШМАТОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ueshmatova@mail.ru
ORCID: [0000-0002-1881-0963](https://orcid.org/0000-0002-1881-0963) ResearcherID: [R-1021-2018](https://orcid.org/R-1021-2018)

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РАЗВАРИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: irina.razvarina@mail.ru
ORCID: [0000-0002-9377-1829](https://orcid.org/0000-0002-9377-1829) ResearcherID: [I-8228-2016](https://orcid.org/I-8228-2016)

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ГОРДИЕВСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: alessu85@mail.ru
ORCID: [0000-0001-7777-3456](https://orcid.org/0000-0001-7777-3456) ResearcherID: [I-9439-2016](https://orcid.org/I-9439-2016)

Представленная работа является продолжением исследования широкого спектра факторов риска здоровью детей дошкольного возраста на материалах регионального когортного мониторинга. Цель данного этапа – изучить воздействие некоторых факторов организации медицинской помощи на здоровье и развитие детей во внутриутробном периоде от рож-

дения до шести лет. В работе использовались общенаучные (анализ литературы, изучение и обобщение сведений, сравнение, синтез, индукция, дедуция, классифицирование) и эмпирические (измерение, анкетирование, наблюдение, сравнение) методы исследования. Информационная база – выборочные данные проспективного когортного мониторинга по пяти волнам: 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг. Научная новизна работы заключается в оценке силы и направленности факторов, связанных с недостаточной организацией медицинской помощи беременной женщине и маленькому пациенту, на конкретные неблагоприятные исходы здоровья ребенка. Выявлено, что низкая обеспеченность беременной женщины лекарственными препаратами повышает риск отставания развития ребенка в год и дефицита веса в 6 лет, а отсутствие доступа к консультативной врачебной помощи узких специалистов – постановки ребенка в 6 лет на диспансерный учет. Сложности в приобретении лекарств на первом году жизни младенца повышают вероятность отставания его развития, снижения группы здоровья в раннем возрасте, отклонения массы тела и физического развития в 6 лет. Отсутствие доступа к консультациям узких специалистов в возрасте 1, 3 и 6 лет сопряжено с более частой заболеваемостью, нарушениями физического и нервно-психического развития, риском хронических заболеваний и постановкой на диспансерный учет. Недостаточная оснащенность медицинского учреждения необходимым оборудованием и отсутствие у семьи материальных средств на получение платной помощи более чем вдвое увеличивают риск диспансерного наблюдения ребенка по поводу хронического заболевания. Поэтому проблемы кадрового обеспечения женских консультаций, перинатальных центров и детских поликлиник, а также снабжения беременных женщин и детей бесплатными лекарствами и медицинскими средствами требуют особого внимания и скорейшего решения с целью здоровьесбережения детского населения.

Здоровье ребенка, фактор риска, беременность, консультативная врачебная помощь, обеспеченность врачами, доступность лекарственных средств, развитие ребенка, диспансерный учет, дефицит веса, группа здоровья.

Введение

Медицинская помощь в настоящее время рассматривается как общественное достояние, на которое могут рассчитывать все граждане независимо от уровня доходов и места жительства (Николюкина, Кондрашова, 2011; Старшинова, Гоголева, 2015). В современном мире система здравоохранения не только оказывает качественную и безопасную медицинскую помощь, но и через профилактику заболеваний, восстановление здоровья больных и повышение качества жизни населения способствует росту благосостояния страны (Морозова, Бошкович, 2024). Профессор Института проблем рынка РАН д-р экон. наук А.С. Тулупов предлагает включить показатели обеспеченности и доступности медицинских услуг, покрытия медицинскими учреждениями, укомплектованности необходимыми лекарствами и оборудованием, медицинским квалифицированным

персоналом в систему оценки национальной безопасности России в сфере здравоохранения (Тулупов, 2024).

Система охраны материнства и детства направлена на сохранение и укрепление здоровья женщины, рождение и воспитание здорового ребенка. Наличие и качество медицинских услуг, оказываемых беременным на всех сроках гестации, роженицам, родильницам и новорожденным, проживающим в условиях городских, сельских, районных территорий региона, оказывает решающее влияние на индексное значение смертности среди младенцев (Третьяков и др., 2024). Беременность – период величайшего испытания женского организма на прочность. Диагностика заболеваний у будущей матери сложна из-за уникальной физиологии ее организма, характеризующейся глубокой перестройкой многих органов и систем (Аргунова, 2023). У женщин нередко диагностируются патологии, кото-

рые не проявлялись до гестации (Аргунова, 2020). Крайне важно в данный период налаженное взаимодействие консультативной помощи узких специалистов с акушерами-гинекологами для минимизации факторов риска здоровью ребенка со стороны матери.

В связи с этим Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила доступ к комплексу необходимых медицинских услуг во время беременности, родов и послеродового периода фундаментальным правом женщины и ребенка.

В социальном государстве одной из значимых задач по обеспечению эффективного функционирования системы здравоохранения является достижение высокого уровня качества и доступности медицинской помощи детскому населению. В Федеральном законе РФ от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ государство признает приоритет охраны здоровья детей как одного из важнейших и необходимых условий их физического и психического развития. Органы государственной власти РФ и ее субъектов в соответствии со своими полномочиями обязаны создавать и развивать организации здравоохранения, оказывающие медицинскую помощь детям.

Значительный вклад в становление здоровья ребенка вносится в период раннего возраста, особенно в первые месяцы жизни при адаптации к внеутробной жизни в окружающей среде, когда происходит становление нервно-психического и физического развития, функциональное созревание систем организма (Вельтищев, 2000; Альбицкий и др., 2007; Чичерин, Никитин, 2010; Гаджиев, Агаларова, 2016; Ахмедова, 2022). Около 40% детей заболевают именно

до трех лет, при этом отмечается динамика роста уровня заболеваемости на территории РФ (Ахмедова, 2022). Поэтому одним из приоритетных направлений социальной политики России с 2016 года становится создание системы раннего выявления проблем и комплексной помощи в развитии ребенка (Шмелева и др., 2024).

Важными условиями эффективности ранней помощи являются межведомственное взаимодействие и наличие кадров. Одним из «майских указов» Президента РФ В.В. Путина (от 7 мая 2018 года № 204 «О Национальных целях и стратегических задачах на период до 2024 года»²) определена важнейшая задача ликвидации кадрового дефицита в здравоохранении и обеспечения доступности медицинской помощи. Без ее решения невозможно добиться успеха ни по одному из федеральных проектов, включенных в национальные проекты «Здравоохранение» и «Демография»³. Подчеркнуто, что основные решения в отношении здоровья населения должны приниматься на уровне первичного звена. В их число помимо прочего входят сопровождение беременности и патронаж детей первого года жизни.

Отметим, что кадровый кризис в здравоохранении актуален для всего мирового сообщества. Плотность и распределение работников здравоохранения являются показателем Целей устойчивого развития ООН⁴. Инвестиции в трудовые ресурсы здравоохранения способствуют экономическому росту⁵. По данным исследования (Naakenstad et al., 2022), в глобальном масштабе кадровое обеспечение медицинскими работниками в период с 1990 по 2019 год неуклонно росло. Тем не менее ощущается

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025>

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

³ Национальный проект «Здравоохранение» и обеспечение доступности и качества ПМСП. URL: <https://medvedomosti.media/pediatrics/articles/natsionalnyy-proekt-zdravookhraneniye-i-obespecheniye-dostupnosti-i-kachestva-pmsp>

⁴ UN Statistics Division Indicator 3.c.1. E-handbook on SDG indicators. URL: <https://unstats.un.org/wiki/display/SDGHandbook/Indicator+3.c.1>

⁵ WHO High-Level Commission on Health Employment and Economic Growth. Final report of the expert group. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/250040>

существенная нехватка работников здравоохранения во всем мире по сравнению с расчетными уровнями рабочей силы. Дефицит национальных кадров здравоохранения в 2019 году составил 6,4 миллиона врачей, 30,6 миллиона медсестер и акушеров, 3,3 миллиона стоматологов и 2,9 миллиона фармацевтических работников. ВОЗ наметила амбициозную повестку дня по расширению и повышению качества трудовых ресурсов здравоохранения к 2030 году⁶.

Современные проблемы развития кадров здравоохранения в мире связаны с дефицитом персонала, дисбалансом численности врачей и сестринского и акушерского персонала, чрезмерной концентрацией квалифицированных медицинских работников в крупных городах (Абзалиева и др., 2018) и их оттоком из государственных медицинских организаций в частные. Отметим, что из-за низкого уровня зарплат в стране в ноябре 2022 года не хватало 25% медицинского персонала (Соболь, 2024). По оценкам Минздрава РФ, осенью 2023 года нехватка специалистов среднего звена в государственных медицинских организациях составила около 50000 чел. (Кузьмин и др., 2024). В свою очередь недостаточное количество медицинских специалистов и низкое качество медицинского обслуживания способствуют оттоку населения из малых городов в регионы с более благоприятным уровнем и качеством жизни (Соболь, 2024).

Научными исследованиями доказано, что численность населения, которую может обслужить один участковый врач, не может составлять 1000–1500 пациентов при условии дополнительного сопровождения двумя медицинскими работниками со средним образованием (Raffoul et al., 2016). Иначе страдает качество медико-профилактической помощи населению. В Российской

Федерации норматив обслуживаемого населения на терапевтическом участке составляет 1700 чел. от 18 лет и старше в городских условиях, в сельской местности – 1300 чел., для врачей-педиатров – 800 детей в возрасте 0–17 лет⁷.

В современной литературе достаточно широко и разнопланово представлена проблематика, связанная с субъективной оценкой населением доступности и качества медицинской помощи. Изучение удовлетворенности пациентов медицинским обслуживанием посредством социологических исследований является одним из способов оценки его качества (Моисеева и др., 2010; Соколова, 2017; Кислицына, 2020; Бузин, 2022). Степень удовлетворенности пациентов отражает не только социальную эффективность деятельности медицинских организаций, но и работу всей системы здравоохранения.

Так, проблема с доступностью медицинских услуг актуальна, по данным «Superjob», для более чем половины опрошенных россиян. На три балла и ниже оценили местную систему здравоохранения около 60%, а качество их услуг – двое из трех респондентов⁸. Напрямую на проблему доступности врачебной помощи влияет дефицит кадров. По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2022 году, более 44% обратившихся за амбулаторно-поликлинической помощью в медицинские организации и не получивших ее в качестве причины назвали именно отсутствие нужного специалиста, причем в сельской местности их доля превышает 52%, а в городах численностью от 50 до 100 тыс. жителей – 60%⁹.

Основной объем медицинской помощи по мере взросления ребенок получает в условиях поликлиники. Родители, выступая законными представителями ребенка, могут

⁶ WHO global strategy on human resources for health: workforce 2030. URL: <https://www.who.int/publications/item/9789241511131>

⁷ Об утверждении Положения об организации оказания первичной медико-санитарной помощи взрослому населению: Приказ Минздравсоцразвития России от 15 мая 2012 г. № 543н (ред. от 03.12.2019); зарег. в Минюсте России 27.06.2012 № 24726.

⁸ Оценки качества и доступности медицины за 4 года выросли. URL: <https://spb.superjob.ru/research/articles/114882/ocenki-kachestva-i-dostupnosti-mediciny-za-4-goda-vyrosli>

⁹ Комплексное наблюдение условий жизни населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html

объективно оценить качество медицинской помощи, оказанной ему амбулаторно, а при необходимости защитить его законные интересы (Юрьев, Соколова, 2017).

Согласно данным опроса родителей, основными проблемами в работе детских поликлиник являются недостаточный уровень квалификации специалистов, их нехватка, очереди, недостаточный уровень внимания к ребенку (Чвырева, 2010; Полунина, Кудряшова, 2010; Денисов и др., 2015). Выборку в рамках указанных исследований составляли родители детей раннего возраста из различных регионов РФ (г. Рязань, Омская область), изъявившие желание участвовать в анкетировании, преимущественно матери в возрасте 20–29 и 30–39 лет. По данным анонимного анкетирования 1488 родителей детей, получающих медицинскую помощь в АПУ Санкт-Петербурга, проведенного сотрудниками Санкт-Петербургского государственного педиатрического медицинского университета Минздрава России (Юрьев, Соколова, 2017), большинство родителей испытывают трудности с получением талона на прием к врачу-специалисту в детской поликлинике (78%), из них 40% – «иногда», 29% – «всегда», а 8,5% считают это практически невозможным. Наименее доступны следующие узкие специалисты: детские оториноларингологи (25% родителей), неврологи (18%), ортопеды (14%), аллергологи (13%), кардиологи (12%) и офтальмологи (10%). Более половины респондентов (53%) отметили трудности при получении направления на инструментальные виды исследований (УЗИ, рентген, ЭКГ, КТ, МРТ и др.).

На основании статистических материалов Росстата, Минздрава России и базы данных ЦНИИОИЗ Минздрава России в целом по РФ, субъектам РФ и федеральным округам методом сравнительного анализа было осуществлено исследование динамики изменения сети медицинских организаций в сельской местности, показателей обеспеченности врачебными кадрами, койками за период с 2003 по 2018 год. Выявлено, что из-за сокращения численности сельских жителей возникают проблемы организации лечебно-

профилактической и консультативно-диагностической помощи (Руголь и др., 2020). Действительно, результаты анонимного анкетирования 100 родителей пациентов детского поликлинического отделения Новодевяткинского сельского поселения свидетельствуют, что проблема доступности медицинской помощи особенно остро стоит для детского населения. Практически 60% участвовавших в анкетировании родителей обращались за медицинской помощью в другие лечебные организации: оплачивали консультацию специалиста, УЗИ, ЭКГ, рентгенографию, МРТ. Основными причинами обращения в частные медицинские организации, использования платных услуг являются отсутствие очередей, шаговая доступность, удобный график работы, наличие врачей узких специальностей с высокой квалификацией (Соболев и др., 2018).

Есть ряд зарубежных исследований, подтверждающих, что снижение удовлетворенности работой врачей первичной медико-санитарной помощи связаны со снижением качества и преемственности лечения (Bodenheimer, Sinsky, 2014; Willard-Grace et al., 2019). Нехватка кадров, текущая политика и организация здравоохранения создают дефицит времени приема специалиста. При этом ученые признают, что проведено очень мало углубленных исследований, изучающих, какой вред здоровью пациента может наносить сокращенное время приема врача, ухудшая качество и безопасность лечения (Satterwhite et al., 2024).

Метод когортного мониторинга, в рамках которого используется статистическое, медицинское и социологическое наблюдение (Гржибовский, Иванов, 2015), доказал свою эффективность с точки зрения здоровьесбережения, систематически применяется для изучения причин и профилактики детских болезней (Науэн, 2006; Гржибовский, Иванов, 2015; Fleischer, Albright, 2024).

Ранее нами на базе данных пяти волн проспективного мониторинга наблюдения за когортами семей с детьми, проводимого ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» в рамках НИР

«Изучение условий формирования здорового поколения» с 1995 года¹⁰, был произведен расчет относительного риска ряда медико-биологических, социально-демографических, экологических и социально-экономических факторов, сформированных еще до рождения ребенка, влияющих на его здоровье во внутриутробный период и на протяжении первых семи лет жизни (Шматова и др., 2022; Шматова и др., 2023а; Шматова и др., 2023b; Шматова, Разварина, 2023). Однако остается актуальным вопрос, каким образом кадровый дефицит в здравоохранении, низкая доступность бесплатной, гарантированной государством медицинской помощи женщине в период беременности могут повлиять на здоровье ребенка во время формирования работы всех органов и систем. В рамках данного исследования более углубленно рассмотрим влияние этих двух факторов.

Цель исследования – оценить воздействие некоторых факторов организации медицинской помощи на здоровье и развитие детей во внутриутробном периоде и от рождения до шести лет.

Задачи исследования: оценка основных статистических и социологических маркеров здоровья будущих матерей и детского населения; анализ статистических и социологических данных, характеризующих деятельность системы здравоохранения и степень доступности ее услуг и специалистов; расчет относительного риска неблагоприятных факторов доступности медицинской помощи для здоровья и развития ребенка до рождения и в первые шесть лет жизни.

Объект исследования – семьи с детьми в Вологодской области; предмет – здоровье детей 0–6 лет.

Методика исследования

На первом этапе исследования проанализированы данные Росстата, характеризующие некоторые негативные тренды состояния здоровья женщин, беременных и родильниц, а также детей до 14 лет и подростков 15–17 лет, за период 2010–2022 гг. Дополнительно изучены статистические данные о расходах государственного бюджета в разных странах и регионах России на систему здравоохранения, рассмотрены показатели обеспеченности медицинскими кадрами и коечным фондом.

На втором этапе исследования произведена оценка выборочных данных упомянутого выше медико-социального когортного мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения». В качестве информантов, заполняющих анкеты, выступали медицинские работники (акушер-гинеколог, неонатолог, педиатр) и матери детей. Были использованы интер- и интракогортные методы анализа данных.

В информационную базу объединены данные когортного медико-социального мониторинга пяти волн: 1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг. Исходное число родильниц составило 1464 женщины, обследовано 1037 детей, принявших дальнейшее участие в исследовании в возрасте 0–6 лет.

Оценка силы взаимосвязи фактора с отдельными параметрами состояния здоровья ребенка производилась с помощью расчета показателя относительного риска (ОР).

¹⁰ Каждая когорта (1998, 2001, 2004, 2014, 2020 гг. р.) набиралась в пяти населенных пунктах Вологодской области: в городах Вологде, Череповце, Великом Устюге, Кириллове и в поселке Вожега. Отбор населенных пунктов осуществлен в случайном порядке. Критерии включения в каждую из когорт – рождение ребенка в определенный период времени (март – апрель), согласие женщины принимать дальнейшее участие в обследовании. В целом в пяти когортах было набрано 1464 ребенка. Из них приняли участие хотя бы на одном из этапов исследования до достижения ребенком возраста 7 лет – 1037. Именно они и составили выборку настоящего исследования. Данные по первой когорте, набранной в 1995 году, были исключены из анализа в силу малой информативности первой анкеты относительно факторов риска здоровью ребенка. Авторская методика мониторинга предусматривала заполнение анкет разными группами респондентов: детьми (с 10 лет), родителями (преимущественно матерями) и медицинскими работниками. В отношении детей данной выборки были включены вопросы о состоянии нервно-психического и физического развития, условиях жизни. Опросник состоял из двух частей, одна из которых (относительно условий жизни и развития детей) заполнялась родителями, другая, содержащая оценку здоровья ребенка, – неонатологами и участковыми врачами-педиатрами.

ОР рассчитывался как отношение наступления неблагоприятного исхода для здоровья в «экспонированной» группе (подвергшейся воздействию фактора риска) к аналогичному риску в «неэкспонированной» группе (не подвергшихся воздействию) на основе четырехпольной таблицы сопряженности: фактор риска (есть/нет) × неблагоприятный исход (есть/нет).

$$RR = \frac{A \cdot (C + D)}{C \cdot (A + B)}$$

	Есть неблагоприятный исход для здоровья (1)	Нет неблагоприятного исхода для здоровья (0)	Всего
Фактор риска присутствует (1)	A	B	A + B
Фактор риска отсутствует (0)	C	D	C + D
Всего	A + C	B + D	A + B + C + D

Если ОР больше 1, то действие изучаемого фактора повышает риск развития неблагоприятного исхода, и чем больше значение ОР, тем вероятность выше. Если ОР меньше 1, то фактор защитный и снижает вероятность утраты показателя здоровья. В каждом случае обязательно оценивается статистическая значимость относительного риска исхода из значений 95% доверительного интервала (ДИ). Отметим, что ОР не несет информации о величине абсолютного риска, а демонстрирует силу связи между воздействующим фактором и отставанием в развитии.

Анализ влияния изучаемого фактора риска на здоровье детей производился нами в период беременности женщины (ретроспективные ответы матери на вопросы анкеты) и при получении медицинской помощи ребенку в возрасте 6 месяцев, одного года, трех и шести лет.

Остановимся на необходимых нам для расчета показателя относительного риска и формирования четырехпольной таб-

лицы сопряженности (1) факторах риска и (2) неблагоприятных исходах для здоровья.

В рамках данного исследования в качестве фактора доступности медицинской помощи мы оценивали ответы женщин – участниц мониторинга об удовлетворенности следующими аспектами организации медицинского сопровождения в период беременности: (1) возможность получения своевременного лабораторно-диагностического обследования; доступность (2) своевременной квалифицированной акушерско-гинекологической (врачебной), (3) терапевтической помощи, (4) консультативной врачебной помощи узких специалистов (невропатолог, офтальмолог и др.); (5) возможность своевременной госпитализации; (6) обеспеченность необходимыми лекарственными препаратами (в том числе препаратами, содержащими железо, витамины) и медицинскими средствами; информации (7) по вопросам подготовки к родам и (8) ухода за новорожденным. Фактор считался нами положительным в случае негативной оценки, неудовлетворенности будущей матерью данными показателями медицинского сопровождения.

В дальнейшем, после рождения ребенка, в качестве изучаемого в данном исследовании фактора риска мы рассматривали (1) «низкую» оценку матерью доступности видов медицинской помощи ребенку (своевременного лабораторно-диагностического обследования; своевременной квалифицированной помощи врача-педиатра; врачей различных специальностей (невропатолог, хирург, аллерголог и др.); своевременной госпитализации в случае необходимости; лекарственных препаратов (в том числе витаминов) и медицинских средств; информации по вопросам ухода за ребенком в случаях заболевания; (2) «частые» проблемы в организации работы детских медицинских учреждений (очереди и невозможность попасть на прием к специалистам; плохая организация работы регистратур; некомпетентность врача; неудобный график работы специалистов; невнимательное, неуважительное отношение медработников; отсутствие нужных специалистов и недостаток

информации об их работе; необходимость пользоваться платными услугами; отсутствие денег на платных специалистов; недостаточная оснащённость медицинского учреждения оборудованием; недостаток или дороговизна медикаментов).

В качестве неблагоприятных исходов для здоровья ребенка мы рассматривали: (а) кратность заболеваемости (учитывалась частота более 5 раз в год); (б) соответствие физического (отставание в развитии, а также избыток/недостаток массы тела) и нервно-психического развития (НПР) возрастной норме (отставание); (с) группу здоровья (наличие 2 и ниже группы здоровья); (д) постановку ребенка на диспансерный учет.

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0). В обсуждении результатов нами представлены лишь те факторы риска, которые продемонстрировали связь с ухудшением здоровья ребенка.

Научная новизна представленной работы заключается в уточнении и детализации силы и направленности воздействия фактора, связанного с несовершенной организацией медицинской помощи беременной женщине и маленькому пациенту, на конкретные неблагоприятные исходы здоровья ребенка.

Практическая значимость проведенного исследования позволит научно обосновать острую необходимость скорейшего решения проблемы кадрового потенциала в здравоохранении при планировании будущих стратегий профилактики нарушений здоровья, физического и нервно-психического развития детей, начиная с работы женских консультаций, перинатальных центров, детских и взрослых поликлиник.

Результаты и обсуждение

Основные тенденции состояния здоровья беременных женщин и детского населения в России

Научно доказано, что здоровье будущей матери является защитным фактором развития ее ребенка. Статистические данные относительно здоровья женщин до и во вре-

мя беременности и родов демонстрируют благоприятные поступательные тенденции снижения заболеваемости и улучшения большинства показателей. Однако мы остановимся на некоторых негативных трендах здоровья женского населения. По данным Росстата, можно отметить в период с 2010 по 2022 год 20%-й рост заболеваемости женщин злокачественными новообразованиями (табл. 1), особенно молочной железы (на треть) и матки (на четверть), что в большей степени может быть вызвано совершенствованием системы ранней диагностики этих патологий. Показатель бесплодия российских женщин детородного возраста увеличивался до 2015 года с последующим снижением, в 2021–2022 гг. он оставался примерно на одном уровне (203 женщины на 100 тыс. женщин 15–49 лет). Также можно отметить поступательный рост показателя расстройства менструаций у женщин репродуктивного возраста.

Ряд патологий беременных женщин может оказывать существенное вредное воздействие на протекание родовой деятельности. Так, за изучаемый период более чем в 30 раз выросла заболеваемость будущих матерей сахарным диабетом, осложнившим роды (см. табл. 1). Незначительно увеличилась доля различных венозных осложнений. Количество случаев анемии у беременных возрастало на протяжении 2010–2019 гг., далее наблюдается снижение показателя. Тем не менее его значение на 8% выше уровня 2010 года. Частота кровотечений в послеродовом и послеродовом периодах родов с 2019 года, напротив, выросла на четверть и также превышает показатель 2010 года.

Отметим, однако, благоприятные тенденции снижения заболеваемости беременных болезнями мочеполовой и сердечно-сосудистой систем (на 30%), нарушений родовой деятельности (на 40%) и случаев гипертонивных расстройств, отеков (более чем вдвое).

Примерно 35–37 из 100 родов считаются нормальными, и их доля стабильна в течение всего изучаемого периода (2010–2022 гг.). Однако наблюдается тенденция роста приме-

Таблица 1. Негативная динамика показателей состояния здоровья женщин и осложнений в родах в России в период 2010–2022 гг.

Показатель	Год						Динамика
	2010	2015	2019	2020	2021	2022	
Заболеваемость женщин отдельными болезнями, на 100 тыс. женщин							
Злокачественные новообразования, в т. ч.:	363,06	405,03	440,46	379,29	400,34	435,35	119,9
молочной железы	74,5	84,5	93,3	82,1	88,5	97,5	130,9
шейки и тела матки, плаценты	45,1	52,3	56,5	50,2	52	56	124,2
яичника	17,0	17,8	17,9	16,6	16,9	17,9	105,3
Расстройства менструаций*	1390,3	1360,4	1456,8	1302,9	1439,1	1505,3	108,3
Бесплодие*	201,28	278,33	252,39	192,52	204,06	203,29	101,0
Число заболеваний, осложнивших роды, на 1000 родов							
Сахарный диабет	3,7	23,7	76,2	86,2	101,8	113,9	3078,4
Венозные осложнения	22,1	19,8	23,6	24,3	26,3	25,2	114,0
Анемия	230,8	235,3	263,3	261,7	258,1	248,9	107,8
Кровотечение в последовом и послеродовом периодах	12,7	10,8	10,6	11,2	11,7	13,4	105,5
Проведено акушерских операций, на 100 родов							
Вакуум-экстракция	0,5	1,0	1,2	1,3	1,3	1,3	260,0
Кесарево сечение	22,3	27,6	30,1	30,3	30,9	31,2	139,9
Нормальные роды, %	37,4	38,4	36,0	35,9	35,3	36,2	96,8

* На 100 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет.
Источник: Здравоохранение в России – 2023. Разд. 2. Состояние здоровья населения. 2.3. Состояние здоровья женщин. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdravooxran_2023.htm

нения оперативного способа родоразрешения (на 40%; см. табл. 1) и вакуум-экстракции (в 2,6 раза). Последнее, на данным нашего более раннего исследования, выступает серьезным фактором риска здоровью будущего ребенка, повышая вероятность постановки на диспансерный учет на протяжении всего младенческого, раннего и дошкольного периода (Шматова и др., 2022).

Социологические данные о состоянии здоровья матерей участников когортного мониторинга в целом подтверждают статистическую информацию. За 1998–2020 гг. самооценка беременными своего здоровья улучшилась: они в 5 раз чаще стали считать его «отличным» (в 2020 году – 21%). С 1998 года частота гинекологических заболеваний снизилась на 80%, болезней мочеполовой системы – на 70%, системы пищеварения и кровообращения – на 60%, кожи – на треть, органов дыхания и эндокринной системы – на четверть. Негативная тенденция заключается в росте болезней нервной системы и органов чувств (на четверть).

Однако, по данным акушерского анамнеза, нами ранее уже были отмечены следующие негативные тенденции (Шматова, Разварина, 2023): в период беременности у женщин чаще стали проявляться болезни эндокринной системы (в 2020 году – 22%) в целом, сахарный диабет (13,5%) и заболевания щитовидной железы (7%) в частности, а также гипертония (5%). Отметим, что распространение патологий щитовидной железы – общемировая тенденция. Выявленные у будущей матери заболевания создают серьезные диагностические и терапевтические проблемы (Papaleontiou, Naumart, 2022) и могут приводить к внутриутробным психоневрологическим нарушениям, низкому весу при рождении и даже смерти плода (Удовика, Степура, 2015).

Также наблюдается рост в 2020 году частоты токсикоза первой половины беременности (вдвое по сравнению с предыдущими когортами) и болезней мочеполовой системы будущих мам (с 2004 года – на 40%). Положительными моментами в 2020 году

стали минимальный на протяжении всех лет мониторинга показатель распространения диагноза анемии у беременных (40%), а также тенденция снижения токсикоза второй половины беременности (с 18% в 1998 году до 3% в 2020 году).

По результатам когортного мониторинга выявлено, что акушеры-гинекологи в 2,4 раза чаще стали использовать кесарево сечение (с 8% в 1995 году до 28% в 2020 году) при родоразрешении, что также соответствует статистическим данным. Реже наблюдаются те или иные осложнения в родах (кровотечение, раннее излитие околоплодных вод, затяжные и стремительные роды), что, безусловно, является защитным фактором здоровья будущего ребенка.

Ухудшение ряда показателей женского здоровья и родовой деятельности влечет за собой и негативную динамику состояния здоровья детского населения (табл. 2). По данным Росстата, примерно каждый третий (в 2022 году 31,5%, или 398 тыс. новорожденных) из родившихся живыми нездоров. По сравнению с 2010 годом показатель улучшился на 3 п. п., в основном за счет сокращения удельного веса диагноза «отдель-

ные состояния, возникающие в перинатальном периоде» (в 2010 году каждый второй больной новорожденный, а в 2022 году – 43%, или 545300 детей). Однако на 20% увеличилась доля новорожденных с врожденными аномалиями развития, составив 3,6% (45900 новорожденных).

Примерно каждый пятый (200 на 1000 детей) ребенок на первом году жизни страдает тем или иным заболеванием нервной системы (см. табл. 2), а почти каждый десятый в 2022 году – имел врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения. Оба показателя выше уровня 2010 года на 7 и 28% соответственно. Более чем на 43% увеличилась доля детей, пострадавших на первом году жизни от различных травм, отравлений и некоторых других воздействий внешних причин.

Рост числа врожденных аномалий развития, выявленных как при рождении, так и на первом году жизни младенца, является очень тревожным трендом.

По сравнению с 2001 годом растет оценка состояния здоровья новорожденных участников когортного мониторинга по шкале Апгар (с 8,0 баллов в 2001 году до 9,1

Таблица 2. Ряд показателей здоровья детей в России в период 2010–2022 гг.

Показатель	Год					
	2010	2015	2019	2020	2021	2022
Состояние здоровья новорожденных, % от числа родившихся живыми						
Родилось детей больными или заболели (массой тела 1000 г и более), в т. ч.:	35,5	31,8	31,4	30,9	31,1	31,5
врожденные аномалии	3,0	2,9	3,4	3,3	3,4	3,6
отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	49,3	43,4	43,0	42,0	42,7	43,1
Недоношенные	5,3	5,8	6,2	6,0	6,2	6,0
Заболеваемость детей на первом году жизни, на 1 тыс. детей до года						
Болезни нервной системы	195,5	204,2	214,7	205,9	216,1	209,4
Врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения	74,0	67,7	86,5	83,7	90,8	94,8
Травмы, отравления и другие внешние причины	16,1	13,0	23,3	22,8	22,7	23,1
Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет психическими расстройствами и расстройствами поведения, на 100 тыс. детей в возрасте 0–14 лет						
Психозы и состояния слабоумия	8,8	12,5	15,5	15,2	19,4	22,4
Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом психозы и состояния слабоумия, на 100 тыс. детей в возрасте 0–14 лет						
Психозы и состояния слабоумия	74,8	91,2	136,0	149,8	166,9	190,8

Источник: Здравоохранение в России – 2023. Разд. 2. Состояние здоровья населения. 2.3. Состояние здоровья детей в возрасте 0–14 лет. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooxran_2023.htm

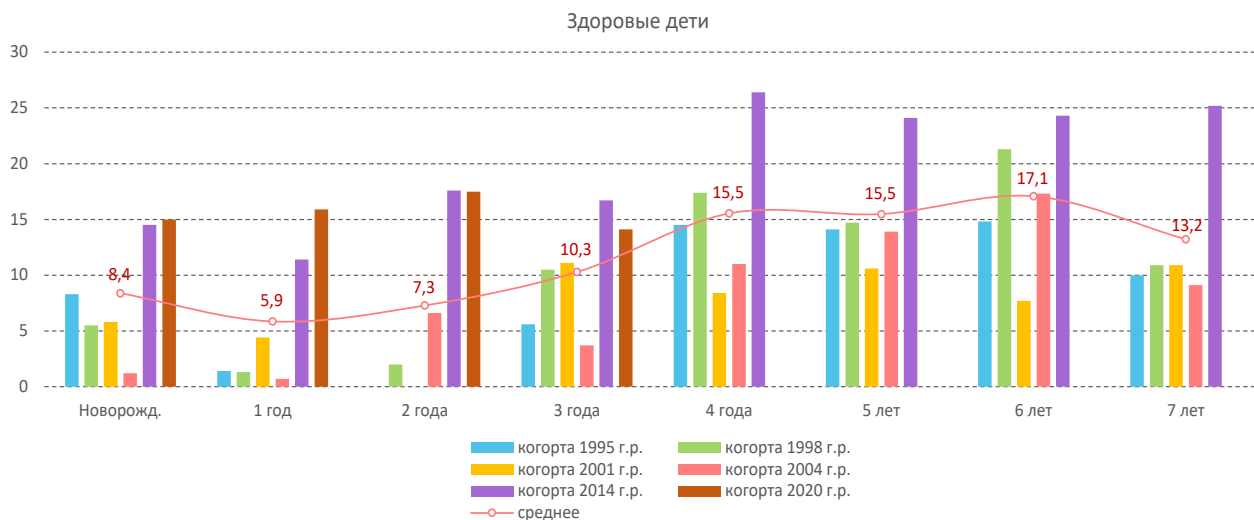

Рис. 1. Доля здоровых детей – участников 6 волн когортного мониторинга на протяжении дошкольного периода, %

Источник: результаты авторского исследования.

в 2020 году). Также в два раза реже выявляются какие-то серьезные врожденные пороки развития и заболевания (29,6% в 2001 году и 16,6% в 2020 году). Отметим, что особенность выборки мониторинга заключается в добровольном участии родивших женщин, а не всех рожениц. Полагаем, что матери, родившие детей с серьезными патологиями развития, изначально отказались от участия в исследовании, поэтому социологические данные несколько не соответствуют статистическим показателям распространения врожденных патологий у новорожденных, что не умаляет значимость полученных результатов.

По данным Росстата¹¹, доля здоровых детей, которые в рамках профилактических осмотров характеризуются первой группой здоровья, стабильна на протяжении 2015–2022 гг. (в пределах 28–29%). Доля представителей второй группы здоровья составляет более половины детей (56–57%), третьей – 12–14%, остальные – 2–3%.

Однако анализ результатов когортного мониторинга не позволяет говорить о такой многочисленности представителей первой группы здоровья. В 2004 году было на-

брано минимальное количество здоровых детей (около 1% новорожденных; рис. 1). Наибольшая доля детей I группы на протяжении всего дошкольного периода наблюдалась в когорте 2014 года рождения. В ней после четырех лет каждый четвертый ребенок имел I группу здоровья.

Согласно рис. 1, наибольшее снижение удельного веса здоровых детей отмечается на первом году жизни (5,9% в среднем по 6 когортам), а в дальнейшем наблюдается некоторый рост их числа до 6 лет (до 17%) с последующим снижением к моменту поступления в школу (до 13%).

Основные маркеры деятельности системы здравоохранения и степени доступности ее услуг и специалистов

Безусловными лидерами по расходам на систему здравоохранения, по данным Росстата¹², являются такие страны, как США, Германия, Великобритания, Швеция, выделяющие на эту сферу порядка 10% ВВП. Затем следуют Франция (9,4%), Дания (9,3%), Австрия и Бельгия (8,8%), Канада (8,7%), Норвегия (8,6%), Чехия (8,1%). В азиатском регионе лидируют Япония (9,2% ВВП), Израиль (5,9%), Республика Корея (5,1%).

¹¹ Здравоохранение в России – 2023 (2023): стат. сб. Москва: Росстат. Разд. 2.43. Результаты профилактических осмотров детей в возрасте 0–14 лет.

¹² Россия и страны мира – 2023. Раздел 7. Здравоохранение. 7.5. Государственные расходы на здравоохранение. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_stran_mira_2023.htm

В 2021 году Россия тратила на нужды здравоохранения 3,8% ВВП страны, что меньше, чем в ЮАР (5,3%), ряде латиноамериканских государств, а также в странах бывшего «соцлагеря» – Белоруссии, Молдове и Латвии.

Тем не менее уровень обеспеченности медработниками в России можно сравнить с уровнем передовых европейских стран, что признают зарубежные ученые (Haakenstad et al., 2022). Численность врачей в России достаточно высока, в 2021 году она составила 505 (в 2022 году – 508) на 100 тыс. чел. населения, что позволяет стране занимать шестое место в Европе по данному показателю. В пятерку лидеров в 2021 году входили Греция (616), Австрия (541), Португалия (532), Беларусь (522) и Норвегия (516). В Азии больше всего врачей в Израиле (335), Азербайджане (324), Узбекистане (271), Японии (260) и Южной Корее (256). Наименьшие показатели отмечались в Европе – во Франции и Великобритании, в Азии – в Бангладеш (67) и Индии (70). На 100 тыс. американских жителей в 2021 году приходилось 267 врачей, канадских – 277¹⁵.

По числу больничных коек Россия в 2021 году (791 койка на 100 тыс. чел. населения, а в 2022 году – 780) занимала второе место в Европе после Болгарии (792). Также высокие показатели отмечались в таких европейских странах, как Германия, Румыния, Австрия, Молдавия, и странах азиатского региона – Республике Корея, Японии, Китае. Меньше коечного фонда, как и врачей, в Азии – в Индии и Бангладеш, в Европе – в Швеции, Великобритании, Дании. В США число больничных коек на 100 тыс. чел. населения (277) меньше, чем в Израиле (291) и в 2,8 раза ниже, чем в России¹⁴.

Наиболее обеспечен в России медицинскими специалистами Северо-Западный федеральный округ (63,2 на 10 тыс. чел. населения; табл. 3), в основном за счет Санкт-Петербурга с показателем 89 врачей на 10 тыс. чел. населения). При этом в округ входят три региона-

аутсайдера по кадровому обеспечению здравоохранения: Псковская (35,0), Ленинградская (35,8) и Вологодская (36,0) области. Последняя занимает 81 место в стране, что говорит об актуальности проблемы кадрового дефицита для региона.

В России, по данным Росстата¹⁵, в 2023 году числилось 744 тыс. врачей, в Вологодской области – чуть более 4 тыс. При этом доля работающих в медицинских учреждениях государственной формы собственности сокращается, а в частных клиниках – значительно увеличивается (в России с 2016 года – на 71%, в Вологодской области – на 56%).

Показатель укомплектованности штатных должностей физическими лицами в целом по стране за последние пять лет вырос до 63,6% при снижении коэффициента совместительства до 1,3 (Латышова, Иванова, 2023).

При этом, если проанализировать данные Росстата¹⁶, можно сказать, что за период 2010–2023 гг. в России существенно снизилась обеспеченность педиатрами (на треть в расчете на 10 тыс. детей в возрасте 0–14 лет), фтизиатрами (на 16%), психиатрами и наркологами (на 12%), но выросла численность рентгенологов (на 30%), офтальмологов и хирургов (на 16%), стоматологов (на 14%), терапевтов (на 13%) и отоларингологов (на 11%).

В целом острота большинства изучаемых проблем, связанных с организацией медицинского наблюдения будущих матерей, по мнению участниц когортного мониторинга, за период 1998–2014 гг. снижается (рис. 2). Особенно наблюдается скачок средней оценки в когорте 2014 г. р. за исключением одного аспекта – «обеспеченность необходимыми лекарственными препаратами и медицинскими средствами» (показатель остался на уровне 7,3 балла, что даже ниже уровня 2001 года в 7,6 балла).

В 2020 году наибольшее число положительных оценок пришлось на возможность своевременной госпитализации в случае не-

¹⁵ Россия и страны мира – 2023. Разд. 7. Здравоохранение. 7.1. Некоторые показатели развития системы здравоохранения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus_stran_mira_2023.htm

¹⁴ Там же.

¹⁵ Численность врачей всех специальностей (физических лиц) в организациях, оказывающих медицинские услуги населению, на конец отчетного года. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31547>

¹⁶ Здравоохранение в России. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Zdravooxran_2023.htm

Таблица 3. Численность врачей всех специальностей, на 10000 чел. населения, чел.

Регион	Год						Место в РФ, 2022 год
	2005	2010	2015	2020	2021	2022	
Российская Федерация	48,6	50,1	45,7	50,0	50,5	50,8	-
Центральный ФО	50,9	53,5	45,5	52,1	53,2	54,0	3
Южный ФО	43,6	44,4	41,5	43,9	44,0	44,3	7
Северо-Кавказский ФО	42,5	40,1	39,2	43,4	43,3	43,7	8
Приволжский ФО	46,7	47,2	45,0	47,5	47,6	47,5	6
Уральский ФО	42,5	46,0	43,1	47,1	47,4	48,2	5
Сибирский ФО	51,6	52,4	47,2	49,5	49,8	49,5	4
Дальневосточный ФО	52,3	54,2	51,8	54,7	54,5	54,4	2
Северо-Западный ФО	54,3	57,8	54,5	61,6	62,8	63,2	1
Республика Карелия	50,5	50,4	51,2	59,5	60,6	59,0	13
Республика Коми	45,0	47,5	50,3	55,3	54,8	54,0	24
Архангельская область, в т. ч.:	53,2	56,6	55,4	59,6	60,8	61,1	-
Ненецкий АО	39,1	44,4	48,0	54,6	57,2	55,6	18
Архангельская область без АО	53,7	57,0	55,7	59,8	61,0	61,3	8
Вологодская область	35,3	34,6	35,2	36,2	35,7	36,0	81
Калининградская область	35,7	34,5	44,5	46,4	48,3	49,5	35
Ленинградская область	30,6	34,4	32,8	35,5	36,3	35,8	80
Мурманская область	50,1	57,4	55,4	55,2	55,5	55,0	21
Новгородская область	39,2	41,3	43,2	42,8	43,5	43,1	64
Псковская область	34,7	34,6	34,5	33,2	34,5	35,0	83
г. Санкт-Петербург	80,0	84,8	72,3	86,0	87,9	89,1	1

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2023 (2023): стат. сб. Разд. 6. Здравоохранение. 6.4. Численность врачей всех специальностей / Росстат. Москва. С. 372–373. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_Rus_Pokaz_2023.htm

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, по шкале от 1 (низкая) до 10 (высокая) степень доступности для Вас нижеперечисленных обстоятельств, связанных с организацией медицинского наблюдения в период настоящей беременности»

Источник: результаты авторского исследования.

обходимости. Более 60% родивших женщин высоко оценили данное направление работы служб здравоохранения. Практически столько же убеждены в высокой доступности квалифицированной акушерско-гинекологической помощи. Чуть меньше (каждая вторая участница когортного мониторинга) полностью удовлетворены возможностями лабораторно-диагностического обследования. Низкую оценку вышеуказанным аспектам организации медицинского наблюдения в период беременности поставили менее 4% респонденток.

Тем не менее наиболее острыми проблемами организации медицинской помощи будущим матерям, по мнению участниц когортного мониторинга, являются недостап-

ность консультативной врачебной помощи узких специалистов: невропатолог, офтальмолог и др. (в 2020 году – каждая пятая) и недостаточная обеспеченность необходимыми лекарственными препаратами (в т. ч. содержащими железо, витамины) и медицинскими средствами (в 2020 году – каждая четвертая; рис. 3).

Наиболее высокие оценки доступности врачей по различным специальностям и лекарств в период наблюдения беременности ставили будущие роженицы из г. Череповца, а низкие – жители Вологды и сельской местности (табл. 4). «Кадровый голод», судя по оценкам респонденток, для г. Череповца чуть менее актуален. В целом оценка всех показателей гораздо выше среди черепов-

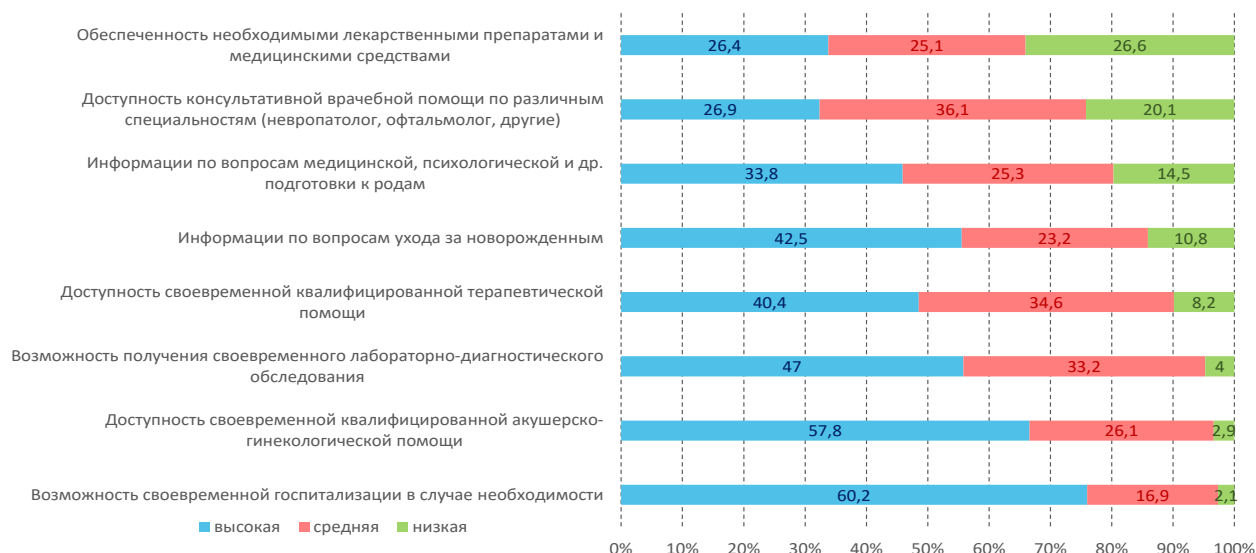

Рис. 3. Оценка степени доступности по различным аспектам при организации медицинского наблюдения в период беременности, 2020 год, % от числа ответивших

Источник: результаты авторского исследования.

Таблица 4. Оценка доступности необходимых лекарств, медицинских средств и врачей в период беременности, 2020 год, %

Оценка	Среднее	Территория			Группы здоровья	
		Вологда	Череповец	Районы	I	II ... IV
Обеспеченность необходимыми лекарственными препаратами (в том числе препаратами, содержащими железо, витамины) и медицинскими средствами						
Высокая	26,4	25	31,3	20	21,5	28,7
Средняя	25,1	25,4	20,9	35	24	25,6
Низкая	26,6	27,2	25,2	27,5	28,1	26
Доступность консультативной врачебной помощи по различным специальностям (невропатолог, офтальмолог и др.)						
Высокая	26,9	22,8	35,7	25	21,5	29,5
Средняя	36,1	37,9	32,2	37,5	36,4	36
Низкая	20,1	21,4	17,4	20	23,1	18,6

чанок, что может говорить о действительно более налаженной и развитой системе медицинского сопровождения будущих матерей.

Примечательно, что матери, родившие детей со II группой здоровья и ниже, чаще, чем матери детей с I группой здоровья, удовлетворены организацией и качеством оказываемой им во время беременности помощи.

Несмотря на неплохие позиции России в мире с точки зрения укомплектованности врачами и медицинскими койками на душу населения, проблема «кадрового голода» в здравоохранении (в т. ч. в Вологодской области) остается крайне актуальной, особенно в государственных учреждениях, в сельской местности и ряде отдаленных, экономически неблагополучных регионов или на территориях, примыкающих к крупным развитым центрам. Назрела острая потребность в решении проблемы дефицита квалифицированных медицинских кадров. В Вологодской области предпринимаются определенные шаги в этом направлении, в т. ч. посредством открытия филиала Ярославского медицинского института, внедрения программ поддержки молодых специалистов, в т. ч. сельской местности (например, «Земский доктор»), увеличения заработной платы врачей и среднего медицинского персонала.

Воздействие фактора организации системы здравоохранения и ее доступности на здоровье участников когортного мониторинга

Посредством расчета показателя относительного риска было выявлено, что негативные оценки организации медицинской помощи со стороны матерей, начиная с внутриутробного периода развития ребенка, наиболее тесно связаны с параметрами его здоровья по мере взросления.

Так, если будущая мать в период беременности не получила достаточной консультативной врачебной помощи невропатолога, офтальмолога и других узких специалистов, то в возрасте 6 лет ребенок чаще ставился на диспансерный учет (ОР = 2,25; 95% ДИ:1,15–4,39).

С одной стороны, нуждаемость будущей матери в квалифицированной помощи от-

дельных врачей могла быть связана с наличием у нее хронических заболеваний, изначально низким собственным потенциалом здоровья. Это могло привести к развитию аналогичных проблем у ее ребенка. С другой стороны, не оказанная своевременно консультация беременной женщине, неназначенное лечение могли привести к нарушениям внутриутробного развития плода, которые не были диагностированы после рождения, а проявились лишь к дошкольному возрасту.

Низкая обеспеченность будущей матери лекарственными препаратами (в том числе содержащими железо, витамины) и медицинскими средствами повышает риск снижения группы здоровья ребенка к шестимесячному возрасту (ОР = 1,56; 95% ДИ:1,03–2,43) и года (ОР = 1,91; 95% ДИ:1,22–3,01), отставания в физическом и нервно-психическом развитии на первом году жизни (ОР = 2,04; 95% ДИ:1,22–3,41), дефициту веса к дошкольному возрасту (ОР = 4,56; 95% ДИ:1,94–10,73). Таким образом, отсутствие у беременной женщины возможности получить необходимое лекарственное лечение ее заболеваний (в т. ч. очень опасной для развития плода анемии) может негативно сказаться на формировании и развитии различных органов и систем будущего ребенка, привести к ухудшению показателей его здоровья на протяжении первых шести лет жизни.

Если мать полугодовалого младенца столкнулась со сложностями в приобретении лекарств и предметов медицинского назначения, это также увеличивало вероятность отставания развития ребенка на первом году жизни (ОР = 2,21; 95% ДИ:1,11–4,40) и снижения группы здоровья в возрасте одного года (ОР = 2,60; 95% ДИ:1,64–4,12) и трех лет (ОР = 2,25; 95% ДИ:1,33–3,82), отклонений ИМТ (ОР = 3,30; 95% ДИ:1,89–5,78) и физического развития в 6 лет (ОР = 4,95; 95% ДИ:2,03–12,06). Сложности в получении консультаций узких специалистов в возрасте полугодия у ребенка были связаны с частой заболеваемостью в 6 лет (ОР = 5,88; 95% ДИ:1,10–31,45), а в годовалом возрасте – с отклонениями физического развития

(ОР = 4,73; 95% ДИ:2,03–11,04) и постановкой на диспансерный учет в 6 лет (ОР = 2,70; 95% ДИ:1,41–5,17).

Отсутствие доступа к узким специалистам по достижении ребенком трех лет также связано с отставанием в физическом и нервно-психическом развитии (ОР = 2,01; 95% ДИ:1,09–3,70), в 6 лет – с риском хронических заболеваний, требующих диспансерного учета (ОР = 2,46; 95% ДИ:1,08–5,60). Низкая доступность врачебной помощи ребенку в 3 года также положительно коррелирует с ухудшением параметров здоровья в дошкольном возрасте: диспансерным учетом (ОР = 2,09; 95% ДИ:1,05–4,14), группой здоровья ниже второй (ОР = 1,31; 95% ДИ:1,07–1,60), отставанием в физическом развитии (ОР = 4,56; 95% ДИ:1,92–10,85) и дефицитом веса (ОР = 3,14; 95% ДИ:1,28–7,71).

Аналогичная ситуация наблюдается с факторами риска со стороны организации медицинской помощи перед поступлением в школу. Значительно увеличивается вероятность развития патологий, требующих постановки на диспансерный учет, если мать жалуется на отсутствие необходимых узких специалистов (ОР = 4,08; 95% ДИ:2,35–7,11) и возможности консультации с ними (ОР = 3,80; 95% ДИ:1,66–8,67), недостаточную оснащенность медицинского учреждения необходимым оборудованием (ОР = 2,23; 95% ДИ:1,11–4,51) и дефицит средств на вынужденное посещение платных специалистов (ОР = 2,37; 95% ДИ:1,28–4,40).

Как видим, проблемы со своевременным назначением и проведением лечения ребенку на первом году жизни, а также в раннем детском и дошкольном возрастах могут спровоцировать развитие и усугубление у него хронических заболеваний и постановку в связи с ними на диспансерный учет, отклонения в развитии, более частую заболеваемость и дальнейшую утрату здоровья. Предполагаем, что дальнейшее изучение негативного воздействия фактора доступности медицинской помощи (точнее, ее недоступности) беременной женщине и ее ребенку в младенческом и раннем периоде

развития продемонстрирует его пролонгированное действие в младшем школьном и подростковом периодах развития, а значит, скажется на потенциале здоровья взрослого человека, который он в конечном итоге передаст будущим поколениям.

Мы понимаем, что существует широкий спектр возможного пересечения и взаимного влияния факторов риска для здоровья ребенка в различные периоды развития, что требует дальнейшего более глубокого и всестороннего изучения и станет одним из перспективных направлений нашего исследования.

Заключение

Проведенное исследование показало, что, несмотря на некоторые позитивные изменения показателей здоровья женского и детского населения, существует ряд тревожных тенденций, требующих отлаженной системы своевременной и квалифицированной помощи этим уязвимым группам. А именно: растет заболеваемость женщин онкологией, особенно молочной железы и матки, и расстройствами менструаций; беременных – сахарным диабетом, венозными осложнениями, анемией; возрастает число случаев применения вакуум-экстрактора и кесарева сечения в родах, а также частота кровотечений в этот период; примерно каждый третий рожденный ребенок нездоров; увеличивается доля врожденных аномалий развития и хромосомных нарушений; у детей до 14 лет растет заболеваемость болезнями нервной системы, фиксируется больше травм и отравлений, психозов и состояний слабоумия.

Анализ отдельных показателей системы здравоохранения в России продемонстрировал их сопоставимость с рядом мировых трендов. Однако необходимо увеличение статьи расходов государственного бюджета на медицину. Обеспеченность квалифицированными медицинскими кадрами в России достаточно высокая по сравнению с большинством стран мира, но отмечаются значимые региональные различия, связанные с концентрацией врачей преимущественно в столичных и экономически раз-

витых регионах и жестким их дефицитом в остальной части страны. Вологодская область находится в числе аутсайдеров по обеспеченности медицинскими кадрами. Также крайне актуальна проблема оттока специалистов в частный сектор экономики. К тому же существенно снижается доля педиатров и психиатров на душу детского населения.

Социологические опросы подтверждают негативные оценки деятельности системы здравоохранения и острую нехватку врачей. По данным когортного мониторинга, несмотря на повышение удовлетворенности медицинской помощью в период 1998–2020 гг., доля женщин, часто сталкивающихся в период беременности с проблемой недоступности консультаций узких специалистов и бесплатных лекарств, включая препараты от распространенной анемии и витамины, остается значительной.

Оценка относительного риска ряда показателей, характеризующих, на наш взгляд, организацию и эффективность системы здравоохранения, для состояния здоровья ребенка позволила выделить следующие связи. Низкая обеспеченность беременной женщины лекарственными препаратами повышает риск отставания развития ее ребенка в год и дефицита веса в 6 лет. Неполучение будущей матерью врачебной помощи узких специалистов связано с по-

становкой ее ребенка на диспансерный учет в 6 лет. Сложности с приобретением лекарств на первом году жизни младенца повышают вероятность отставания развития ребенка, снижение группы здоровья в раннем возрасте, отклонений массы тела и физического развития в 6 лет. Отсутствие доступа к консультациям узких специалистов в возрасте 1, 3 и 6 лет сопряжено с более частой заболеваемостью ребенка, отклонениями физического и нервно-психического развития, риском хронических заболеваний и постановкой на диспансерный учет, дефицитом веса. Недостаточная оснащенность медицинского учреждения необходимым оборудованием и ограниченность материальных средств для получения платной помощи более чем вдвое увеличивают риск диспансерного наблюдения ребенка по поводу хронического заболевания.

В связи со сказанным отметим, что внимание к вопросам развития бесплатной квалифицированной медицинской помощи различной специализации, материальной доступности лекарственных препаратов, необходимых для лечения будущей матери и ребенка, может помочь повысить потенциал здоровья населения в целом. Это непременно положительно скажется на интеллектуальном, репродуктивном и трудовом потенциале населения России.

ЛИТЕРАТУРА

- Абзалиева А.Р., Каусова Г.К., Аимбетова Г.Е. (2018). Кадровая политика в здравоохранении: сравнительный анализ международной практики // Вестник КазНМУ. № 3. С. 340–343.
- Альбицкий В.Ю., Волгина С.Я., Курмаева Е.А. (2007). Состояние здоровья и образ жизни детей из бедных семей // Вопросы современной педиатрии. Т. 6. № 6. С. 25–27.
- Аргунова И.А. (2020). Миелоидная реакция у беременной с ремиссией острого лимфобластного лейкоза: сепсис, рецидив или особенность гестации? // Трудный пациент. Гинекология. № 1 (8–9). С. 39–43.
- Аргунова И.А. (2023). Узкие специалисты как «локомотивы» кесарева сечения // Российский вестник акушера-гинеколога. № 23 (3). С. 110–116.
- Ахмедова Э.И. (2022). Наблюдение за детьми периода новорожденности в детской поликлинике // Наука молодых (Eruditio Juvenium). Т. 10. № 1. С. 81–90. URL: <https://doi.org/10.23888/HMJ202210181-90>
- Бузин В.Н. (2022). Доступность и качество медицинской помощи в российском здравоохранении в период пандемии. Второй год с COVID-19: мнение населения // Профилактическая медицина. № 25 (5). С. 37–45.
- Вельтищев Ю.Е. (2000). Проблемы здоровья детей России // Российский вестник перинатологии и педиатрии. № 1. С. 5–9.
- Гаджиев Р.С., Агаларова Л.С. (2016). Совершенствование организации медицинской помощи детям раннего возраста в городских поликлиниках // Вестник Ивановской медицинской академии. Т. 21. № 4. С. 5–10.

- Гржибовский А.М., Иванов С.В. (2015). Когортные исследования в здравоохранении // Наука и здравоохранение. № 3. С. 5–16.
- Денисов А.П., Бабенко А.И., Кун О.А. [и др.] (2015). Медико-социальные аспекты формирования здоровья детей раннего возраста. Омск: Изд-во СибГУФК.
- Кислицына О.А. (2020). Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здравоохранения // Социальные аспекты здоровья населения. № 66 (2). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1152/30/lang.ru>. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8
- Кузьмин К.В., Набойченко Е.С., Петрова Л.Е., Харченко В.С. (2024). Оценка профессиональной готовности студентов медицинского колледжа к работе в системе здравоохранения (по материалам социологического исследования) // Профессиональное образование и рынок труда. Т. 12. № 3. С. 83–99. URL: <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.58.3.006>
- Латышова А.А., Иванова М.А. (2023). Динамика обеспеченности врачебными кадрами в государственных медицинских организациях Российской Федерации в период с 2018 по 2022 год // Социальные аспекты здоровья населения. № 69 (1). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1552/27/lang.ru>. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-6-11
- Моисеева К., Артамонов К., Исенов С. [и др.] (2010). Опыт использования анонимного анкетирования для оценки качества медицинской помощи // Проблема человека: философские, исторические, медицинские, правовые, социологические, этические и культурологические аспекты: сб. науч. трудов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. педиатр. мед. ун-т.
- Морозова Ю.А., Бошкович Р. (2024). Стратегическое планирование в медицинских организациях. Особенности формирования корпоративной стратегии // Стратегирование: теория и практика. Т. 4. № 1. С. 133–148. URL: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-133-148>
- Науэн М.С. (2006). Метод когортного анализа в социологии // ЖССА. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-kogortnogo-analiza-v-sotsiologii> (дата обращения 18.11.2024).
- Николюкина Н.Б., Кондрашова И.С. (2011). Социально-экономические явления и процессы. № 10 (32). С. 157–161.
- Полунина Н.В., Кудряшова Л.В. (2010). Роль участкового педиатра в формировании здоровья детей раннего возраста // Российский медицинский журнал. № 4. С. 3–7.
- Руголь Л.В., Сон И.М., Кириллов В.И., Гусева С.Л. (2020). Организационные технологии, повышающие доступность медицинской помощи для населения // Профилактическая медицина. № 23 (2). С. 26–34.
- Соболев И.Б., Алексеева А.В., Заславский Д.В. (2018). Субъективная оценка доступности амбулаторной медицинской помощи детскому населению // Бюллетень науки и практики. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-otsenka-dostupnosti-ambulatornoy-meditsinskoj-pomoschi-detskomu-naseleniyu> (дата обращения 15.12.2024).
- Соболь Т.С. (2024). Анализ и оценка качества жизни населения страны в современных условиях // Вестник Удмуртского университета. Т. 34. Вып. 2. С. 256–262.
- Соколова В.В. (2017). Некоторые результаты изучения мнения родителей о качестве стационарной помощи детям // Врач-аспирант. Т. 81. № 2.2. С. 286–294.
- Старшинова А.В., Гоголева Е.А. (2015). Активность семей как фактор доступности медицинской помощи детям-инвалидам // Дискуссия: журнал научных публикация. № 5 (57). С. 103–109.
- Третьяков А.П., Фисенко А.П., Апросимова С.И. (2024). Разработанная модель экосистемы охраны здоровья новорожденных западного округа Красноярского края с позитивными изменениями основных демографических показателей по результатам оценки работы за 2023 год // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. № 3. С. 840–861.
- Тулупов А.С. (2024). Оценка национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. № 59 (4). С. 3–23. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-1>
- Удовика Н.А., Степура В.В. (2015). Соблюдение принципа прегравидарной подготовки: что нужно знать врачу и будущим родителям (часть 1) // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. № 3 (15). С. 39–41.
- Чвырева Н.В. (2010). К вопросу доступности амбулаторно-поликлинической помощи детям // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-dostupnosti-ambulatorno-poliklinicheskoy-pomoschi-detyam> (дата обращения 18.12.2024).

- Чичерин Л.П., Никитин М.В. (2010). Медико-социальные аспекты охраны здоровья детей и подростков в Российской Федерации // *Общественное здоровье и здравоохранение*. № 3 (27). С. 22–26
- Шматова Ю.Е., Разварина И.Н. (2023). Динамика медико-социального портрета беременной женщины: опыт регионального мониторинга условий формирования здорового поколения // *Профилактическая медицина*. № 26 (2). С. 14–23.
- Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2022). Факторы риска здоровью ребенка со стороны матери до и во время беременности (итоги многолетнего когортного мониторинга в Вологодской области) // *Анализ риска здоровью*. № 3. С. 143–159. DOI: 10.21668/health.risk/2022.3.14
- Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2023а). Интеркогортный анализ родительских факторов риска развитию ребенка на первом году жизни // *Анализ риска здоровью*. № 2. С. 115–129. DOI: 10.21668/health.risk/2023.2.11
- Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2023б). Факторы риска здоровью ребенка со стороны родителей (по результатам когортного мониторинга за 25 лет) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 2. С. 166–189. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.9
- Шмелева О.С., Труфанов Д.О., Матвеева О.М. (2024). Социологический анализ функционирования служб ранней помощи детям до 3-х лет в Красноярском крае // *Общественное здоровье*. Т. 4. № 1. С. 30–42.
- Юрьев В.К., Соколова В.В. (2017). Основные причины неудовлетворенности родителей доступностью и качеством амбулаторно-поликлинической помощи детям // *Педиатр*. Т. 8. № 6. С. 24–29. DOI: 10.17816/PED8624-29
- Bodenheimer T., Sinsky C. (2014). From triple to quadruple aim: Care of the patient requires care of the provider. *Ann. Fam. Med.*, 12 (6), 573–576.
- Fleischer A.E., Albright R.H. (2024). Prospective surgical cohort analysis. *Clin. Podiatr. Med. Surg.*, 41 (2), 281–290. DOI: 10.1016/j.cpm.2023.07.005
- Haakenstad A. [et al.] (2022). Measuring the availability of human resources for health and its relationship to universal health coverage for 204 countries and territories from 1990 to 2019: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *The Lancet*, 399 (10341), 2129–2154.
- Papaleontiou M., Haymart M.R. (2020). Thyroid nodules and cancer during pregnancy, post-partum and pre-conception planning: Addressing the uncertainties and challenges. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*, 34 (4), 101363. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31786102>
- Raffoul M., Moore M., Kamerow D., Bazemore A. (2016). A primary care panel size of 2500 is neither accurate nor reasonable. *J. Am. Board. Fam. Med.*, 29 (4), 496–499. DOI: 10.3122/jabfm.2016.04.150317
- Satterwhite S., Nguyen M.T., Honcharov V., McDermott A.M., Sarkar U. (2024). «Good care is slow enough to be able to pay attention»: Primary care time scarcity and patient safety. *J. Gen. Intern. Med.*, 39 (9), 1575–1582. DOI: 10.1007/s11606-024-08658-1
- Willard-Grace R., Knox M., Huang B. [et al.] (2019). Burnout and health care workforce turnover. *Ann. Fam. Med.*, 17 (1), 36–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Ирина Николаевна Разварина – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Александра Николаевна Гордиевская – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru)

Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N.

ACCESS TO HEALTH CARE BEFORE BIRTH AND IN THE FIRST SIX YEARS OF A CHILD'S LIFE AS A RISK FACTOR FOR HEALTH AND DEVELOPMENT: COHORT MONITORING EXPERIENCE

The presented work is a continuation of the research of a wide range of risk factors for the health of preschool children on the regional cohort monitoring materials. The aim of this stage is to study the impact of some factors concerning the organization of medical care on children's health and development in the intrauterine period from birth to six years of age. The article uses general scientific (literature analysis, study and generalization of data, comparison, synthesis, induction, deduction, classification) and empirical (measurement, questionnaires, observation, comparison) research methods. The information base is sample data of prospective cohort monitoring in five waves: 1998, 2001, 2004, 2014, and 2020. The scientific novelty of the work consists in assessing the strength and directionality of factors associated with insufficient organization of medical care for pregnant women and young patients on specific adverse child health outcomes. We revealed that low provision of pregnant women with medicines increases the risk of child's underdevelopment at one year of age and weight deficit at 6 years of age, and lack of access to consultative medical care of narrow specialists increases the risk of putting the child on the dispensary register at 6 years of age. Difficulties in acquiring medicines in the first year of an infant's life increase the likelihood of stunted development, reduced health group at an early age, and deviations in body weight and physical development at age 6. Lack of access to consultations of narrow specialists at the age of 1, 3 and 6 years is associated with more frequent morbidity, impaired physical and neuropsychological development, risk of chronic diseases and placement on the dispensary register. Insufficient equipment of a medical facility and lack of financial resources of a family for paid assistance more than doubles the risk of dispensary observation of a child for a chronic disease. Therefore, the problems of staffing of women's clinics, perinatal centers and children's polyclinics, as well as the supply of pregnant women and children with free medicines and medical supplies, require special attention and early resolution to protect the child population's health.

Child health, risk factor, pregnancy, consultative medical care, availability of doctors, availability of medicines, child development, dispensary registration, weight deficit, health group.

REFERENCES

- Abzalieva A.R., Kausova G.K., Aimbetova G.E. (2018). Personnel policy in public health: A comparative analysis of international practices. *Vestnik KazNMU*, 3, 340–343 (in Russian).
- Akhmedova E.I. (2022). Observation of children of the newborn period in children's polyclinic. *Nauka molodykh (Eruditio Juvenium)=Science of the Young (Eruditio Juvenium)*, 10(1), 81–90. Available at: <https://doi.org/10.23888/HMJ202210181-90> (in Russian).
- Al'bitskiy V.Yu., Volgina S.Ya., Kurmaeva E.A. (2007). Health status and lifestyle of children from disadvantaged families. *Voprosy sovremennoi pediatrii=Current Pediatrics*, 6(6), 25–27 (in Russian).
- Argunova I.A. (2020). Myelocytic leukemoid reaction in a pregnant woman with remission of acute lymphoblastic leukemia: Is it sepsis, relapse, or specific feature of gestation? *Trudnyi patsient. Ginekologiya*, 1(8-9), 39–43 (in Russian).
- Argunova I.A. (2023). Subspecialists as “locomotives” of cesarean section. *Rossiiskii vestnik akusheraginekologa*, 23(3), 110–116. (in Russian)
- Bodenheimer T., Sinsky C. (2014). From triple to quadruple aim: Care of the patient requires care of the provider. *Ann. Fam. Med.*, 12(6), 573–576.

- Buzin V.N. (2022). Availability and quality of medical care in Russian healthcare during the pandemic. The pandemic. The second year with COVID-19: The opinion of the population. *Profilakticheskaya meditsina*, 25(5), 37–45 (in Russian).
- Chicherin L.P., Nikitin M.V. (2010). Medico-social aspects of children's and adolescents' health protection in the Russian Federation. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdavookhranenie*, 3(27), 22–26 (in Russian).
- Chvyreva N.V. (2010). For the question of the accessibility of an out-patient help for children. *Rossiiskii mediko-biologicheskii vestnik im. akad. I.P. Pavlova*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-dostupnosti-ambulatorno-poliklinicheskoy-pomoschi-detyam> (accessed: December 18, 2024; in Russian).
- Denisov A.P., Babenko A.I., Kun O.A. et al. (2015). *Mediko-sotsial'nye aspekty formirovaniya zdorov'ya detei ranego vozrasta* [Medical and Social Aspects of Early Childhood Health Formation]. Omsk: Izd-vo SibGUFK.
- Fleischer A.E., Albright R.H. (2024). Prospective surgical cohort analysis. *Clin. Podiatr. Med. Surg.*, 41(2), 281–290. DOI: 10.1016/j.cpm.2023.07.005
- Gadzhiev R.S., Agalarova L.S. (2016). Improvement of health care organization for infants in municipal polyclinics. *Vestnik Ivanovskoi meditsinskoi akademii*, 21(4), 5–10 (in Russian).
- Grzhibovskii A.M., Ivanov S.V. (2015). Cohort studies in health sciences. *Nauka i zdavookhranenie*, 3, 5–16 (in Russian).
- Haakenstad A. et al. (2022). Measuring the availability of human resources for health and its relationship to universal health coverage for 204 countries and territories from 1990 to 2019: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *The Lancet*, 399(10341), 2129–2154.
- Kislitsyna O.A. (2020). Determinants of healthcare system satisfaction among Russians. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 66(2). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1152/30/lang.ru>. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8 (in Russian).
- Kuz'min K.V., Naboichenko E.S., Petrova L.E., Kharchenko V.S. (2024). Assessment of the professional readiness of medical college students to work in the health care system (based on sociological research). *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*, 12(3), 83–99. Available at: <https://doi.org/10.52944/PORT.2024.58.3.006> (in Russian).
- Latyshova A.A., Ivanova M.A. (2023). Dynamics in the number of doctors in public organizations of the Russian Federation in 2018–2022. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 69(1). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1552/27/lang.ru>. DOI: 10.21045/2071-5021-2023-69-6-11 (in Russian)
- Moiseeva K., Artamonov K., Isenov S. et al. (2010). Experience of using anonymous questionnaires to assess the quality of medical care. In: *Problema cheloveka: filosofskie, istoricheskie, meditsinskie, pravovye, sotsiologicheskie, eticheskie i kul'turologicheskie aspekty: sb. nauch. trudov* [Human Problem: Philosophical, Historical, Medical, Legal, Sociological, Ethical and Cultural Aspects: Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gos. pediatri. med. un-t (in Russian).
- Morozova Yu.A., Boshkovich R. (2024). Strategic planning in medical organizations: Developing a corporate strategy. *Strategirovanie: teoriya i praktika=Strategizing: Theory and Practice*, 4(1), 133–148. Available at: <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-133-148> (in Russian).
- Nauen M.S. (2006). The method of cohort analysis in sociology. *ZhSSA*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-kogortnogo-analiza-v-sotsiologii> (accessed: November 18, 2024; in Russian).
- Nikolyukina N.B., Kondrashova I.S. (2011). Human resources in health care of modern Russia. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 10(32), 157–161 (in Russian).
- Papaleontiou M., Haymart M.R. (2020). Thyroid nodules and cancer during pregnancy, post-partum and pre-conception planning: Addressing the uncertainties and challenges. *Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism*, 34(4), 101363. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/31786102>
- Polunina N.V., Kudryashova L.V. (2010). The role of the district pediatrician in shaping the health of young children. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal*, 4, 3–7 (in Russian).
- Raffoul M., Moore M., Kamerow D., Bazemore A. (2016). A primary care panel size of 2,500 is neither accurate nor reasonable. *J. Am. Board. Fam. Med.*, 29(4), 496–499. DOI: 10.3122/jabfm.2016.04.150317
- Rugol' L.V., Son I.M., Kirillov V.I., Guseva S.L. (2020). Organizational technologies that increase accessibility of medical care for the population. *Profilakticheskaya meditsina*, 23(2), 26–34 (in Russian).
- Satterwhite S., Nguyen M.T., Honcharov V., McDermott A.M., Sarkar U. (2024). “Good care is slow enough to be able to pay attention”: Primary care time scarcity and patient safety. *J. Gen. Intern. Med.*, 39(9), 1575–1582. DOI: 10.1007/s11606-024-08658-1

- Shmatova Yu.E., Razvarina I.N. (2023). Dynamics of medical and social portrait of a pregnant woman: experience of regional monitoring of conditions for the formation of a healthy generation. *Profilakticheskaya meditsina*, 26(2), 14–23 (in Russian).
- Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2022). Risk factors for child health on the part of the mother before and during pregnancy (results of long-term cohort monitoring in the Vologda Oblast). *Analiz riska zdorov'yu=Health Risk Analysis*, 3, 143–159. DOI: 10.21668/health.risk/2022.3.14 (in Russian).
- Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2023a). Intercohort analysis of parental risk factors for child development in the first year of life. *Analiz riska zdorov'yu=Health Risk Analysis*, 2, 115–129. DOI: 10.21668/health.risk/2023.2.11 (in Russian).
- Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2023b). Parent-related risk factors affecting child health (on the results of a cohort monitoring study for 25 years). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 166–189. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.9 (in Russian).
- Shmeleva O.S., Trufanov D.O., Matveeva O.M. (2024). Sociological analysis of the functioning of early assistance services for children under 3 years in the Krasnoyarsk Krai. *Obshchestvennoe zdorov'e=Public Health*, 4(1), 30–42 (in Russian).
- Sobol' T.S. (2024). Analysis and assessment of the quality of life of the country's population in modern conditions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 34(2), 256–262 (in Russian).
- Sobolev I.B., Alekseeva A.V., Zaslavskii D.V. (2018). Subjective assessment of the accessibility of outpatient medical care to the pediatric population. *Byulleten' nauki i praktiki*, 10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-otsenka-dostupnosti-ambulatornoy-meditsinskoy-pomoschi-detskomu-naseleniyu> (accessed: December 15, 2024; in Russian).
- Sokolova V.V. (2017). Some results of the study of parents' opinion on the quality of inpatient care for children. *Vrach-aspirant*, 81(2.2), 286–294 (in Russian).
- Starshinova A.V., Gogoleva E.A. (2015). Activity of family as a factor of medical aid availability for disabled children. *Diskussiya: zhurnal nauchnykh publikatsiya*, 5(57), 103–109 (in Russian).
- Tretyakov A.P., Fisenko A.P., Aprosimo S.I. (2024). The developed model of the ecosystem newborn health protection in the western district of the Krasnoyarsk Territory with positive changes in their main demographic indicators based on the results of the work assessment for 2023. *Sovremennye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki=Current Problems of Health Care and Medical Statistics*, 3, 840–861 (in Russian).
- Tulupov A.S. (2024). National security assessment for the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika=Lomonosov Economics Journal*, 59(4), 3–23. Available at: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-1> (in Russian).
- Udovika N.A., Stepura V.V. (2015). Compliance with principles preparation before pregnancy: What you should know the doctor and future parents (part 1). *Mezhdunarodnye obzory: klinicheskaya praktika i zdorov'e*, 3(15), 39–41 (in Russian).
- Vel'tishchev Yu.E. (2000). Health problems of Russian children. *Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii*, 1, 5–9 (in Russian).
- Willard-Grace R., Knox M., Huang B. et al. (2019). Burnout and health care workforce turnover. *Ann. Fam. Med.*, 17(1), 36–41.
- Yur'ev V.K., Sokolova V.V. (2017). Main causes of parents' dissatisfaction by the accessibility and quality of ambulatory-polyclinic care for children. *Pediatr=Pediatrixian (St. Petersburg)*, 8(6), 24–29. DOI: 10.17816/PED8624-29 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yuliya E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Irina N. Razvarina – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu85@mail.ru)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.2

УДК 316.4.06 | ББК 60.54

© **Вяльшина А.А.,**

Ножкина И.А., Шалаева С.С.

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ С РАЗНЫМИ РЕПРОДУКТИВНЫМИ ПЛАНАМИ: ЦЕННОСТИ, УСТАНОВКИ И ОТНОШЕНИЕ К МЕРАМ ПОДДЕРЖКИ

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ВЯЛЬШИНА

Саратовский научный центр Российской академии наук
Саратов, Российская Федерация
e-mail: anvyal@mail.ru
ORCID: [0000-0001-6723-5961](https://orcid.org/0000-0001-6723-5961) ResearcherID: [V-5999-2018](https://orcid.org/V-5999-2018)

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА НОЖКИНА

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии
имени Н.И. Вавилова
Саратов, Российская Федерация
e-mail: nirina2007@mail.ru
ORCID: [0000-0001-9973-7288](https://orcid.org/0000-0001-9973-7288)

СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА ШАЛАЕВА

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии
имени Н.И. Вавилова
Саратов, Российская Федерация
e-mail: clar13@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-7351-8551](https://orcid.org/0000-0002-7351-8551)

Сложность демографической ситуации в современной России обуславливает актуальность анализа факторов, детерминирующих репродуктивное поведение современной молодежи. Цель исследования – анализ особенностей ценностных ориентаций, установок относительно родительства и детности, а также барьеров к реализации репродуктивных намерений студентов, планирующих иметь разное количество детей. На материалах прикладного пилотажа-

ного социологического исследования «Дети в современной семье», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в мае 2022 года, показано, что молодые люди, планирующие иметь одного ребенка, отличаются типичной конкуренцией потребностей между индивидуальными ценностями благополучия и наличием детей, способствующей восприятию ими различного рода нестабильности (экономические кризисы, пандемия, локдаун) в качестве достаточного условия для отказа (или откладывания) рождения последующих детей. Они характеризуются максимальными требованиями к государственной системе социальной поддержки семей с детьми. Молодежь, планирующая иметь двоих детей, характеризуется типичными нормативными установками и стереотипами, высокой ценностью семьи и детей и восприятием их в качестве важной сферы индивидуальной жизни, в значительной степени ориентирована на поиск эффективных механизмов реализации индивидуальных жизненных целей и согласование их с целями семейного образа жизни. Планируемая многодетность, чаще характерная для выходцев из села, связана с высокой ценностью семейного образа жизни, детоцентризмом, традиционностью в преемственности поколений, ориентацией на жизнь в сельской местности и занятость в сельском хозяйстве. Результаты проведенного исследования обосновывают разработку и реализацию дифференцированного набора мер для разных групп молодежи с целью минимизации отказов от будущего родительства.

Репродуктивные намерения, репродуктивные установки, молодежь, отношение к детям, родительство, социологическое исследование.

Введение

Уже несколько десятилетий в России наблюдаются глобальные тенденции сокращения рождаемости, повышения возраста вступления в брак, откладывания рождения первенца, формализации брака и роста лояльности к разводам, распространения практики рождения ребенка вне официального брака. Большинство исследователей убеждены, что изменение репродуктивных установок и намерений современной молодежи находится в русле трансформации института семьи и брака, распределения ролей и гендерных стереотипов, резкого роста эмансипации женщин (Абдульязнов, Рустамова, 2024; Доброхлеб, 2024; Шабунова, Калачикова, 2024). Эксперты отмечают распространение похожих трендов и на сельские территории (Блинова, 2021). В этих условиях исследование планов современной молодежи по рождению того или иного числа детей позволяет понять направления дальнейшего демографического развития общества, а также выявить факторы, их определяющие.

Семья для современной молодежи обладает высокой значимостью, однако ее соз-

дание зачастую уступает другим ценностям, в первую очередь достижению материального благополучия (Архангельский и др., 2021). Эта тенденция наблюдается как за рубежом, так и в России (Нечаева, 2018; Твенге, 2019). Исследователи показывают, что сегодняшнее поколение молодых людей (поколение Z, айдженеры) взрослеет медленно. Они реже, чем их предшественники, ходят на свидания и вступают в близкие отношения, для них характерно более позднее вступление в брак и рождение детей (Твенге, 2019; Радаев, 2020). Отдельные авторы считают, что формирование особого типа личности происходит в ответ на широкое распространение нового текучего социального контекста (Ильин, 2019). В современном обществе культивируется расширение доступных вариантов выбора, разнообразие возможных стилей жизни, типов отношения к окружающему миру и моделей поведения, что ведет к разрушению однородности и формированию нового типа личности, адаптированного к текучей реальности.

В семейных отношениях для современной молодежи на первый план выходят близкие, эмоциональные, поддерживающие отношения, т. е. интимность в широком пони-

мании (Гурко, Хромачева, 2015; Бурмыкина, 2018; Осипова, 2020). Исследователи отмечают, что охвативший все страны мира процесс модернизации обуславливает выбор моделей matrimониального и репродуктивного поведения на основе личного интереса, а не социальных норм, как было ранее (Ростовская, Кучмаева, 2020). Возникновение нового в представлениях молодежи о семье сопряжено с трансформацией прежних гендерных стереотипов. Молодые люди склоняются к равенству полов, признают совместное и равноценное участие супругов в семейной жизни, что говорит о формировании в молодежной среде нового стереотипа о распределении семейных обязанностей (Калачикова, Груздева, 2019). При этом, как свидетельствуют результаты ряда исследований, женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые изменяют существующие гендерные отношения (Ожигова, 2006; Коң, 2011; Ташева, Киреева, 2011; Клецина, Иоффе, 2019).

Отдельные работы посвящены нормам детности современного поколения молодых людей. Так, показано, что в структуре жизненных ценностей современной молодежи дети оказались на третьем месте в рейтинге значимости после здоровья и семьи (Ивченков, Ивченкова, 2020). Авторы делают вывод, что при сохранении в качестве доминирующей традиционной установки на наличие детей в семье усиливается инструментальная ориентация на ребенка. Особую озабоченность вызывают негативные тенденции, связанные с развитием движения чайлдфри (Вильданова и др., 2017; Белинская, 2018). В России оно пока не является массовым, однако его особенность заключается в широкой распространенности в интернете и более быстром

продвижении в виртуальной реальности ценностей сознательной бездетности по сравнению с традиционными семейными ценностями (Вильданова и др., 2017). Некоторые авторы, ссылаясь на эмпирические данные, предполагают, что около 15% из поколения рожденных в 1990-е гг. не будут иметь ни одного ребенка¹. По данным опроса Левада-Центра* о желаемом и ожидаемом числе детей среди населения репродуктивного возраста в 2019 году около 9% респондентов в качестве желаемого числа детей указали «ноль»². В 2008 году о нулевом желаемом числе детей высказались только 4%, однако в этом опросе еще не принимали участие рожденные в 1990-е гг.³ (Ломакин, 2019). Кроме того, в декабре 2021 года около 47% молодежи 18–24 лет, опрошенной ФОМ, не согласны с тем, что супруги обязательно должны иметь детей (при средней по выборке 12%). Более того, около 51% молодежи 18–24 лет и 49% лиц 25–34 лет считают, что супругов, которые могут, но не хотят иметь детей, осуждать не следует. В среднем по выборке в 2021 году такого мнения придерживались 34% респондентов, в то время как в 2014 году об этом сказали только 17%⁴.

Целью нашего исследования является анализ специфики ценностных ориентаций, установок относительно родительства и детности, а также представлений о барьерах к реализации репродуктивных намерений студентов, планирующих иметь разное число детей. Основные задачи: анализ системы жизненных ценностей и представлений о барьерах к рождению детей, влияния родительской семьи через социально-экономический статус семьи; выявление нормативных представлений о причинах преобладания малодетности в обществе, в том числе о влиянии пандемии COVID-19

¹ Захаров С.В. (2012). Какой будет рождаемость в России? // Демоскоп Weekly. № 495–496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php>

² Желаемое и ожидаемое число детей (2019) // Левада-Центр*. 25 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej> (дата обращения 27.01.2023).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

³ Вовк Е. (2008). Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125>; Исупова О.Г. (2010). «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. № 427–428. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php>

⁴ Семья и дети: установки и реалии. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (дата обращения 14.04.2023).

на реализацию репродуктивных намерений семей, а также мнение о мерах по повышению рождаемости.

Научное обоснование проблемы

В научном дискурсе существует несколько объяснений причин подобных изменений в репродуктивных установках молодежи. Во-первых, некоторые эксперты считают, что трансформация репродуктивных установок в сторону их снижения является продолжением изменения отношения молодежи к институту семьи и брака. Для поколения Z характерны приемлемость сожительства, тенденция к более позднему замужеству, сокращение разрыва между оптимальным возрастом для вступления в брак у мужчин и женщин, переход к эгалитарному типу семьи. Молодые люди хотят равного распределения родительских обязанностей между мужем и женой и выбирают демократический стиль воспитания детей. Наряду с предпочтением двухдетной модели семьи у поколения Z возрастает желание иметь трех и более детей, а также противоположное ему желание – не иметь детей вообще (Григорьева, Хакимова, 2020). В иерархии семейных ценностей поколения Z остаются важными общение, искренность и открытость, высока роль эмоционально-психологических факторов, поэтому семья для его представителей – это прежде всего отношения с партнером. Кроме того, отдельные исследователи отмечают, что в представлении девушек этого поколения семейная жизнь не обязательно подразумевает под собой наличие детей (Чижикова, Крамаренко, 2022).

Во-вторых, психологи утверждают, что дело в иерархии жизненных ценностей современных молодых женщин, которая выполняет функцию регуляции деятельности человека от мотивации и смыслообразования до формирования соответствующих моделей поведения (Карабанова и др., 2018). Анализируя отношение девушек к позиции матери, исследователи выявляют его обусловленность ценностным выбором, определяющим особенности ценностной сферы. В результате выделяются пять типов от-

ношения к материнству в зависимости от значимости других ценностей (приоритет и принятие материнской роли – около 30% от выборки; положительное отношение к материнству, но отложенное родительство – 24%; амбивалентное отношение к материнству – 22%; отвержение материнства и материнской роли – 13%; материнство как обязанность или социальная норма – 11%) (Карабанова и др., 2017).

В-третьих, распространение ориентаций на бездетность объясняется тем, что функции и особенности реализации материнской роли меняются в зависимости от условий и требований, которые предъявляются человеку в современном ему культурном и историческом мире (Шамарина, 2008; Гурко, 2012). Например, И.П. Лотова выделяет тенденцию структурных изменений семейных ориентаций и фиксирует переход от традиционных ценностей родства к постсовременным – ценностям родительства и супружества (Лотова, 2015). В работах Н.А. Сосновской на материалах Республики Беларусь установлен общий для всех респондентов выборки приоритет родительства, в то время как в группе молодых респондентов обнаружен приоритет супружества (Сосновская, 2015). Широко распространившийся тренд нуклеаризации семьи и ее двухпоколенный характер отражает ключевой механизм многовекового процесса модернизации: «Человек модерна все больше становится личностью, все более эгоистической и все менее склонной жить в парадигме служения любым социальным общностям, будь то нация, соседская община или даже семья» (Бим-Бад, Гавров, 2010, с. 5).

Эти тренды способствуют тому, что исследователи все чаще фиксируют ориентации на бездетность молодежи в России. Например, С. Захаров и Е. Чурилова на материалах опроса 2019 года зафиксировали следующее: каждый десятый респондент отметил, что вообще не собирается иметь детей; при этом около 11% женщин в возрасте 18–24 лет сказали, что не хотели бы рожать детей (Чурилова, Захаров, 2019, с. 79). В целом от 11,4 до 14,5% современных сту-

дентов регулярно указывают, что вообще не желают иметь детей даже при наличии всех необходимых условий (Фарафонова, Амбарова, 2016; Середа, 2020). Кроме того, часто выявляются гендерные различия в планируемом числе детей, которое выше у молодых мужчин по сравнению с женщинами. Это свидетельствует о более высокой оценке значимости родительства и воспитания детей у молодых людей, нежели у девушек, для которых характерно выраженное стремление к первоочередной реализации профессиональной карьеры и ожидание трудностей в будущей семейной жизни, связанных с рождением и воспитанием детей (Карабанова, Молчанов, 2017). Анализируя причины отказа женщин от материнства, психологи делают вывод о том, что женщин, ориентированных на бездетность, отличает особая ценностная структура, в которой преобладает гедонистическая направленность. Это приводит к формированию негативно-го отношения к материнству, воспринимающемуся в качестве угрозы собственному благополучию, эмоциональному комфорту (Захарова, 2015).

Эксперты считают, что предпочтения бездетности также формируются под влиянием двух групп факторов (депривационного и модернизационного), а относительно молодежи эмпирически доказывают, что ориентация на бездетность лиц 18–24 лет связана с конъюнктурными депривационными характеристиками, усиленными возрастными ограничениями доступа к ресурсам. Авторы делают вывод, что в этом возрасте индивиды скорее откладывают мысли о деторождении, чем демонстрируют предпочтения бездетности (Макаренцева и др., 2021, с. 500).

Отдельного внимания заслуживает анализ новых факторов влияния на репродуктивные планы молодежи, появившихся в последние годы. Эксперты утверждают, что влияние пандемии коронавируса на репродуктивное поведение населения еще подробно не изучено, однако уже имеются эмпирические доказательства того, что зафиксирован рост числа респондентов, де-

кларизирующих предпочтение бездетности (с 10,4% в 2017 году до 22,7% в 2020 году) (Макаренцева, 2020). Среди молодых респондентов без детей доля декларирующего нежелание иметь детей выросла с 8,3 до 20,3%, среди респондентов 35 лет и старше – с 15 до 20,1%. Авторы объясняют это наложением друг на друга двух мегатенденций: трансформации репродуктивного поведения населения России и роста депрессивных настроений, вызванных пандемией коронавируса и мерами по ее сдерживанию. При этом отмечается, что субъективные оценки значимости материальных условий для принятия решения о рождении ребенка усилились, выступая следствием экономической неопределенности (Макаренцева, 2020).

Материалы и методы исследования

Информационную базу исследования составляют результаты прикладного пилотажного социологического исследования «Дети в современной семье», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в мае 2022 года. Объект исследования – репродуктивная мотивация, ценности и установки молодежи на примере студентов Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова (n = 357). Основным методом сбора информации являлся анкетный опрос в электронном виде. Выборка квотная, в ее составе 211 мужчин (59,1%) и 146 женщин (40,9%). Среди опрошенных 119 человек в возрасте 17–18 лет (33,4%), 124 человека 19–20 лет (34,7%) и 114 человек в возрасте 21 год и старше (31,9%); 236 человек являются городскими жителями (66,1%), остальные (121 человек) до учебы проживали в сельской местности (33,9%).

Методика исследования заключается в типологической группировке респондентов по планируемому числу детей («Сколько детей Вы планируете иметь?»). Вопрос открытый, ответы группировались исходя из целей исследования (планирующие иметь одного ребенка; планирующие иметь двоих детей; планирующие иметь троих и более

детей). Использование открытого вопроса для идентификации репродуктивных намерений объясняется поисковым характером исследования, результаты которого могут стать основой для формулировки гипотез будущих работ.

Ключевая гипотеза настоящего исследования заключалась в предположении обусловленности планов на рождение того или иного числа детей как внутренними мотиваторами (системой жизненных ценностей, установками относительно родительства и детности, репродуктивными установками), так и внешними условиями (социально-экономическим статусом семьи происхождения, идентифицируемым через уровень образования и профессионально-квалификационную группу отца и матери).

Методологической основой работы являлись концептуальные положения модернизационного подхода к развитию института семьи и брака, предполагающего, что современное российское общество находится в процессе трансформации брачно-семейных отношений, репродуктивных ориентаций и гендерных представлений, и активной интериоризации соответствующих ценностей и установок современными поколениями молодежи.

Полученные результаты будут проверены в ходе основного этапа исследования. Представляется, что дальнейшие исследования позволят внести вклад в понимание детерминации различий моделей репродуктивного поведения молодежи и факторов их формирования. Мы полагаем, что изучение механизмов согласования индивидуальных целей развития различных групп населения репродуктивного возраста с интересами сохранения института семьи и рождения определенного числа детей поможет выявить предпосылки для оценки демографического резерва современной России.

Результаты исследования

Планируемое число детей наиболее близко к итоговой рождаемости поколения. По результатам нашего исследования, около 57,1% юношей и 53,5% девушек планируют

иметь двоих детей; 19,5 и 19,4% соответственно – одного. При этом девушки чаще молодых людей указывают, что планируют иметь троих и более детей (21,5 и 15,1% соответственно). Среди мужчин выше доля тех, кто не планирует иметь детей (8,3% по сравнению с 5,6% среди молодых женщин). Анализ влияния места рождения респондента на его планы по рождению определенного числа детей показывает, что при похожей общей тенденции (54,2–56,3% планируют иметь двоих детей, 18,6–19,9% – одного ребенка) среди выходцев из села выше удельный вес тех, кто планирует иметь троих и более детей (21,2% при средней 17,8%), в то время как среди молодых горожан выше доля планирующих бездетность (8,5% при средней 7,2%).

Молодежь, планирующая иметь одного ребенка

Представители этой группы молодежи указали на среднее идеальное число детей, равное 1,68, среднее желаемое – 1,21. Это означает, что для них характерны средняя норма детности и наличие скрытого желания иметь больше одного ребенка. Около 72,1% хотели бы иметь одного ребенка, около 23,6% – двоих детей, в то время как 4,4% – ноль. Среди молодежи, планирующей иметь одного ребенка, максимальная доля тех, кто пока не желает иметь детей (50,0% при средней 30,4%), а также тех, кто затруднился определить свое желание иметь детей (13,2% при средней 7,7%). Около 44,1% из них указали, что в ближайшие три года не планируют иметь детей (при средней 35,2%). Еще 33,8% считают, что в ближайшие три года им рано заводить детей даже в том случае, если создадут семью, и только 10,3% отметили, что в ближайшее время могут завести ребенка при условии создания семьи.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что значительную часть респондентов можно отнести к семьям со средним социально-экономическим статусом, иногда ниже среднего: около 57,1% респондентов указали, что их отцы имеют среднее профессиональное образование (при средней 46,0%), 10,2% – среднее общее и ниже (при

средней 8,0%). Только у 30,6% респондентов отцы занимают руководящие должности или относятся к специалистам высшего звена; у 22,4% – к специалистам среднего звена. У более чем 34,7% опрошенных отцы работают квалифицированными и неквалифицированными рабочими (при средней 27,5%). Представителей частного бизнеса (индивидуального предпринимательства) среди отцов респондентов этой группы мало – 6,1% при средней по выборке 11,7%. Важно отметить, что 66,2% из этой группы указали на то, что не хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на семью родителей (при средней 56,2%). Более того, в их составе выше доля тех, кто категорически не хочет воспроизводить модель родительской семьи (36,8% при средней 26,4%).

Интересным представляется анализ системы жизненных ценностей молодежи, планирующей иметь одного ребенка. Во-первых, из всех групп респондентов, планирующих иметь разное число детей (одного, двоих и троих и более), представители этой группы характеризуются наименьшими средними значениями всех ценностей (табл.). Во-вторых, ценность семьи и детей для них находится на последних местах в системе жизненных ценностей, имея значение ниже среднего по группе (3,66 при средней 4,00). В-третьих, наивысшие места в иерархии жизненных ценностей занимают материальная обеспеченность (максимальное значение из всех рассматриваемых групп), внутренний комфорт и свобода. Эти факты свидетельствуют о наличии конкуренции между индивидуальными ценностями благополучия (достаток, свобода и комфорт) и ценностью детей, т. е. об определенном ценностном конфликте. В этих условиях ценности более высокого порядка будут определять выбор жизненных целей, способствующих их реализации, и соответствующих им моделей трудового, брачного и репродуктивного поведения.

Респонденты, планирующие иметь одного ребенка, чаще остальных отмечают, что для родительства в современной ситуации существуют значительные барьеры, препят-

Таблица. Средние значения ценностей в зависимости от репродуктивных планов респондентов

Ценность	Планируют иметь		
	1 ребенка	2 детей	3 детей и больше
Работа по душе	4,15	4,16	4,26
Реализация способностей	4,1	4,14	4,32
Удачная личная жизнь	4,19	4,25	4,48
Свобода	4,26	4,18	4,42
Семья, дети	3,66	4,15	4,53
Любовь	3,96	4,23	4,44
Профессиональный успех, удачная карьера	4,19	4,28	4,42
Гармония с самим собой, внутренний комфорт	4,44	4,31	4,50
Здоровье	4,46	4,56	4,68
Хорошие отношения с родителями	4,35	4,51	4,52
Материальная обеспеченность	4,46	4,28	4,27
Яркая, насыщенная событиями и впечатлениями жизнь	3,93	4,18	4,21
Образование	4,03	4,03	4,31
Общение с друзьями	4,04	4,03	4,13
Помощь другим	3,62	3,72	4,05
Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение окружающих)	3,46	3,52	3,87

Источник: результаты прикладного социологического исследования «Дети в современной семье» (n = 357).

ствующие принятию решения о рождении детей. Поэтому среди них максимальная доля тех, кто считает, что причиной малодетности в обществе является нежелание самих людей иметь несколько детей (29,4% при средней 20,9%), а не то, что они не могут себе это позволить. Главными причинами нежелания отдельных людей иметь детей представители этой группы называют нестабильность с работой и доходами (76,5% при средней 74,7%), кроме того, наличие детей, по их мнению, требует от родителей большой ответственности (41,2% при средней 39,9%). Каждый пятый респондент уверен, что рождение детей ограничивает свободу родителей (19,1% при средней 14,4%). Около 22,1% среди них указали, что понимают представителей чайлдфри (при средней 13,2%).

В этой группе 49,3% убеждены, что пандемия COVID-19 и последовавший за ней экономический кризис – не лучшее время для рождения детей (при средней 44,1%). Около 39,7% опрошенных считают, что пандемия COVID-19 вмешается в репродуктивные планы семей, результатом чего станет откладывание рождения детей (при средней 33,0%). Чаще всего причиной этого откладывания респонденты называют опасения не получить необходимую медицинскую помощь, связанную с беременностью и родами (29,6% при средней 22,1%). Более того, около 31,7% молодых людей из этой группы указали, что пандемия повлияла на их индивидуальное решение о родительстве в сторону откладывания рождения детей на неопределенное время («до лучших времен»; при средней 17,3%). Таким образом, очевидно, что представители данной группы молодежи придают важное значение внешним обстоятельствам жизни и любые проявления нестабильности способны мотивировать их на откладывание рождения детей.

Возможно, этими факторами объясняется особое мнение представителей группы планирующих иметь одного ребенка о мерах повышения рождаемости. Они имеют высшие требования к государственной социальной поддержке: 89,7% считают необходимым повышение зарплаты работающим членам семьи (при средней 84,0%); 61,8% – улучшение жилищных условий семей (при средней 58,2%); 27,9% – улучшение медицинского обслуживания детей (при средней 22,9%); 25,0% – развитие инфраструктуры ухода за детьми (при средней 21,2%); 20,6% – гарантии трудоустройства матерей (при средней 16,9%) и 17,6% – повышение лояльности работодателей к женщинам-матерям (при средней 11,5%).

Таким образом, молодые люди, планирующие иметь одного ребенка, отличаются, с одной стороны, особой системой жизненных ценностей, предполагающей конкуренцию ценностей благополучия (достатка, комфорта и свободы) с наличием детей; а с другой – средней нормой детности, обуславливающей понимание необходимости

наличия детей в семье и желание их иметь у значительной части представителей этой группы. Этим фактом объясняется их особое внимание к различным барьерам для рождения детей и восприятие возможных нестабильностей как достаточного условия для отказа (откладывания) рождений. Логичным следствием этих выводов являются повышенные требования респондентов этой группы к государственным мерам социальной поддержки рождаемости. Кроме того, полученные данные свидетельствуют об особом влиянии родительской семьи на сформировавшиеся репродуктивные установки.

Молодежь, планирующая иметь двоих детей

Представители данной группы составляют 55,6% опрошенных, они характеризуются нормативным поведением, установками и ценностями. Среди них 90,2% хотели бы иметь двоих детей, остальные 9,8% – троих и более. В среднем они считают идеальным числом 2,15 детей, желают иметь 2,11. 61,9% хотят иметь детей (при средней 54,2%), около 10,3% указали, что планируют завести детей в ближайшие три года, еще 16,0% – в случае создания семьи. Тем не менее среди них 73,2% считают, что пока рано заводить детей, нужно еще в жизни устроиться даже в случае наличия семьи.

Результаты исследования показывают, что молодые люди из этой группы чаще являются выходцами из семей с высоким социально-экономическим статусом. У 50,0% ее представителей отцы имеют высшее образование (при средней 46,0%); у 61,8% матери имеют высшее образование (при средней 57,6%). У 13,2% респондентов отцы являются индивидуальными предпринимателями (при средней 11,7%), еще у 3,7% – матери (при средней 2,7%). Более того, 53,6% респондентов этой группы указали, что хотели бы, чтобы их будущая семья была похожа на родительскую (при средней 43,8%).

Молодежь данной группы характеризуется детоцентристскими установками, 55,2% считают, что истинное желание иметь детей не зависит от денег и обстоятельств

(при средней 50,1%); 71,1% убеждены, что ни пандемия COVID-19, ни кризис не помешают семьям, решившим завести детей, реализовать свои планы. Главными причинами нежелания иметь детей для некоторых людей являются приоритеты в других сферах (70,6% при средней 65,3%) и отсутствие семьи/партнера (16,0% при средней 12,7%).

Среди значимых направлений поддержки материнства и детства молодые люди, планирующие иметь двоих детей, называют повышение доступности качественных образовательных услуг для детей (44,3% при 41,5%), увеличение ежемесячного пособия на ребенка до величины прожиточного минимума (при средней 33,9%), увеличение размера материнского капитала до 1 млн руб. (25,8% при средней 24,4%), а также наличие дополнительного дохода для семей (23,7% при средней 19,8%).

Молодежь, планирующая многодетность

В составе представителей этой группы выше удельный вес девушек по сравнению с юношами (21,5 и 15,1% соответственно), выходцев из села по сравнению с горожанами (21,2 и 16,0% соответственно) и лиц в возрасте 19–20 лет (21,3% по сравнению с 16,1% в группе 17–18-летних и 15,6% среди тех, кому 21 год и старше). Среди молодежи, планирующей многодетность, при общей высокой доле тех, кто вырос в двухдетной семье (58,1% при средней 57,2%), также выше доля выходцев из семей с тремя и более детьми (22,6% при средней 13,5%).

Важно отметить, что респонденты из этой группы, во-первых, характеризуются максимальными значениями всех жизненных ценностей по сравнению с остальными группами. Во-вторых, выявлено, что в их ценностной иерархии первые места занимают здоровье, семья и дети, хорошие отношения с родителями, удачная личная жизнь и любовь.

Общие репродуктивные ориентации респондентов этой группы высоки. Они планируют иметь детей больше, чем считают идеальным (3,18 и 2,97 соответственно). Около 68,3% из них отмечают, что в семье идеально иметь троих детей, 5,0% – четве-

рых и 6,7% – пятерых. Что касается желаемого числа детей, то 80,6% из них хотели бы иметь троих детей, 8,1% – четверых, 6,4% – пятерых и более. Среди них 77,4% указали на то, что хотят иметь детей; только 19,0% сказали, что пока не хотят (в связи с учебой) при средней 30,4%. Для их ближайших репродуктивных намерений («Планируете ли вы рождение детей в ближайшие три года?») характерна ориентация на скорейшее рождение детей: 12,9% ответили, что планируют (при средней 8,9%), еще 29,0% – в случае создания семьи (при средней 16,3%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 223,3$ при $\chi^2_{кр.} = 26,217$, $\alpha = 0,01$). Важно отметить, что при абсолютном большинстве в их составе тех, кто нейтрально относится к чайлдфри (71,0%), среди них максимальная доля тех, кто осуждает представителей этой группы (17,6% при средней 6,9%). Хотя среди них высок удельный вес неопределившихся со своим отношением к чайлдхейт (38,7% при средней 26,9%), все же только 17,7% объясняют такую позицию по отношению к детям концентрацией на себе и своих проблемах и 16,1% – социальной незрелостью (что подразумевает возможный отказ от подобных установок в будущем). Тем не менее только 19,4% демонстрируют социальное одобрение позиции чайлдхейт (считают, что они имеют право думать и поступать как им хочется; при средней 32,7%).

Главными причинами отсутствия желания у некоторых людей иметь детей представители этой группы считают желание иметь беззаботную и комфортную жизнь (37,7% при средней 29,5%) и необходимость значительных финансовых затрат на то, чтобы вырастить детей (34,4% при средней 20,2%). Именно поэтому они чаще представителей остальных групп респондентов указывают на то, что нестабильность с работой и доходами является основным фактором нежелания (или невозможности) людей иметь несколько детей (80,6% при средней 74,7%). Кроме того, опрошенные из этой группы чаще остальных считают, что высокие расходы на детей могут стать препятствием для рождения второго и после-

дующих детей (46,8% при средней 33,2%). Но 52,5% однозначно убеждены, что истинное желание иметь детей не зависит от денег и обстоятельств (при средней 50,1%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 16,437$ при $\chi^2_{кр.} = 12,592$, $\alpha = 0,05$). Около 72,6% представителей этой группы считают, что даже пандемия COVID-19 не вмешается в планы тех семей, которые решили завести ребенка (при средней 67,0%).

Важным результатом проведенного исследования стало выявление связи между планами относительно многодетности и ориентацией на жизнь и работу в сельской местности. Стоит отметить, что при средней доле выходцев из села в выборке 33,9%, удельный вес сельчан среди планирующих иметь трое и более детей составляет 40,3%. Среди представителей этой группы 27,4% указали, что поехали бы жить и работать в любой населенный пункт, где предложили бы работу (при средней 18,7%), еще 12,9% поехали бы работать в крепкое село с развитой инфраструктурой (при средней 11,2%). Важно отметить, что в их составе выше удельный вес планирующих работать в сельском хозяйстве (40,3% при средней 27,5%); они чаще остальных групп опрошенных убеждены, что малолетним детям лучше жить и воспитываться на селе по сравнению с городом (44,3% при средней 29,1%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 11,084$ при $\chi^2_{кр.} = 7,815$, $\alpha = 0,05$). Каждый третий указал на то, что хотел бы со своей семьей жить в современном селе (32,3% при средней 19,5%); еще 11,3% сказали, что им нравится сельский образ жизни; каждый десятый отметил, что хотел бы жить в селе, если бы там была работа (9,7%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 25,085$ при $\chi^2_{кр.} = 21,666$, $\alpha = 0,01$). В их составе максимальный удельный вес тех, кто ориентирован на традиционную модель семьи (мужчина – добытчик, женщина – воспитание детей и поддержание быта; 25,8% при средней 17,2%).

Своими ближайшими жизненными планами представители этой группы называют оплачиваемую занятость (максимальное значение среди всех групп респонден-

тов – 67,7% при средней 62,8%), планы по созданию собственного бизнеса (41,9% при средней 20,6%) и создание семьи (19,4% при средней 10,9%). Главными факторами жизненного успеха они чаще остальных считают трудолюбие и целеустремленность (64,5% при средней 56,9%) и наличие стартового капитала (14,5% при средней 12,1%).

В составе представителей этой группы максимальный удельный вес выходцев из высокоресурсных семей: у 54,3% отцы имеют высшее образование (при средней 46,0%), у 42,6% они являются руководителями или занимают должности высшего уровня квалификации (при средней 34,4%), около 12,8% имеют отцов-предпринимателей (при средней 11,7%), еще 10,8% заняты в собственном товарном ЛПХ (при средней 6,2%). Кроме того, для респондентов этой группы также характерен повышенный удельный вес матерей, занимающих руководящие должности и должности высшего уровня квалификации (39,0% по сравнению с 31,9% в среднем по выборке).

Проведенное исследование свидетельствует о том, что молодежь из этой группы отличается ярко выраженными детоцентристскими установками. Так, около 83,9% считают детей счастьем в жизни (при средней 67,5%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 173,728$ при $\chi^2_{кр.} = 26,217$, $\alpha = 0,01$). Около 88,6% респондентов согласны, что родительство обогащает жизнь индивида и делает ее счастливее (при средней 69,9%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 137,137$ при $\chi^2_{кр.} = 26,217$, $\alpha = 0,01$); 83,9% убеждены, что важно в жизни передать своим детям семейные ценности и традиции; 72,1% считают, что для ребенка важно иметь братьев и сестер (при средней 49,5%). Для 88,6% респондентов этой группы семья и дети являются значимой частью жизни (при средней 65,3%; результаты статистически значимы, $\chi^2 = 149,956$ при $\chi^2_{кр.} = 26,217$, $\alpha = 0,01$). Кроме того, подтверждением детоцентризма респондентов этой группы служит тот факт, что в качестве основных тревог в будущем они указали на опасения не иметь детей (29,0% при средней 18,1%).

Значимыми мерами повышения рождаемости представители этой группы считают материальные: рост зарплаты работающих членов семьи (87,1% при средней 84,0%), повышение размера ежемесячного пособия на ребенка до величины прожиточного минимума (45,2% при средней 33,9%) и увеличение размера материнского капитала до 1 млн руб. (27,4% при средней 24,4%).

Таким образом, молодежь, планирующая многодетность, характеризуется ориентацией на семейный образ жизни и высокую ценность детей. Для них семья и дети тесно связаны с представлениями о счастливой личной жизни и любовью. Соответствующие ценности обуславливают глубоко укорененные установки на традиционность семейных отношений, необходимость передачи семейных ценностей и традиций последующим поколениям и ориентацию на несколько детей в семье. Обнаружена тесная взаимосвязь между планируемой многодетностью и ориентацией на жизнь в сельской местности и занятость в сельском хозяйстве. Выявлено, что в составе представителей этой группы высок удельный вес выходцев из высокоресурсных семей.

Выводы

Результаты исследования демонстрируют элементы эмпирического подтверждения обусловленности репродуктивных планов современной молодежи ценностными ориентациями, установками относительно родительства и детности, а также социально-экономическими характеристиками родительской семьи респондентов. Выявлено, что планируемая малодетность опрошенных молодых людей обусловлена как соответствующей системой жизненных цен-

ностей, установками, так и особенностями ближайшего окружения. Предварительные результаты позволяют обосновать необходимость специфической государственной поддержки социальной группы молодежи, планирующей иметь троих и более детей. Для эффективной реализации их репродуктивных планов необходимо сосредоточиться на реализации как экономических мер поддержки семьи, так и расширении инфраструктуры поддержки материнства и детства. Молодежь, планирующая иметь одного ребенка, является особой целевой группой для семейной и демографической политики, с одной стороны, из-за необходимости стимулирования рождения хотя бы второго ребенка, а с другой – из-за наличия устойчивых представлений о любых проявлениях нестабильности, выступающих основанием для корректировки будущего рождения (еще одного) ребенка. Важно сосредоточиться на максимальном режиме благоприятствования этой группе молодежи для предотвращения отказа от возможных рождений. Аналогичная цель и для тех, кто планирует иметь двоих детей – не допустить отказа от рождений или откладывания рождений, способного стать демографически фатальным.

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в обосновании дифференциации мер поддержки рождаемости для групп молодежи с разными репродуктивными планами. Именно концентрация на специфических интересах и потребностях разных групп молодежи является целью дальнейшего исследования, что будет способствовать повышению эффективности реализации инструментов демографической политики.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдульязнов А.Р., Рустамова Г.М. (2024). Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодежи // Народонаселение. Т. 27. № S1. С. 94–106. DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106>
- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. (2021). Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. Т. 17. № 1. С. 102–120. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.1.8
- Белинская Д.В. (2018). Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. Т. 4. № 13. С. 12–19.

- Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. (2010). Модернизация института семьи: макросоциологический и антрополого-педагогический анализ: монография. Москва: Новый Хронограф. 337 с.
- Блинова Т.В. (2002). Приоритеты социально-демографической политики // АПК: экономика, управление. № 12. С. 20–28.
- Блинова Т.В. (2021). Демографическое старение сельских территорий России // АПК: экономика, управление. № 2. С. 76–80.
- Бурмыкина О.Н. (2018). Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017) // Петербургская социология сегодня. Вып. 9. С. 27–46.
- Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Салыхиева Л.М. (2017). Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 192–205.
- Григорьева Е.В., Хакимова Н.Р. (2020). Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Т. 22. № 4. С. 982–991. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-99116>
- Гурко Т.А. (2012). Семья и родительство в России на фоне постиндустриальных обществ // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: мат-лы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. Москва: РОС. С. 3343–3350. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf>
- Гурко Т.А., Хромачева А.Ю. (2015). Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник Института социологии. № 4 (15). С. 57–71.
- Доброхлеб В.Г. (2024). Состояние и динамика семейных структур современной России как вызов ее цивилизационного развития // Народонаселение. Т. 27. № S1. С. 17–27. DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27>
- Захарова Е.И. (2015). Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. Т. 11. № 1. С. 44–49.
- Ивченков С.Г., Ивченкова М.С. (2020). Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность // Alma mater (Вестник высшей школы). № 11. С. 36–44. DOI: 10.20339/AM.11-20.036
- Ильин В.И. (2019). Социальный серфинг как модель молодежного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02>
- Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2019). Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материале социологического исследования) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 64–76.
- Карабанова О.А., Бурменская Г.В., Захарова Е.И. [и др.] (2017). Типы отношения к материнству и родительской позиции у девушек в период вхождения во взрослость // Психологические исследования. № 10 (56). URL: <http://psystudy.ru>
- Карабанова О.А., Захарова Е.И., Бурменская Г.В. [и др.] (2018). Особенности ценностной сферы девушек с различным отношением к родительской позиции матери на этапе вхождения во взрослость // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Психологические науки. № 4. С. 24–37. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-24-37
- Карабанова О.А., Молчанов С.В. (2017). Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость // Национальный психологический журнал. № 2 (26). С. 92–97. DOI: 10.11621/npj.2017.0210
- Клецина И.С., Иоффе Е.В. (2019). Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. № 3. С. 72–90.
- Кон И.С. (2011). Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 1. С. 51–65.
- Кулькова И.А. (2021). Влияние повышения пенсионного возраста на репродуктивные намерения женщин // Социологические исследования. № 5. С. 94–101. DOI: 10.31857/S013216250012555-3
- Ломакин И.В. (2019). Чайлдфри, или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6 (154). С. 394–436. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>

- Лотова И.П. (2015). Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. № 5. С. 62–66.
- Макаренцева А.О. (2020). Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 17 (119). С. 25–30.
- Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Rogozin Д.М. (2021). (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 492–515. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>
- Нечаева Н.А. (2018). Представления молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая. Санкт-Петербург: Реноме. С. 114–141.
- Ожигова Л.Н. (2006). Психология гендерной идентичности. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 290 с.
- Осипова Н.Г. (2020). Современная социологическая теория. Ч. 2. Москва: Канон+; Реабилитация. 432 с.
- Радаев В.В. (2020). Миллениалы: Как меняется российское общество. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 224 с.
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. (2020). Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник РУДН. Сер.: Социология. Т. 20. № 3. С. 527–545.
- Середа А.В. (2020). Репродуктивные планы молодежи крупных городов (на примере Красноярска и Новосибирска) // География: развитие науки и образования. Т. II: кол. монография по мат-лам ежегодной междунар. науч.-практ. конф. «LXXXIII Герценовские чтения» (г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 22–25 апреля 2020 г.). Санкт-Петербург: Астерион, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 400–402.
- Сосновская Н.А. (2015). Трансформация семейных ценностей в современном обществе // Наука и инновации. № 9. С. 14–19.
- Ташева А.И., Киреева Л.Е. (2011). Ролевое поведение супругов «двухкарьерного» брака // Российский психологический журнал. Т. 8. № 4. С. 44–55.
- Твенге Д.М. (2019). Поколение I. Почему поколение интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. Москва: РИПОЛ-классик. 406 с.
- Фарафонова А.И., Амбарова П.А. (2016). Репродуктивные установки студенческой молодежи: проблемы и способы формирования // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демограф. форум с междунар. участием: сб. статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург. С. 257–261.
- Чижикова Е.С., Крамаренко Н.С. (2022). Взаимосвязь ценностных ориентаций и установок на рождение детей у девушек (на примере мегаполиса) // Вестник Московского гос. обл. ун-та. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru
- Чурилова Е., Захаров С. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. № 2 (129). С. 69–89.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. (2024). Современная российская семья: кризис или эволюция // Социальное пространство. Т. 10. № 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/30014>
- Шамарина Е.В. (2008). Модели материнства в культуре современной России // Человек в российской повседневности: история и современность: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА. С. 346–349.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анна Александровна Вяльшина – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем, ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94; e-mail: anvyal@mail.ru)

Ирина Александровна Ножкина – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, пр-т им. Петра Столыпина, д. 4; e-mail: nirina2007@mail.ru)

Светлана Станиславовна Шалаева – кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, пр-т им. Петра Столыпина, д. 4; e-mail: clar13@yandex.ru)

Vyal'shina A.A., Nozhkina I.A., Shalaeva S.S.

STUDENT YOUTH WITH DIFFERENT REPRODUCTIVE PLANS: VALUES, INTENTIONS AND ATTITUDES TOWARD SUPPORT MEASURES

The complexity of the demographic situation in contemporary Russia determines the relevance of the analysis of factors that determine the reproductive behavior of modern youth. The aim of the study is to analyze the features of value orientations, attitudes regarding parenthood and childbearing, as well as barriers to realize students' reproductive intentions planning to have a different number of children.

The paper shows that young people planning to have one child are characterized by a typical competition of needs between individual values of well-being and the presence of children, contributing to their perception of various kinds of instability (economic crises, pandemic, lockdown) as a sufficient condition for refusing (or postponing) the birth of subsequent children based on the materials of the applied pilot sociological study "Children in a Modern Family", conducted by the Institute of Agrarian Problems of RAS in May 2022. They are characterized by maximum demands on the state system of social support for families with children. Young people planning to have two children are characterized by typical normative attitudes and stereotypes, high value of family and children and perception of them as an important sphere of individual life, are largely oriented to the search for effective mechanisms for the realization of individual life goals and their coordination with the goals of family lifestyle. The planned large number of children, more often characteristic of natives of rural areas, is associated with a high value of the family way of life, child-centeredness, traditionality in the succession of generations, orientation to life in rural areas and employment in agriculture. The research results justify the development and implementation of a differentiated set of interventions for different groups of young people to minimize refusals of future parenthood.

Reproductive intentions, reproductive attitudes, youth, attitudes toward children, parenthood, sociological study.

REFERENCES

- Abdulzyanov A.R., Rustamova G.M. (2024). Mating and reproductive behavior of modern Russian youth. *Narodonaselenie=Population*, 27(S1), 94–106. DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106> (in Russian).
- Arkhangel'skiy V.N., Elizarov V.V., Dzhanavaeva N.G. (2021). Children or material support: The determination of choice. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 17(1), 102–120. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.8 (in Russian).
- Belinskaya D.V. (2018). Social portrait of childfree. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye nauki=Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 4(13), 12–19 (in Russian).

- Bim-Bad B.M., Gavrov S.N. (2010). *Modernizatsiya instituta sem'i: makrosotsiologicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya* [Modernization of the Family Institution: Macrosociological and Anthropological-Pedagogical Analysis: Monograph]. Moscow: Novyi Khronograf.
- Blinova T.V. (2002). Priorities of socio-demographic policy. *APK: ekonomika, upravlenie=AIC: Economics, Management*, 12, 20–28 (in Russian).
- Blinova T.V. (2021). Demographic ageing of rural areas of Russia. *APK: ekonomika, upravlenie=AIC: Economics, Management*, 2, 76–80 (in Russian).
- Burmykina O.N. (2018). Dynamics of Saint Petersburg students' perceptions of family and intergenerational relations (2007–2017). *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 9, 27–46 (in Russian).
- Chizhikova E.S., Kramarenko N.S. (2022). Interrelation of value orientations and attitudes towards the birth of children among girls (on the example of a metropolis). *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta=Russian Social and Humanitarian Journal*, 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (in Russian).
- Churilova E., Zakharov S. (2019). Reproductive attitudes of the Russian population: Is there reason for optimism? *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2(129), 69–89 (in Russian).
- Dobrokhleb V.G. (2024). The state and dynamics of family structures in modern Russia as a challenge to its civilizational development. *Narodonaselenie=Population*, 27(S1), 17–27. DOI: <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27> (in Russian).
- Farafonova A.I., Ambarova P.A. (2016). Reproductive orientations of student's youth: Problems and methods of forming. In: *Dinamika i inertsiyennost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG: VII Ural'skii demograf. forum s mezhdunar. uchastiem: sb. statei. T. 1: Sotsiologiya i istoriya vosproizvodstva naseleniya Rossii* [Dynamics and Inertia of Population Reproduction and Generation Replacement in Russia and CIS: 7th Ural Demographic Forum with International Participation: Collection of Articles. Volume 1: Sociology and History of Population Reproduction in Russia]. Yekaterinburg (in Russian).
- Grigoryeva E.V., Khakimova N.R. (2020). Specific features of the generation Z family values system. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta*, 22(4), 982–991. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-99116> (in Russian).
- Gurko T.A. (2012). Family and parenthood in Russia against the background of post-industrial societies. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye: mat-ly IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development: Proceedings of the 4th Regular All-Russian Sociological Congress]. Moscow: ROS. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf> (in Russian).
- Gurko T.A., Khromacheva A.Yu. (2015). Sociology students about family, gender, and their attitude to parents. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 4(15), 57–71 (in Russian).
- Ilyin V.I. (2019). Social surfing as a model of youth lifestyle. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 28–48. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02> (in Russian).
- Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S. (2020). Peculiarities of reproductive attitudes of modern youth: Expert opinions and reality. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 11, 36–44. DOI: 10.20339/AM.11-20.036 (in Russian).
- Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. (2019). Gender stereotypes in the modern family: Women and men. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 1, 64–76 (in Russian).
- Karabanova O.A., Burmenskaya G.V., Zakharova E.I. et al. (2017). Types of attitude to motherhood and the parental attitude among young woman in the period of entering into adulthood. *Psikhologicheskie issledovaniya=Psychological Studies*, 10(56). Available at: <http://psystudy.ru> (in Russian).
- Karabanova O.A., Molchanov S.V. (2017). Family factors in shaping parental attitudes in young students at the stage of entering adulthood. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal=Russian Psychological Journal*, 2(26), 92–97. DOI 10.11621/npj.2017.0210 (in Russian).
- Karabanova O.A., Zakharova E.I., Burmenskaya G.V. et al. (2018). Features of valuable sphere of girls with different attitudes the parental attitude of the mother at the stage of entering into adulthood. *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Ser.: Psikhologicheskie nauki*, 4, 24–37. DOI: 10.18384/2310-7235-2018-4-24-37 (in Russian).
- Kletsina I.S., Ioffe E.V. (2019). The norms of female behavior: Traditional and contemporary models. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 3, 72–90 (in Russian).

- Kon I.S. (2011). Three in one: Sexual, gender and family revolutions. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 14(1), 51–65 (in Russian).
- Kulkova I.A. (2021). The influence of retirement-age increase of women's reproductive intentions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 94–101. DOI: 10.31857/S013216250012555-3 (in Russian).
- Lomakin I.V. (2019). Childfree of voluntary childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parent-hood in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6(154), 394–436. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20> (in Russian).
- Lotova I.P. (2015). A systematic approach to the study of family values in the modern Russian society. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO=Statistics and Economics*, 5, 62–66 (in Russian).
- Makarentseva A.O. (2020). Impact of the epidemiologic situation on the reproductive intentions of the population. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya*, 17(119), 25–30 (in Russian).
- Makarentseva A.O., Galieva N.I., Rogozin D.M. (2021). Desire (not) to have children in the population surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 492–515. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871> (in Russian).
- Nechaeva N.A. (2018). Young people's perceptions of gender and family-marital relations. In: *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnoshenii dlya Rossii i Kitaya* [The New Importance of Family and Intergenerational Relations for Russia and China]. Saint Petersburg: Renome (in Russian).
- Osipova N.G. (2020). *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya. Ch. 2* [Modern Sociological Theory. Part 2]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya.
- Ozhigova L.N. (2006). *Psikhologiya gendernoi identichnosti* [Psychology of Gender Identity]. Krasnodar: Kubanskiy gos. un-t.
- Radaev V.V. (2020). *Millenialy: Kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society Is Changing]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2020). Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 20(3), 527–545 (in Russian).
- Sereda A.V. (2020). Reproductive plans of young people in large cities (on the example of Krasnoyarsk and Novosibirsk). In: *Geografiya: razvitie nauki i obrazovaniya. T. II: kol. monografiya po mat-lam ezhegodnoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "LXXIII Gertsenovskie chteniya" (g. Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 22–25 aprelya 2020 g.)* [Geography: Development of Science and Education. Vol. II: Collective Monograph Based on the Proceedings of the Annual International Scientific Conference "LXXIII Herzen Readings" (Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University, April 22–25, 2020)]. Saint Petersburg: Asterion, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena (in Russian).
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N. (2024). Modern Russian family: Crisis or evolution. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 10(2). DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/30014> (in Russian).
- Shamarina E.V. (2008). Models of motherhood in the culture of modern Russia. In: *Chelovek v rossiiskoi povsednevnosti: istoriya i sovremennost': sb. statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Man in the Russian Everyday Life: History and Modernity: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Penza: RIO PGSKhA (in Russian).
- Sosnovskaya N.A. (2015). Transformation of family values in modern society. *Nauka i innovatsii*, 9, 14–19 (in Russian).
- Tashcheva A.I., Kireeva L.E. (2011). Role behavior of spouses of a "two-career" marriage. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 8(4), 44–55 (in Russian).
- Tvenge D.M. (2019). *Pokolenie I. Pochemu pokolenie interneta utratilo buntarskii dukh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzrosloi zhizni* [Generation I. Why the Internet Generation Has Lost Its Rebellious Spirit, Become More Tolerant, Less Happy and Totally Unprepared for Adulthood]. Moscow: RIPOL-klassik.
- Vildanova S.M., Granichnaya A.A., Mingalieva A.R., Salyakhieva L.M. (2017). A tendency towards childfree lifestyle in Russia and its influence on the crisis of the institution of family. *Monitoring obshchestven-*

nogo mneniya: sotsial'nye i ekonomicheskie peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 3, 192–205 (in Russian).

Zakharova E.I. (2015). Negative attitude towards motherhood in modern women: Settings and conditions. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 11(1), 44–49 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Vyal'shina – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of Saratov Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: anvyal@mail.ru)

Irina A. Nozhkina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of Department, N.I. Vavilov Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering (4, Avenue named after P. Stolypin, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: nirina2007@mail.ru)

Svetlana S. Shalaeva – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, N.I. Vavilov Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering (4, Avenue named after P. Stolypin, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: clar13@yandex.ru)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.3

УДК 316.4 | ББК 66.3

© Галкин К.А.

ТРАЕКТОРИИ ЗАНЯТОСТИ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГАЛКИН

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: kgalkin1989@mail.ru

ORCID: [0000-0002-6403-6083](https://orcid.org/0000-0002-6403-6083) ResearcherID: [A-8784-2016](https://publons.com/urn/urn:li:memberid/A-8784-2016)

В статье анализируются траектории занятости работающих пенсионеров, проживающих в городе федерального значения и крупном городе регионального значения. В ходе анализа современных российских источников относительно занятости пожилых людей мы обозначаем ее различный характер, связанный, с одной стороны, с желанием самостоятельно продолжать работать и важностью продолжения занятости, с другой стороны, с вынужденным ее характером и необходимостью продолжения трудовой деятельности для оказания помощи родственникам, а также пополнения своего бюджета. На основании 50 интервью с пожилыми людьми поставлена цель проанализировать, как формируются особенности их занятости. Выдвигается следующая гипотеза: добровольный характер занятости оказывается наиболее значимым при выборе той или иной траектории. В ходе работы гипотеза подтвердилась. Выделенные нами траектории занятости пожилых людей свидетельствуют о том, что выбор продолжения занятости на прежнем месте работы или выбор траектории ее изменения зависит от фактора добровольности продолжения занятости. Значимыми факторами оказываются материальное положение и представления пожилых людей об активностях. Обозначенные нами траектории свидетельствуют о различиях в занятости пожилых людей в России, а также о важности места проживания и фактора образования, который наряду с представлениями об активностях пожилых людей связан с выбором траектории занятости.

Пожилые люди, работающие пенсионеры, занятость, особенности занятости, трансформация занятости.

Введение

На фоне повсеместного демографического старения населения проблема продолжения занятости пожилыми людьми после выхода на пенсию становится все более значимой и актуальной (Foster, Walker, 2021; Карпикова, Баева, 2021), особенно в связи с пенсионными реформами, которые затрагивают в настоящее время практически все страны, а также непростым социально-экономическим положением, трансформациями и оптимизацией системы здравоохранения и социальной защиты.

Так, по оценкам ООН, доля пожилых людей в европейских странах поднимется до 23% к 2030 году, а к 2050 году превысит 28% (Щанина, 2021). Это способствует проведению новой политики в сфере занятости пожилых людей и пересмотру прежних возрастных границ старости и старения (Видясова и др., 2024). В частности, все более популярной становится идея о самостоятельном выборе активностей пожилыми людьми (Парфенова, Галкин, 2023). Таким образом, сам человек выбирает наиболее релевантные для себя активности. Немаловажным является тот факт, что привычные активности, связанные с выходом на пенсию, сегодня все чаще заменяются продолжением трудовой занятости, переобучением и интеграцией в социальную жизнь через продолжение занятости (Чистова, 2019).

Данные тенденции характерны для всего мира и, в частности, затрагивают российское общество. При этом важными оказываются как институциональный и глобальный макроконтекст подобных изменений, так и особенности выбора стратегий продолжения занятости пожилых людей, их адаптации на рабочем месте после выхода на пенсию (Барков и др., 2022; Ebbinghaus, 2021).

Для российского общества характерны негативные представления о пенсионном возрасте, связанные с социальным статусом работающих пожилых людей и возможностью продолжения занятости после выхода на пенсию (Григорьева, Сизова, 2018; Галкин, 2021; Осьмук, Незамаева, 2021). Стереотипы формируются в рамках ус-

явшихся культурных норм в отношении понимания пенсионного возраста, при этом отсутствуют научно обоснованные подтверждения того, что по достижении пенсионного возраста изменяются активности и особенности жизни людей (Евсеева, 2020).

Названные факторы подчеркивают необходимость и важность исследований, касающихся выбора траекторий занятости пожилыми людьми и рассмотрения не только макроконтекста, но и индивидуальных особенностей выбора занятости.

В рамках статьи мы выдвигаем гипотезу о том, что от добровольного/недобровольного характера продолжения занятости зависит выбор траектории занятости работающих пенсионеров: переход на другую работу или продолжение работы на прежнем месте. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы мы ставим перед собой цель рассмотреть траектории занятости работающих пенсионеров в городе федерального значения и в крупном городе регионального значения, проанализировать факторы, влияющие на выбор различных траекторий.

Обзор исследований

В многочисленных современных исследованиях, анализирующих занятость пожилых людей, отмечается, что одними из ключевых факторов востребованности на рынке труда выступают уровень образования и возможность быстро подстраиваться под нужды экономики и изменяющейся ситуации (Смирнова, 2007; Каргузова, 2020). Также в современных исследованиях относительно занятости и ее стратегий наблюдаются тенденции к пересмотру исключительно медико-биологических характеристик возраста и переходу к рассмотрению возраста исходя из его нелинейности и разнообразия жизненных траекторий людей (Парфенова, Петухова, 2024; Fasbender, Gerpott, 2021).

Активно развивается концепция продленной взрослости, которая ориентируется на понимание возраста как конструкта и рассмотрение продолженного периода среднего возраста. Продолжением концепции продленной взрослости выступает идея

отложенного старения: старение и возраст представляют собой конструкты, следовательно, важно субъективное понимание самими пожилыми людьми своего возраста и его особенностей (Галкин, 2022; Парфенова, 2023). Также рассматривается, как в пожилом возрасте формируются различные траектории и стратегии, включая стратегии занятости. При этом следует отметить, что в рамках концепции отложенного старения именно профессиональная занятость представляет собой одну из ключевых характеристик продленной взрослости (Видясова, Григорьева, 2023). Еще одним важным фактором является понимание возраста как достижения, следовательно, пожилым людям необходимо использовать ресурсы возраста.

На сегодняшний день появляется все больше исследований трудовой сферы, свидетельствующих, что исследователи все чаще ориентируются на рассмотрение индивидуальных траекторий занятости пожилых людей и принятие самими пожилыми людьми решений относительно необходимости продолжать трудовую занятость или получить дополнительное образование, сменить профессию или выйти на пенсию (Видясова и др., 2024). Следует также отметить, что государства на сегодняшний день все чаще отказываются от установки четких порогов пенсионного возраста и переходят к рассмотрению пенсионного возраста как достаточно гибкой и изменяемой категории (Van Vuuren, 2014). Нередко переход к гибкой пенсионной политике государств является свидетельством профилактики эйджизма и социального исключения пожилых людей, а также свидетельствует о развитии дифференцируемого подхода к их занятости и возможностям ее продолжения (Simonovits, 2021).

Исследования отмечают, что существует несколько причин, по которым работодатели хотят привлекать пожилых людей и удерживать для них рабочие места. С одной стороны, это высокая квалификация пожилых работников, которая особенно важна в научно-технической сфере, медицине и образовании (Тимофеева, Кащук, 2016;

Козлов, Тетерина, 2019; Смирных, 2020). С другой стороны, пожилые работники, как правило, обладают сильной трудовой этикой и хорошо интегрированы в коллектив и коммуникацию, присутствующую в коллективе (Субботина, Асатрян, 2022). Причинами также выступают желание самих пожилых людей продолжать работать и их заинтересованность в повышении финансового благополучия. Для российского контекста занятости пожилых людей характерны особенность пенсионной системы, низкие размеры пенсий, а также выход на пенсию, связанный с утратой работы (Субботина, Асатрян, 2022).

Современные российские исследования, посвященные занятости пожилых людей, можно условно разделить на два направления. В рамках одного из них рассматривается преимущественно высококвалифицированная занятость и отмечается востребованность квалифицированных пожилых работников, преимущественно из крупных городов, на рынках труда (Скопетта, 2008). В других исследованиях, напротив, изучается вынужденная занятость пожилых людей, анализируется специфика их занятости, связанная с необходимостью продолжать работать ввиду нехватки финансовых ресурсов (Вячеславов, 2014). Как правило, вынужденная занятость пожилых людей связана с критикой существующей пенсионной системы, необходимостью финансовой поддержки членов семьи, а также переходом на неквалифицированную работу. Как подчеркивают авторы, подобные тенденции достаточно широко представлены в российских городах (Киенко, 2023; Ниорадзе, 2022). Таким образом, значимым является различный характер занятости работающих пенсионеров, что, с одной стороны, связано с современными тенденциями и развитием современных процессов, обуславливающих необходимость и экономическую эффективность продолжения занятости пожилыми людьми, с другой стороны, существуют препятствия для продолжения работы пожилыми людьми, прежде всего вызванные негативными стереотипами относительно работающих пенсионеров и их

предпочтений в выборе траекторий занятости, их отношения к пенсионной реформе, изменениям в конъюнктуре рынка, обострения кадрового дефицита и выгоды/невыгоды теневой занятости для пожилых людей.

Современные исследования демонстрируют существенные различия в сфере занятости лиц пенсионного возраста между городами с населением менее 1 млн человек и крупными мегаполисами. Несмотря на относительную схожесть инфраструктуры региональных центров и городов федерального значения, наблюдаются значимые различия в структуре предложений по трудоустройству для представителей старших поколений, а также в специфике их профессиональной деятельности (Козина, Зангиева, 2018; Кулькова и др., 2021).

Ключевым фактором, определяющим различия, является наличие или отсутствие специализированных программ, направленных на поддержку занятости лиц старшего возраста. Например, в Москве в рамках программы «Московское долголетие» реализуются проекты по обучению пожилых предпринимательским навыкам, тогда как в Санкт-Петербурге акцент делается на освоение новых компетенций, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), что позволяет пенсионерам сменить профессию или адаптироваться к современным требованиям рынка труда (Григорьева, 2018). В отличие от мегаполисов в крупных региональных городах подобные инициативы встречаются реже, а доступные программы чаще ориентированы на поддержание здоровья и организацию досуга, нежели на профессиональную реализацию пожилых людей (Ромашкина, Морозов, 2018). Указанные различия обуславливают необходимость сравнительного анализа занятости работающих пенсионеров в городах с разной численностью населения, доступ-

ностью рабочих мест и разным уровнем развития социальных программ.

Мы ориентируемся прежде всего на указанные тенденции при рассмотрении траекторий занятости работающих пенсионеров и анализируем выбор и реализацию пожилыми людьми стратегий занятости, которые напрямую зависят от процессов, происходящих в обществе и на рынках труда, деятельности институтов и организаций, взаимодействий индивидов с социальной средой, а также принятых в обществе традиций, норм и правил относительно работающих пожилых людей. При описании траекторий занятости работающих пенсионеров мы ориентируемся на следующие факторы, диктующие выбор стратегии: добровольность в желании продолжать трудовую занятость, уровень дохода, образование, сфера профессиональной деятельности, количество отработанных лет, состояние здоровья пожилого человека, место жительства, существующие стереотипы в отношении пожилых людей. На основании изучения данных факторов выделяем две траектории занятости пожилых людей.

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирическое исследование проводилось в 2024 году в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Отбор городов был обусловлен статистическими данными, отражающими динамику занятости среди лиц старшего возраста. Согласно информации за 2024 год, в России насчитывается около 53 млн работающих пенсионеров¹. При этом Санкт-Петербург занимает второе место в стране по этому показателю: здесь трудоустроены 362 тыс. человек, что составляет 25% от общего числа жителей пенсионного возраста². В то же время в Республике Карелии наблюдается противоположная тенденция: численность рабо-

¹ В России впервые за шесть лет выросло число пенсионеров // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2025/67b5a3189a7947eb8a77c673> (дата обращения 26.03.2025).

² В Петербурге за год стало на 43 тыс. пожилых людей больше // Фонтанка. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/03/25/75262535> (дата обращения 26.03.2025).

тающих пенсионеров сокращается, достигнув в 2022 году 46020 человек³. Аналогичная динамика фиксируется в Петрозаводске, где снижается доля экономически активного населения старшего возраста. Подобные статистические различия создают значимую основу для сравнительного анализа. В частности, Санкт-Петербург демонстрирует устойчивый рост числа работающих пенсионеров, тогда как в Петрозаводске этот показатель неуклонно снижается. Данный контраст делает сопоставление двух городов методологически оправданным для изучения факторов, влияющих на продолжительность трудовой деятельности людей после выхода на пенсию.

В рамках исследования было собрано 50 полуструктурированных интервью с гражданами старшего возраста, продолжающими трудовую деятельность. Возраст информантов варьировался от 65 до 72 лет. Выбор возрастного диапазона для исследования связан с тем, что лица, недавно вышедшие на пенсию, демонстрируют две основные модели поведения: сохранение прежней занятости либо полное прекращение трудовой деятельности (Никонова, 2009). Однако анализ долгосрочной занятости позволяет выявить более сложные закономерности, включая стратегии поиска работы, адаптацию к новым профессиональным условиям и особенности взаимодействия в трудовом коллективе. Изучение лиц, продолжительное время работающих после выхода на пенсию, дает возможность систематизировать их представления о дальнейшей профессиональной деятельности. В отличие от людей, недавно вышедших на пенсию, которые могут испытывать кризис самоидентификации, у представителей этой группы уже сформировались устойчивые практики трудоустройства, что позволяет анализировать их мотивацию, предпочтения и барьеры, связанные с продолжением работы.

Выборка включала представителей различных профессиональных сфер и уровней

квалификации, продолжающих официально работать после выхода на пенсию. Хотя среди респондентов преобладают женщины, при отборе участников исследования учитывался баланс по полу. Большинство информантов имеют высшее образование. Поиск респондентов осуществлялся на основе целенаправленной выборки, а процесс интервьюирования завершился при достижении теоретического насыщения, то есть когда новые данные начинали повторять уже зафиксированные нарративы.

Особое внимание в исследовании уделялось анализу мотивационных факторов, определяющих продолжение профессиональной деятельности гражданами старшего возраста. Также рассматривались ключевые аспекты, влияющие на выбор стратегии сохранения занятости или смены профессиональной сферы. В ходе интервью респонденты делились своим профессиональным опытом, описывали трудности адаптации, возникающие на рабочем месте после выхода на пенсию, а также обсуждали препятствия, с которыми им приходилось сталкиваться. Кроме того, ими была дана субъективная оценка социальной политики, направленной на поддержку трудоустройства граждан старшего возраста. Поскольку исследование выполнено в рамках качественной парадигмы, выявленные траектории занятости следует рассматривать как связанные с локальными условиями трудоустройства.

Результаты исследования

Траектория продолжения прежней занятости

Наиболее значимыми факторами для данной траектории служат достаточно хороший уровень образования, профессиональных компетенций и добровольность продолжения занятости пожилыми людьми. Нередко пожилым людям предлагали продолжать занятость работодателя ввиду ценности специалистов и наличия у них навыков:

³ Сокращение количества работающих пенсионеров в Карелии эксперт объяснил ростом смертности // Столица на Onego.ru. URL: <https://stolicaonego.ru/news/sokraschenie-kolichestva-rabotajuschih-pensionerov-v-karelii-ekspert-objasnil-rostom-smertnosti> (дата обращения 26.03.2025).

«Я почти без малого пятьдесят лет инженером проработал. Когда начала активно развиваться цифровая среда, то и ее сумел освоить, чертежи научился хорошо делать. Поэтому, когда пришло время выхода на пенсию, начальство сразу выступило против этой идеи. Они сами сказали, что я нужен здесь, и я решил остаться, чтобы коллектив не подводить и чтобы не возникло проблем. Пока силы есть, стоит работать» (м., 70, военный инженер, Санкт-Петербург).

Важны количество лет работы в организации, а также связь с коллективом и осознание своей значимости в нем. Наиболее часто подобные особенности занятости пожилых людей встречались в Санкт-Петербурге, такая занятость распространена в государственных учреждениях, конструкторских бюро, образовательных учреждениях (вузах и ссузах). Представители данной траектории лояльно относились к теме повышения пенсионного возраста и индексации пенсий. Как правило, они предпочитали официальную занятость работе «в тени» и отмечали, что официальная занятость была для них престижной:

«Я вот не знаю, честно скажу, как другие там работают и что-то получают в конвертах. Вообще считаю, что работа — это престиж. Поэтому мне крайне сложно представить что-то неофициальное в плане работы. Занятость должна быть только официальной, других вариантов быть не должно» (ж., 69, преподаватель вуза, Санкт-Петербург).

Пожилые люди старались не переходить на менее оплачиваемые должности, однако такие случаи все же были. Они зафиксированы преимущественно в Петрозаводске и связаны с переходом на должность консультанта либо на другую ставку. Пожилые люди отмечали, что в таком случае важной оставалась возможность продолжать работу в знакомом месте, со знакомым коллективом и сохранять опыт долгосрочного сотрудничества:

«Меня сейчас перевели с должности главного бухгалтера, и теперь я просто консультант, но практически с той же зарплатой и всеми гарантиями. На прошлой ставке было сложно, а теперь вполне нормально. И немаловажно, что остаешься в коллективе» (ж., 68, консультант-бухгалтер, Петрозаводск).

Для представителей этой траектории важно постоянное поддержание здоровья. Нередко продолжение работы после выхода на пенсию способствовало сохранению здоровья и поддержанию необходимой активности. Таким образом, подобная особенность занятости пожилых людей была одной из наиболее комфортных, так как позволяла сохранять прежний уровень активности, взаимодействие с коллективом и поддерживать ощущение востребованности. Наиболее значимыми факторами для данной траектории служат фактор добровольности желания продолжать трудовую деятельность, фактор образования, сфера деятельности, а также достаточно хорошее здоровье пожилого человека.

Траектория смены места работы

Для данной траектории было характерно два сценария: вынужденная смена работы из-за необходимости заработка и финансовой поддержки родственников и добровольная смена работы, обусловленная поиском новых активностей, сезонной занятостью или монетизацией хобби. Сценарий вынужденной смены работы был связан с недобровольным продолжением занятости, когда пожилым людям приходилось искать низкооплачиваемую работу:

«Когда сын перешел на другую работу, ему стали платить мало, а иногда и вообще не платили. Тогда мне пришлось устроиться охранником в садоводстве — дежурить на въезде сутки через двое. Работа не самая простая, особенно осенью, когда холодно. Но делать нечего, нужно помогать сыну» (ж., 66, Санкт-Петербург).

Также важным фактором для представителей этого сценария был низкий уровень

дохода. Как правило, такие пожилые люди не могли обеспечить себя только на пенсию. В большинстве случаев они имели среднее специальное образование и до выхода на пенсию занимались рутинной работой. В некоторых случаях рутинную работу заменяли цифровые технологии, и тогда пожилым людям приходилось менять сферу деятельности:

«Я раньше работала администратором, регистрировала заказы и отвечала на вопросы клиентов в небольшой турфирме. Но потом перед самой пенсией должность сократили и ввели чат-бота. В итоге пришлось устроиться уборщицей, потому что на одну пенсию прожить невозможно» (ж., 67, уборщица, Петрозаводск).

Пожилые люди, вынужденные сменить место работы, часто отмечали ухудшение здоровья. Они старались совмещать занятость с дополнительными активностями (например, работой на приусадебном участке), что оказалось сложным.

В рамках сценария монетизации хобби важными факторами были добровольность, а также достаточный уровень дохода и хорошее здоровье, которое позволяло пожилым людям заниматься любимым делом и зарабатывать на нем:

«Я три года назад занялась вязанием. Сначала просто для себя, а потом это дело меня захватило. Подумала: а не открыть ли свое дело? В итоге открыла, и оно стало приносить хороший доход. Финансово стало легче, и приятно, что занимаешься любимым делом и получаешь за это деньги» (ж., 73, Петрозаводск).

Для этого сценария характерна лояльность к повышению пенсионного возраста, так как дополнительный доход позволял пенсионерам не беспокоиться о финансовой стабильности. Траектория смены места работы менее комфортна для пожилых людей, так как они были вынуждены искать работу самостоятельно, часто сталкивались с ухудшением здоровья и переходили на низкооплачиваемые должности.

Однако в рамках данной траектории благоприятным сценарием выступала монетизация хобби, позволяющая совмещать активность с заработком. Следует отметить, что в исследовании представители траектории смены места работы встречались преимущественно в крупном городе регионального значения. Это может свидетельствовать о недостаточности специализированных программ по продолжению занятости пожилых людей и низком спросе на пожилых работников в таких городах.

Заключение

Таким образом, выдвинутая в исследовании гипотеза о зависимости траектории продолжения занятости работающих пенсионеров от добровольности продолжения занятости находит подтверждение при анализе интервью. Добровольность продолжения занятости напрямую определяет уровень удовлетворенности трудовой деятельностью и влияет на общее состояние пожилого работника. Кроме того, дополнительные факторы, такие как уровень дохода, доступность квалифицированного труда, образование и географическое положение, играют существенную роль в выборе оптимальной траектории занятости. Первая траектория – продолжение прежней занятости – связана с такими факторами, как добровольность, активность и высокая степень интегрированности в рабочий коллектив. Она предоставляет пожилым людям комфортные условия для сохранения рабочего статуса, возможности для общения и профессионального взаимодействия, а также продолжения роли эксперта в коллективе. Для работающих пенсионеров, которые имеют высшее образование и высокий уровень квалификации, эта траектория оказывается наиболее предпочтительной, поскольку позволяет избежать необходимости адаптации к новой рабочей среде и поддерживает их социальную активность. В городе федерального значения, где проводился сбор данных, структура занятости лиц старшего возраста отличалась от других городов.

чается большим разнообразием, включая возможности для высококвалифицированной работы.

В Санкт-Петербурге компании, ориентированные на сохранение кадров, предлагают им возможности переквалификации, гибкий график работы и дополнительные стимулы для продолжения трудовой деятельности. Это позволяет пожилым работникам оставаться востребованными и продолжать трудовую деятельность в комфортных условиях.

Вторая траектория – смена места работы – является менее эффективной для работающих пенсионеров, так как она, как правило, связана с вынужденной необходимостью поддерживать свое финансовое положение и помогать членам семьи. Для пожилых людей, попадающих в эту категорию, смена работы может сопровождаться ухудшением условий труда, снижением дохода и высокой степенью профессиональной неопределенности. Однако существуют и успешные примеры адаптации, такие как монетизация хобби, сезонная занятость или переход на консультативные позиции. Эти варианты обеспечивают более гибкий график и позволяют продолжать трудовую деятельность без значительных физических и эмоциональных затрат. Важно подчеркнуть, что для этого необходимы развитые социальные связи, доступ к образовательным программам и государственная поддержка, направленная на трудоустройство пожилых граждан. В условиях, когда пожилые люди не могут рассчитывать на эти ресурсы, смена работы зачастую приводит к ухудшению их социально-экономического положения и качества жизни. В региональных центрах, таких как Петрозаводск, фиксируется снижение числа работающих пенсионеров, а смена места работы часто сопровождается переходом на менее квалифицированные должности. Это связано как с ограниченным количеством вакан-

сий, так и с общими тенденциями сокращения занятости среди представителей старшего поколения.

Проведенный анализ интервью подтверждает, что обозначенный в современных исследованиях различный характер занятости пожилых людей остается актуальным. С одной стороны, многие пожилые люди осознают свою востребованность и желают продолжать работу, с другой – вынужденная занятость, связанная с экономическими трудностями, остается серьезной проблемой. Таким образом, рассмотрение факторов, влияющих на трудовую активность работающих пенсионеров, требует дальнейшего изучения и разработки мер по улучшению условий занятости. Проведенное исследование представляет собой качественный анализ особенностей занятости лиц старшего возраста. Ключевым аспектом стало изучение мотивов продолжения трудовой деятельности или смены профессии, а также факторов, влияющих на принятие подобных решений. Важным результатом работы является вывод о необходимости дальнейшего изучения региональных различий в занятости пенсионеров, особенно в контексте городов с разной численностью населения и структурой экономики. Полученные данные подчеркивают значимость разработки адресных программ поддержки, учитывающих специфику локальных рынков труда.

В связи с этим, дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на более детальном изучении факторов, влияющих на выбор занятости пожилыми людьми, а также на разработке стратегий, способствующих улучшению условий труда. Важно учитывать региональные особенности, индивидуальные предпочтения пожилых работников, а также разрабатывать комплексные программы, поддерживающие как добровольную, так и вынужденную занятость пенсионеров в условиях современной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. (2022). Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. Т. 22. № 1. С. 97–112.
- Видясова Л.А., Григорьева И.А. (2023). Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 16. № 1. С. 4–26.
- Видясова Л.А., Григорьева И.А., Кривошапкина А.С. (2024). Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (179). С. 26–47.
- Вячеславов В.Н. (2014). Занятость пожилых людей (на примере волонтерской деятельности) // Вопросы территориального развития. № 10 (20). С. 11.
- Галкин К.А. (2021). Трудоустройство пожилых людей и политика активного старения в Европе и России // Социологические исследования. Т. 11. № 11. С. 156–160.
- Галкин К.А. (2022). Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 239–252.
- Григорьева И.А. (2018). Обучение ИКТ: для социальной активизации или престижного досуга? // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. № 2. С. 131.
- Григорьева И.А., Сизова И.Л. (2018). Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. Т. 27. № 2. С. 109–135.
- Евсеева Я.В. (2021). Пожилые люди во время пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реферативный журнал. № 2. С. 75–93.
- Карпикова И.С., Баева О.Н. (2021). Трудовая занятость пожилых россиян: характеристика тенденций и возможностей реализации // Социодинамика. № 6. С. 1–13.
- Картузова М. В. (2020). Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. Т. 20. № 1. С. 81–99.
- Киенко Т.С. (2023). Люди старшего возраста и пандемия: социальная эксклюзия, гетерогенность геронтогруппы и интерсекциональность возрастных неравенств // Социологические исследования. Т. 2. С. 115–124.
- Козина И.М., Зангиева И.К. (2018). Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // Журнал исследований социальной политики. Т. 16. № 1. С. 7–22.
- Козлов В.И., Тетерина Е.А. (2019). Государственная политика занятости лиц пожилого возраста: направления развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 7. С. 136–140.
- Кулькова И.А. (2021). Анализ вакансий для лиц старшего возраста на рынке труда России // Human Progress. Т. 7. № 2. С. 7.
- Никонова Э.И. (2009). Занятость населения старших возрастных групп в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 151. № 5-2. С. 61–71.
- Ниорадзе Г.В. (2022). Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекарнизация или новые возможности? // Социологический журнал. № 4. С. 102–117.
- Осьмук Л.А., Незамаева О.Б. (2021). Социальная активность пожилых людей, проживающих в крупном городе: возможности и проблемы // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. № 62. С. 102–110.
- Парфенова О.А. (2023). Отложенное старение или поздняя зрелость в современном российском обществе // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы. С. 62–66.
- Парфенова О.А., Галкин К.А. (2023). Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 26. № 1. С. 200–223.
- Парфенова О.А., Петухова И.С. (2024). Противоречивая роль государства и агентность пожилых в продвижении занятости старшего поколения: реконструкция экспертных представлений // Мир России. Социология. Этнология. Т. 33. № 3. С. 51–74.

- Ромашкина Ю.В., Морозов А.А. (2018). Местные сообщества районов Карелии в восприятии вопроса занятости пожилых людей // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. Т. 7. № 4 (25). С. 262–265.
- Скоппетта А. (2008). Кадровый рынок для пожилых людей 2035 // *Форсайт*. Т. 2. № 3. С. 4–8.
- Смирнова Т.В. (2007). Перспективы занятости пожилых в условиях демографического старения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 10. № 2. С. 123–133.
- Смирных Л.И. (2020). Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // *Вопросы экономики*. Т. 12. С. 104–124.
- Субботина Т.Н., Асатрян Н.Л. (2022). Анализ эйджизма на рынке труда: возрастная дискриминация // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 12-2. С. 169–174.
- Тимофеева Я.И., Кащук И.В. (2016). Система наставничества как средство повышения качества жизни и благополучия пожилых людей // *Непрерывное благополучие в мире: сб. науч. тр. Междунар. науч. симпозиума (г. Томск, 11–16 сентября 2016 г.)*. Томск: Изд-во ТПУ. С. 13–142.
- Чистова Е.В. (2019). Занятость лиц пенсионного возраста: спрос и предложение на рынке труда России // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 10-2. С. 155–162.
- Щанина Е.В. (2021). Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 2. С. 138–161.
- Ebbinghaus B. (2021). Inequalities and poverty risks in old age across Europe: The double-edged income effect of pension systems. *Social Policy & Administration*, 55 (3), 440–455.
- Fasbender U., Gerpott F.H. (2021). To share or not to share: A social-cognitive internalization model to explain how age discrimination impairs older employees' knowledge sharing with younger colleagues. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30 (1), 125–142.
- Foster L., Walker A. (2021). Active ageing across the life course: towards a comprehensive approach to prevention. *BioMed Research International*, 1, 1–11. DOI: 10.1155/2021/6650414
- Simonovits A. (2021). Introducing flexible retirement: A dynamic model. *Prague Economic Papers*, 30 (6), 635–653.
- Van Vuuren D. (2014). Flexible retirement. *Journal of Economic Surveys*, 28 (3), 573–593.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Александрович Галкин – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: kgalkin1989@mail.ru)

Galkin K.A.

EMPLOYMENT TRAJECTORIES OF WORKING PENSIONERS

The paper investigates the employment trajectories of working pensioners living in a city of federal significance and in a large city of regional significance. In the course of analyzing modern Russian sources regarding the employment of the elderly, we identify its different nature, related, on the one hand, to the desire to continue working independently and the importance of continuing employment, on the other hand, to its forced nature and the need to continue working to help relatives, as well as to replenish one's own budget. Based on 50 interviews with elderly people, our goal is to analyze how the specifics of their employment are formed. The following hypothesis is put

forward: the voluntary nature of employment turns out to be the most significant when choosing a particular trajectory. In the course of the work, the hypothesis was confirmed. The employment trajectories of the elderly that we have identified indicate that the choice of continuing employment at the previous place of work or the choice of the trajectory of its change depends on the factor of voluntary continuation of employment. The financial situation and ideas of older people about activities are significant factors. The trajectories we have outlined indicate differences in the employment of older adults in Russia, as well as the importance of the place of residence and the educational factor, which, along with ideas about the activities of the elderly, is associated with the choice of an employment trajectory.

Older adults, working pensioners, employment, employment features, employment transformation.

REFERENCES

- Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. (2022). Employment of the elderly: Social imperatives and barriers in contemporary Russia. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 22(1), 97–112 (in Russian).
- Chistova E.V. (2019). Employment of persons of retirement age: Supply and demand in the Russian labor market. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 10-2, 155–162 (in Russian).
- Ebbinghaus B. (2021). Inequalities and poverty risks in old age across Europe: The double-edged income effect of pension systems. *Social Policy & Administration*, 55(3), 440–455.
- Evseeva Ya.V. (2021). Older adults during the COVID-19 pandemic. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11. Sotsiologiya: Referativnyi zhurnal*, 2, 75–93 (in Russian).
- Fasbender U., Gerpott F.H. (2021). To share or not to share: A social-cognitive internalization model to explain how age discrimination impairs older employees' knowledge sharing with younger colleagues. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(1), 125–142.
- Foster L., Walker A. (2021). Active ageing across the life course: towards a comprehensive approach to prevention. *BioMed Research International*, 1, 1–11. DOI: 10.1155/2021/6650414
- Galkin K.A. (2021). Employment of older people and active ageing policies in Europe and Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11(11), 156–160 (in Russian).
- Galkin K.A. (2022). Social policy of active aging in Russia and European welfare states: Comparative analysis. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 239–252 (in Russian).
- Grigor'eva I.A. (2018). ICT training: For social revitalization or prestigious leisure? *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego*, 2, 131 (in Russian).
- Grigor'eva I.A., Sizova I.L. (2018). Aging trajectories of women in modern Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia*, 27(2), 109–135 (in Russian).
- Karpikova I.S., Baeva O.N. (2021). Employment of elderly Russians: Characteristics of trends and opportunities for implementation. *Sotsiodinamika*, 6, 1–13 (in Russian).
- Kartuzova M. V. (2020). Work practices of older population groups: Reasons for choice. *Ekonomicheskaya sotsiologiya=Journal of Economic Sociology*, 20(1), 81–99 (in Russian).
- Kienko T.S. (2023). Older people and the pandemic: Social exclusion, heterogeneity of the groups of seniors and intersectionality of age inequalities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 115–124 (in Russian).
- Kozina I.M., Zangieva I.K. (2018). State and market regulation of labour activity of old-age pensioners. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=The Journal of Social Policy Studies*, 16(1), 7–22 (in Russian).
- Kozlov V.I., Teterina E.A. (2019). State employment policy for the elderly: development directions. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 7, 136–140 (in Russian).
- Kul'kova I.A. (2021). Analysis of vacancies for older people in the Russian labor market. *Human Progress*, 7(2), 7 (in Russian).
- Nikonova E.I. (2009). Employment of the population of older age groups in modern Russian society: Problems and prospects. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 151(5-2), 61–71 (in Russian).

- Nioradze G.V. (2022). Older workers' labor and the gig-economy: Precarization or new opportunities? *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*, 4, 102–117 (in Russian).
- Os'muk L.A., Nezamaeva O.B. (2021). Social activity of elderly people living in a large city: Opportunities and challenges. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 62, 102–110 (in Russian).
- Parfenova O.A. (2023). Delayed aging or late adulthood in modern Russian society. In: *Sotsial'nye protsessy v sovremennom rossiiskom obshchestve: problemy i perspektivy* [Social Processes in Modern Russian Society: Problems and Prospects] (in Russian).
- Parfenova O.A., Galkin K.A. (2023). Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 26(1), 200–223 (in Russian).
- Parfenova O.A., Petukhova I.S. (2024). The contradictory role of the state and the agency of the elderly in extending the employment of older generations: Reconstructing expert perceptions. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya=Universe of Russia*, 33(3), 51–74 (in Russian).
- Romashkina Yu.V., Morozov A.A. (2018). Local communities in the districts of Karelia in the perception of the employment of older people. *Azimet nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, 7(4)(25), 262–265 (in Russian).
- Scoppetta A. (2008). Labor market for elderly people 2035. *Forsait=Foresight and STI Governance*, 2(3), 4–8 (in Russian).
- Shchanina E.V. (2021). Behavioral practices of senior citizens aimed at improving their well-being in contemporary Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 138–161 (in Russian).
- Simonovits A. (2021). Introducing flexible retirement: A dynamic model. *Prague Economic Papers*, 30(6), 635–653.
- Smirnova T.V. (2007). Employment prospects for the elderly in the context of demographic aging. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 10(2), 123–133 (in Russian).
- Smirnykh L.I. (2020). Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: Experience of European countries. *Voprosy ekonomiki*, 12, 104–124 (in Russian).
- Subbotina T.N., Asatryan N.L. (2022). Analysis of ageism in the labor market: Age discrimination. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 12-2, 169–174 (in Russian).
- Timofeeva Ya.I., Kashchuk I.V. (2016). Mentoring system as a means of improving the quality of life and well-being of the elderly. In: *Nepriyvnoe blagopoluchie v mire: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch. simpoziuma (g. Tomsk, 11–16 sentyabrya 2016 g.)* [Continuous Well-Being in the World: Proceedings of the International Scientific Symposium (Tomsk, September 11–16, 2016)]. Tomsk: Izd-vo TPU (in Russian).
- Van Vuuren D. (2014). Flexible retirement. *Journal of Economic Surveys*, 28(3), 573–593.
- Vidyasova L.A., Grigor'eva I.A. (2023). The subject field of active/delayed aging research: the results of scientometric analysis and mapping. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, 16(1), 4–26 (in Russian).
- Vidyasova L.A., Grigor'eva I.A., Krivoshepkina A.S. (2024). Career expectations of the elderly in Russia: Based on the analysis of the resume database from the Rostrud portal "Work of Russia". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1(179), 26–47 (in Russian).
- Vyacheslavov V.N. (2014). Employment of senior citizens (case study of volunteerism). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 10(20), 11 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin A. Galkin – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (25/14, Sedmaya Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: kgalkin1989@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.4

УДК 316.353 | ББК 60.54

© **Гужавина Т.А., Макарова С.П.**

ВОЗМОЖНОСТИ ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА ГУЖАВИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: [0000-0003-0636-7690](https://orcid.org/0000-0003-0636-7690) ResearcherID: [R-4871-2017](https://orcid.org/R-4871-2017)

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА МАКАРОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: svet578@mail.ru

В центре внимания авторов статьи находится такой способ представления результатов социологического исследования, как социальный портрет. Портретирование все более активно используется и становится все более востребованным посредником между специалистами и различными потребителями продуктов научно-исследовательской деятельности. Этот метод применяется во многих отраслях науки, в том числе в социологии. Портретирование при создании образа социальной группы позволяет решить целый спектр исследовательских задач. Особенность метода состоит в том, что создатели портрета могут добавлять свое видение, уточняя предметное поле исследования, конкретизируя возможности и ограничения. Однако это создает определенные трудности в его применении. Процесс институционализации этого способа обработки и представления результатов исследования в сфере социологии далек от завершения: открытым является вопрос о сущности социального портрета, вариативны его определения и индикаторы, не систематизированы ключевые характеристики. Благодаря слабой формализованности процедура выстраивания портрета обеспечивает каждого портретиста возможностью подбирать свою стратегию написания, ракурс итогового образа, глубину про-

рисовки и пр. Чем качественнее получается образ и лучше в нем сочетаются требования универсальности и узнавания, тем больше возможностей для практического применения он создает. Тем не менее использование портретирования как исследовательского метода требует соблюдения определенных принципов и процедур. Цель работы в попытке на основе обобщающего анализа опыта применения метода в различных исследованиях уточнить и доработать методiku построения социального портрета. Выделены основные принципы построения социального портрета, показаны его возможности. Представлен опыт построения социального портрета на основании уточненной методики. В качестве объекта выбраны женщины-активистки, обладающие социальным капиталом высокого уровня.

Социальный портрет, индикаторы, социальная группа, группы носителей социального капитала, социальный капитал, женщина-активистка.

Введение

Среди исследовательских задач в большинстве проектов можно обнаружить необходимость описания параметров изучаемого объекта. Социологи, имея дело с социальными сообществами различного масштаба, обычно характеризуют их по социально-демографическим признакам, добавляя порой другие характеристики, с целью создания некоего образа наблюдаемой группы. Этот образ представляет своего рода портрет, отражающий основные черты изучаемой группы. Тем не менее можно констатировать, что в настоящее время в научном сообществе отсутствует однозначная и точная отнесенность формирования социального портрета к категории способов (методов, приемов, технологий) изучения социума, несмотря на то, что такой подход к обобщению и представлению результатов социологического исследования уже активно используется в значительном количестве публикаций. Многие работы отличаются качественной методологической проработкой, обоснованным выбором индикаторов и контуров создаваемого образа, что делает их достаточно интересными для последователей. В связи с этим внимание в данной статье сосредоточено на социальном портрете как удобном и наглядном способе представления результатов изучения различных социальных групп.

Отличаясь наглядностью, «выпуклостью» создаваемых образов, портретирование используется не только в научных

разработках, как следствие, моделируются социальные портреты потребителей услуг, профессиональных групп, территориальных сообществ и т. п. Создаваемые портреты становятся эмпирической базой для принятия обоснованных управленческих решений в различных сферах.

Теоретические основы исследования

Зарождение замысла создания социального портрета в социологии не освещается в научных публикациях. Вместе с тем, полагаем, что заимствование идеи создания социального портрета социологами вполне можно проследить от традиции создания портрета в изобразительном искусстве. Наиболее аргументированным будет обращение к портретам Ренессанса, в которых наблюдается стремление показать внутренний мир и социальный статус изображаемой личности, что начинает считаться не менее важным, чем сходство с оригиналом¹.

Ученые склонны в качестве теоретико-методологической основы портретирования рассматривать «идеальные типы» М. Вебера (Вебер, 2014). Идеальные типы действий, являющиеся обобщенной конструкцией, вполне можно расценивать в качестве модели или трафарета, с которым происходит сличение реальных поведенческих проявлений в социуме. Продолжением веберовского подхода служат суждения Н.В. Бородиной, И.И. Украинцевой и А.Л. Ховяковой о не-

¹ Прибыловская В. Портрет. Часть 1. URL: <https://litobozrenie.com/2016/11/portret-chast-i> (дата обращения 12.09.2024).

обходимости фиксировать наиболее общие и устойчивые – «усредненные» – признаки исследуемого объекта, реализующего определенную модель поведения (Бородина и др., 2017).

Полностью разделяя обоснованность такого подхода, предположим, что многие исследователи при работе над темами, затрагивающими стратификацию общества или изучающими отдельные социальные группы, не ставя перед собой цель портретирования, могут обеспечивать заинтересованных в создании социальных портретов эмпирической базой. Так, например, исследования Т.И. Заславской социальных страт или прекариата Ж.Т. Тощенко содержат значительный объем фактических данных, характеризующих эти группы. В то же время мы отчетливо осознаем, что представленных в данных работах сведений может быть недостаточно для формирования полноценного социального портрета.

На этом этапе рассуждений особенную актуальность приобретает вопрос о сущности социального портрета и его ключевых характеристиках. На настоящий момент не удалось обнаружить единого исчерпывающего определения, авторы в своих публикациях предпочитают акцентировать внимание только на значимых для них признаках.

При формировании собственно трактовки социального портрета как метода исследователями отмечается чаще всего следующее: важность «интегрированного описания»², «системной характеристики» основных свойств изучаемого объекта (Плотникова и др., 2008), подчеркивается важность обобщений, позволяющих на основе предварительного анализа, синтезируя в единый комплекс отдельные качества, создать целостный образ. Вместе с тем отмечается, что портрет будет отличаться незавершенностью, т. к. детальная «прорисовка» при составлении итогового универсального образа будет противоречить общему замыслу (Арон, 1992). Упрощенной видится трактовка Б.Г. Ушакова, которая, по сути,

сводит портрет к социальному статусу, представленному в несколько фрагментированном виде (Ушаков, 1996).

Предупреждая возможное недопонимание, оговоримся, что в отдельных научных публикациях помимо термина «социальный портрет» также упоминается «социологический портрет». Четких различий между ними в исследованиях не приводится, однако с опорой на косвенные признаки можно предположить, что социологический портрет в большей степени акцентирует внимание на социальном в изображаемых объектах. Иными словами, «художника» в этом портрете не столько интересует, кто перед ним или какую группу ему предстоит изобразить, ему важнее показать в этом образе отпечаток общественного влияния, последующее следование заложенным социальным ограничениям или уклонение от них.

Определение данного типа портрета, в котором сочетаются наиболее значимые существенные характеристики этого способа представления социологической информации, сформулировано в коллективном труде казанских исследователей: «Социологический портрет выступает как целостное представление социальной сущности различных объектов, таких как социальная организация, общность, класс и тому подобное, которое включает в себя систематическую характеристику элементов, его составляющих, социальных процессов, в том числе отношений, которые с ним связаны» (Ермолаева и др., 2014). Таким образом, авторы расширяют понятие портрета за границы базовых черт группы, включая в него процессы и отношения, что вполне может привести к смене объекта исследования либо к его искажению.

Впервые российские исследователи обратились к социальному портрету в России еще в 1970-е гг., что воплотилось в портрете «простого советского человека» (Голов и др., 1993). Создавая на большом количестве эмпирического материала единый образ, ученые стремились не просто описать типич-

² Леонов А.К. (2017). Основы анализа социологических данных: учебн. пособие. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 160 с.

ные черты представителей различных этносов, поколений, слоев общества, но и изучить их устойчивость.

Сегодня начинающие исследователи, пробуя себя в портретировании, обращаются к уже зарекомендовавшим себя работам. Необходимо отметить социальный портрет возрастных когорт, созданный Л.А. Беляевой (Беляева, 2004), портрет учительства в одном из субъектов страны (Борисова, 1998), образы высокостатусных групп (Головачев, 1996) и потребителей медицинских услуг (Решетников, 2003). Многие интересные портреты воссоздают образ студенчества (Вишневский, 1997; Карпенко и др., 1999). В настоящий момент можно особо отметить следующие собирательные образы: обучающегося того или иного высшего образовательного учреждения, потребителя товаров (услуг), пациента, представителя профессии и т. п. Некоторые исследователи обращаются к описанию таких общностей, которые по причине многочисленности и важности для социума всегда привлекали внимание, например врачей (Кузнецова, Сергеева, 2016). Портрет мусульман Мордовии представляет результаты религиозно-этнической самоидентификации, отображает социальные установки и ценностные ориентации этой группы лиц (Агишев, 2023). Также метод позволяет создавать образы групп, выделяемых по достаточно специфическим признакам. Примером может служить опыт описания группы «недоверяющих» (Гужавина, Силина, 2018).

Безусловно, необходимо обратить внимание на цель, которую преследуют ученые, применяя такой способ представления информации. Можно констатировать существование возможности для большой вариативности: портретирование обладает потенциалом не только для обозначения общих контуров, но также располагает ресурсом для выделения специфических особенностей изображаемых субъектов, тем самым детализируя образ. Так, например,

в исследовании, посвященном созданию социокультурного портрета региона цель сформулирована следующим образом: «дать концентрированную характеристику региона (субъекта РФ) как социокультурного феномена, которая будет полезна руководителям учреждений и предприятий различных уровней и профилей, политическим деятелям, социальным работникам и журналистам, научным работникам и преподавателям, студентам и аспирантам – всем, кто интересуется вопросами социального развития регионов»³. Задачу «составить целостную картину развития личности в системе образования, выявить имеющиеся место тенденции, направить усилия не только на преодоление, но и на предупреждение основных проблем, помочь школьникам с выбором профиля обучения» призвана решать программа мониторинговых исследований «Социально-психологический портрет выпускника» (Малая и др., 2016).

Прагматические соображения, базирующиеся на понимании практической значимости создания портретов, стимулируют различные области познания действительности, граничащие с социологией, активно обращаться к такому способу накопления знаний и решения утилитарных проблем. Аргументом в пользу суждения о том, что портретирование в смежных научных областях опирается на апробированную методологическую основу, является факт выделения существенных признаков, необходимых и достаточных для формирования портрета. В частности, отметим стремление к разработанности индикаторов при формировании портрета. Так, например, обязательными компонентами при составлении собирательного образа правонарушителя выступают семейные отношения, уровень образования, интересы и увлечения (Щеткин и др., 2009; Казицын, Миронова, 2018). Компонентами портрета пациента могут быть отношение к жизни (Чижова, Богатырев, 2015), качество жизни, наличие «техногенно нагруженной

³ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика (2006) // Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов: сб. мат-лов конф. / Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений; под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. Москва: ИФРАН. 275 с.

среды» (Зубко и др., 2020) и т. п. При разработке социологического портрета по бизнес-запросу представляется необходимым не столько дать развернутую характеристику реальному или потенциальному потребителю товаров или услуг, сколько акцентировать внимание на тех качествах, которые будут оказывать определяющее влияние на поведение. К их числу можно отнести пищевые привычки, хобби, предпочитаемый стиль одежды и т. п. Отметим, что такое портретирование можно рассматривать как частный случай или составной элемент маркетингового исследования, активно используемого сегодня как на этапе сегментирования рынка, так и в процессе продвижения уже имеющегося товара.

Вариантом портретирования в интересах бизнеса представляется социальный скоринг – «вид скоринга, который оценивает клиента по его социальным характеристикам и прогнозирует его поведение с помощью анализа его присутствия в социальных сетях»⁴. При формировании образа используются наиболее общие сведения, которые часто размещаются самим пользователем на своей странице: пол и возраст, место проживания и профессиональный статус, увлечения и т. п. Такие данные позволяют распределить исследованных пользователей в группы с позиции их «соответствия бизнесу» или потенциальной способности стать клиентом предлагаемых бизнесом товаров или услуг. Еще одной сферой, в которой создание портрета используется достаточно часто и оценивается как эффективный способ представления необходимой информации, является образование. Большинство портретов, представленных в интернете, раскрывают образ студента того или иного образовательного учреждения (Колокольникова и др., 2024). Необходимо отметить, что «точность

прорисовки» портрета разнится от исследования к исследованию и может быть объяснена не только сущностью и количеством задач, но также напрямую зависеть от располагаемых данных⁵.

Намерение сформулировать определение, конкретизирующее социальный портрет с учетом предметной области, встречается в исследованиях крайне редко и зачастую характеризуется недостаточным количеством существенных признаков. Вероятно, для реализации конкретных прагматических целей, как, например, определение «целей и мер профилактики конкретных заболеваний» (Зубко и др., 2020), формулирование определения представляется избыточным, не приближающим к выдвинутой цели.

Вместе с тем сегодня можно найти исследования относительно новых и (или) немногочисленных социальных групп, которые стимулируют интерес своей необычностью. В этом ряду отметим социальные портреты женщин-водителей (Красичкова, Лапина, 2018), сторонников чайлдфри (Белинская, 2018), террориста⁶ и т. п.

При разработке инструментария необходимо крайне внимательно подходить к вопросу о сведениях, которые требуются для составления портрета. Интересное решение предложено П.О. Ермолаевой, Е.П. Носковой, М.Р. Зайнуллиной, А.И. Купцовой, А.М. Нагимовой в рамках исследования населения, когда в качестве ключевого индикатора, важного для дальнейшего формирования портрета, выступает настроение. Помимо этого, авторы при формировании целостного образа в качестве «фона» предлагают общую характеристику региона и далее на его основе уже конкретизируют «этнокультурные и социальные особенности, уровень жизни и социальное самочувствие населения, культурный потенциал (капитал)

⁴ Социальный скоринг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 03.09.2024).

⁵ Так, например, в большинстве случаев вуз может оперировать теми сведениями, которые сам абитуриент предоставляет в приемную комиссию: баллы ЕГЭ по предметам, дополнительные достижения, приоритетные направления обучения или специальности. Более точный портрет требует от исследователя сбора дополнительных сведений, тем самым создавая новые возможности и позволяя диагностировать, как вариант, причины снижения или роста популярности университета, мотивы выбора той или иной специальности; точнее спланировать работу приемной кампании; качественнее удовлетворять образовательные запросы и т. п.

⁶ Косенов А. Составлен социальный портрет террориста в Казахстане. URL: <https://tengrinews.kz/crime/sostavlen-sotsialnyiy-portret-terrorista-v-kazahstane-253308> (дата обращения 08.09.2024).

населения, мотивацию к трудовой деятельности и экономическую активность» (Ермолаева и др., 2014).

Также на стадии формирования находится вопрос об обязательных компонентах, которые должны быть представлены в каждом социальном портрете. В публикациях можно встретить образы, достаточно сильно отличающиеся друг от друга по точности и глубине «прорисовки». Очевидно, что в каждом конкретном случае формируемый портрет, подчиняясь замыслу «художника», содержит собственные акценты, ракурсы, палитру социально-демографических характеристик и т. п.

Все индикаторы, используемые при создании портрета, можно разделить на две смысловые категории. Первая – объективные характеристики, прежде всего социально-демографические, такие как возраст, пол, имеющееся образование и сфера занятости на момент исследования, благосостояние, место проживания и т. д. Вторая – субъективные признаки, отображающие самоидентификацию респондента, его самоотношение к исследуемым чертам, свойствам и состояниям, перечень которых весьма обширен и определяется рамками конкретной исследовательской задачи. Особенно ценно то, что, комбинируя данные признаки, можно выявить общие внешние и внутренние черты определенной группы, описать ее образ жизни (Гужавина, Силина, 2018).

Таким образом, по нашему мнению, социальным можно назвать такой портрет, который описывает объект исследования, будь то группа, коллектив, территориальное сообщество, на основе принципа единения общего и особенного, что достигается через представление базовых характеристик, дополненных отличительными особенностями, присущими конкретному объекту или проявляющимися в конкретных обстоятельствах.

При составлении портрета конкретный результат будет напрямую зависеть от задач исследователя, и его изобразительные способности могут ограничиваться исключительно возможностью собрать образ и гармонично охарактеризовать типичного

представителя той или иной социальной группы, например, с позиции включенности в экономические отношения, отношения к религии, власти, музыкальным жанрам, поэтому конкретный ракурс готового социального портрета будет продиктован замыслом исследователя.

Таким образом, метод портретирования требует выработки определенного методологического подхода и методического инструментария. В первом случае необходимо опираться на веберовскую методологию идеального типизирования и определить предполагаемые типичные черты исследуемой группы. При разработке инструментария нужно понимать, какие сведения могут стать источником описания группы и каковы способы их получения, возможные и доступные источники необходимой информации. Важным принципом социального портретирования является выделение характеристик объективной и субъективной направленности. Социальный портрет выступает удобным и простым для восприятия способом представления информации и не диктует требований к профессиональной специализации лица, которое будет его в дальнейшем использовать.

Материалы и методы

Для реализации теоретической части нашего исследования было принято решение показать возможности метода портретирования на примере создания портрета женщины-активистки. Авторы полагают, что потребность в создании портрета именно этой социальной группы продиктована практической необходимостью. Зачастую женщины-активистки могут являться и являются инициативной опорой, на которую надеются, включения которой политическая элита ожидает при реализации социальных проектов, проведении общественных мероприятий, обсуждении территориальных новаций и т. д. Поэтому в качестве лиц, в чьих интересах может быть смоделирован портрет, видятся руководители местного сообщества, главы поселений. Полагаем, что информирование руководящих органов

о тех направлениях и видах гражданского участия, которые с большой вероятностью поддержат женщины-активистки, и тех, от которых они постараются держаться в стороне, может иметь ярко выраженную практическую управленческую направленность.

В качестве эмпирической базы послужил опрос общественного мнения населения Вологодской области, проведенный в апреле 2024 года по стандартной методике, применяемой Вологодским научным центром РАН⁷. В регионе с 2016 года осуществляется мониторинг состояния социального капитала населения. Социальный капитал представляет собой значимую характеристику местного территориального сообщества, позволяющую понимать и оценивать состояние общественных отношений в нем, выявлять такие структурные характеристики, как группы носителей социального капитала, доля активно настроенных жителей, характер настроений, степень вовлеченности в жизнь территориального сообщества, характер коммуникаций – открытый или преимущественно закрытый тип отношений.

Проблема социального капитала относится к активно развивающейся области междисциплинарных знаний, представленной значительным количеством теоретических подходов и эмпирических обоснований, во многом развивающих идеи, высказанные классиками концепции Дж. Коулманом, Р. Патнемом, Ф. Фукуямой, П. Бурдьё (Коулман, 2001; Фукуяма, 2004; Фукуяма, 2008; Bourdieu, 1986; Coleman, 1993; Putnam, 1995; Putnam, 2000). Мы рассматриваем социальный капитал в контексте мейнстрима данной концепции (Гужавина и др., 2018). Индикаторами, позволяющими градуировать уровень сформированного социального капитала, являются доверие, сети и ценности. Распределение социального капитала и стоящих за ним ресурсов неравномерно. Для измерения уровня его накопления у носителей была разработана индикаторная

модель, которая позволяет рассчитать интегральный индекс социального капитала и структурировать на этом основании население региона на группы; при обработке статистических данных, полученных в ходе опросов населения, выделять группы носителей в зависимости от «весомости» социального капитала его обладателей (Гужавина и др., 2022). В рамках исследования выделено пять групп обладателей социального капитала. В первую группу вошли респонденты с минимальным социальным капиталом, в пятую – с максимальным. Обладатели высокого уровня социального капитала активно включаются в социальные процессы и взаимодействия. Как правило, высокий уровень капитала коррелирует с высоким уровнем образования, материальным благополучием, позитивным настроением при оценке настоящего и будущего. Важно отметить, что представители группы с низким уровнем капитала склонны давать отрицательные ответы при описании собственной общественной активности, социального участия, склонности доверять и т. п.

Учитывая исключительно мнение женщин-респондентов⁸, обладающих различным уровнем социального капитала, в рамках статьи будет реализовано стремление сформировать портрет общественной активистки. Опираясь на знание сущности социального капитала, его составных компонентов, женщин-активисток будем искать среди обладательниц высокого уровня социального капитала. Это женщины, включенные в разнообразные сети социальных отношений благодаря участию в различных формах общественной жизни, демонстрирующие вовлеченность в деятельностное участие и позволяющие себе использовать на формирование и поддержание своего социального капитала значительный временной ресурс.

Актуальность изучения группы женщин, обладающих высоким уровнем социального капитала, обусловлена их зна-

⁷ Выборка многоступенчатая, квотная, объем выборочной совокупности составил 1500 человек в возрасте старше 18 лет. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов, соответствием половозрастной структуры участников опроса половозрастной структуре взрослого населения городов и районов.

⁸ Доля женщин-респондентов составила 55,5% от всей выборочной совокупности.

чительной ролью в социальном, экономическом и культурном развитии общества. Женщины с высоким уровнем социального капитала, как правило, обладают разветвленными сетями контактов, что позволяет им эффективно взаимодействовать с различными социальными группами и институтами, а также активно участвовать в общественной жизни. Кроме того, анализ их социального капитала может выявить специфические барьеры и возможности, с которыми сталкиваются женщины в различных контекстах, что имеет значение для разработки целевых программ, направленных на гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин.

При моделировании портрета будут учитываться как объективные социально-демографические характеристики, так и субъективные данные, показывающие результаты самоидентификации опрошенных.

Анализ результатов и обсуждение

Для формирования портрета женщины-активистки логичным представляется обратный подход при создании образа. Вначале считаем рациональным остановиться на субъективных характеристиках, что позволит сформировать основные критерии портрета и выделить участвующую женщину среди прочих респонденток. Далее, опираясь на обозначенный контур, добавим к портрету объективные социально-демографические черты, что позволит усилить четкость и узнаваемость образа.

Рассмотрим специфику общественно-политического участия женщины-активистки. В структуре общественного участия отчетливо выделяется несколько последовательных этапов, сохраняющих свою неизменность вне зависимости от специфики и направленности участия. Отправной точкой, стартом размышлений о включенности в общественную деятельность является информированность о ней. Это говорит о расширении границ контактов и создании более благоприятных условий для распространения значимой информации. Следовательно, незнание уже может трактоваться в качестве барьера,

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы о федеральном проекте «Формирование комфортной городской среды» и возможности участия в нем?», в зависимости от уровня социального капитала, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Да	18,9	31,9	42,2	57,2	63,2
Нет	62,2	49,1	38,1	23,9	26,3
Затрудняюсь ответить	18,9	19	19,6	18,8	10,5

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

отсекающего неосведомленных о проектах, акциях, мероприятиях от участия в них. Рассмотрим, насколько информированы женщины, участвовавшие в исследовании. В опросе для анализа предлагалось оценить обладание сведениями о конкретном проекте (табл. 1), который является значимым для развития местного сообщества и к которому органы местной власти активно привлекают внимание.

Опираясь на полученные ответы, отметим, что отчетливо прослеживается взаимосвязь: чем ниже уровень социального капитала у респондентки, тем ниже ее осведомленность о данном проекте, а по мере возрастания социального капитала увеличивается количество информированных респонденток. Важно отметить, что и в группе с низким уровнем социального капитала некоторые женщины знают о проекте (19%), при этом две трети отрицали свою осведомленность либо не были в ней уверены. В то же время не каждая обладательница высокого капитала смогла заявить о собственной информированности по данному конкретному вопросу.

Также респонденткам предлагалось высказать мнение о проявлениях демократии в местном сообществе, включенности граждан в управление (табл. 2).

Прогнозируемо, что практически все группы (за исключением первой) выбрали «аккуратный» ответ «частично соответствует». Демонстрируя такую деликатную точку зрения, женщины соглашались с тем, что «в некоторых ситуациях и по некото-

Таблица 2. Распределение ответов респондентов при оценке альтернативы «Население реально участвует в обсуждении и решении значимых вопросов на основе открытого диалога с органами власти муниципального образования», в зависимости от уровня социального капитала, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Совсем не соответствует	27,8	16,1	8,9	0,7	1,8
Не соответствует	37,8	29,7	22,7	23,9	8,8
Частично соответствует	30	43,4	45,4	34,1	42,1
В целом соответствует	4,4	9	15,6	29,7	21,1
Полностью соответствует реальности	0	1,8	7,4	11,6	26,3

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

рым вопросам» их мнением интересуются, но не всегда, не при решении любого вопроса, когда позиция населения могла бы быть значимой и, возможно, определяющей. Полагаем, что при всей нейтральности ответа он может говорить об определенной степени недовольства опрошенных, возможно, даже не в полной мере ими самими осознаваемого. Это недовольство стремлением власти дозировать включенность населения в обсуждение важных для него вопросов, несогласие с наличием некоторых фильтров и барьеров между властью и местным сообществом.

Безусловно, привлекает внимание отрицательный ответ («не соответствует»), ли-

дирующий среди всех прочих выборов респонденток в первой группе. Предположим, что именно эти женщины в силу различных жизненных обстоятельств не бывают регулярно в тех местах или организациях, ситуациях, при которых их мнением могут заинтересоваться. Помимо этого, их не приглашают для подобных обсуждений. Совокупность таких обстоятельств делает представительниц групп с низким уровнем социального капитала категорией местного сообщества, чье мнение остается неизвестным, не выявленным, не учтенным.

Следующим логичным этапом участия является переход от обобщенного мнения о других к собственному участию через выражение личного мнения (рис. 1).

При анализе ответов на этот вопрос уместными и обоснованными представляются предположения, сделанные ранее на основе данных табл. 1, 2. Ответы респонденток полностью соответствуют представленным выше позициям и взглядам.

Наиболее значимым и прагматически полезным среди всех форм участия является деятельное участие, следующее за вербальной включенностью. Необходимо отметить, что переход на новый уровень общественного участия предполагает обладание некоторым спектром управленческих компетенций. Более того, такая включенность может быть сопряжена с затратами ресурсов, прежде всего времени. Совокупность этих обстоятельств

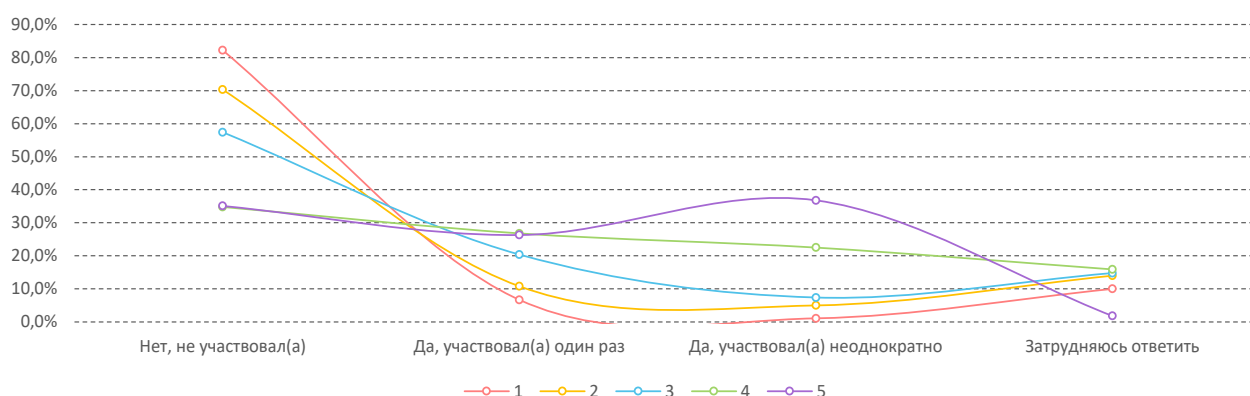

Рис. 1. Включенность респондентов в голосование по выбору общественных территорий для благоустройства, в зависимости от уровня социального капитала, %

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

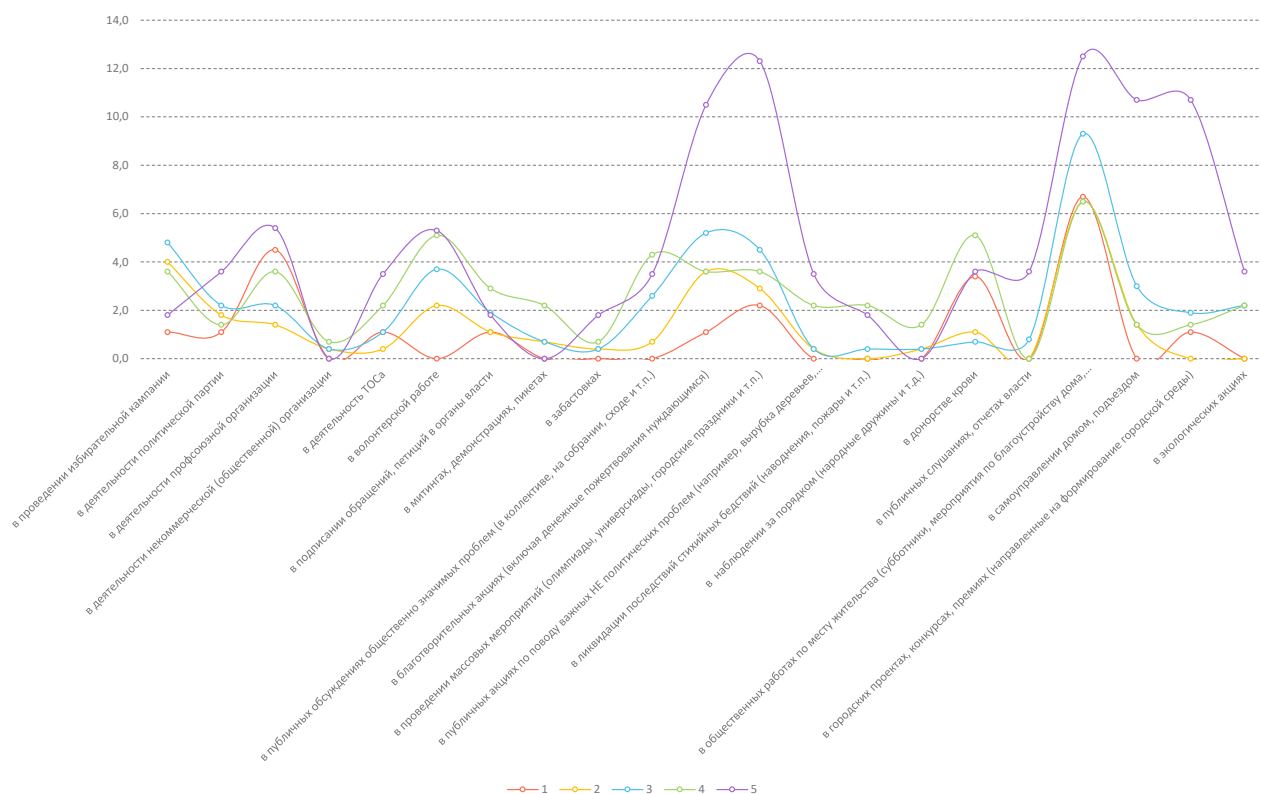

Рис. 2. Формы общественно-политического участия, в зависимости от уровня социального капитала, %

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

может выступать уже более серьезным и сложно преодолимым барьером для деятельного участия. Важно понять, какие виды общественно-политического участия женщины считают настолько для себя важными, что выделяют для их реализации ценный ресурс современного общества – время (рис. 2).

Необходимо оговориться, что на диаграмме сознательно не представлен самый популярный и массовый способ политического участия – голосование на выборах. Важность этого вида активности осознают женщины в каждой исследуемой группе. По причине преобладания именно этого варианта среди прочих диаграмма провоцировала бы смещение внимания, становясь менее наглядной и информативной, в связи с чем считаем возможным вербально описать ответы респонденток по этому виду участия.

Так, более трети опрошенных женщин из каждой группы заявили о своем участии в выборах (в среднем 36%). Интересным является

тот факт, что вариативность ответов по группам не превышает 4%. Иными словами, вне зависимости от обладания социальным капиталом женщины с практически одинаковой активностью участвуют в выборах. Активнее всего женщины участвуют в общественных работах по месту жительства. Как и в случае с участием в выборах, включенность женщин из разных групп в них практически не отличается. Исключение составляют только обладательницы самого высокого уровня социального капитала. Вероятно, среди них мы можем встретить не просто ответственных квартиросъемщиц, но и председателя товарищества собственников жилья, казначея или инициатора различных внутри- и придомовых улучшений.

С несколько меньшим энтузиазмом женщины включаются в проведение благотворительных акций (суммарно 4,3%), массовые мероприятия различного уровня (4,1%), проведение избирательных кампаний (3,7%). Во все прочие виды общественно-

политического участия, предложенные для анализа в анкете, женщины вовлекаются реже.

Необходимо отметить, что в рамках проявлений участия (за исключением выборов) женщины стремятся быть активными больше в социальном, чем в политическом плане. Вероятно, свою включенность в решение прагматических и житейских забот они воспринимают как более важную и полезную.

Интересно посмотреть, будут ли отличаться направления участия у женщин с высоким уровнем капитала. Наше предположение подтверждается, т. к. активистки, соучаствуя, как и другие респондентки, расширяют свою включенность и вовлекаются в городские проекты, конкурсы (10,7%), экологические акции (3,6%), деятельность политической партии (3,6%), публичные акции по поводу неполитических проблем (3,5%).

Несмотря на большее количество видов социальной активности, у женщины-активистки по-прежнему сохраняется склонность заниматься вопросами, напрямую определяющими качество и условия жизни сограждан. Отметим, что практически все представленные на рис. 2 формы и виды общественно-политического участия относятся к категории социально одобряемого поведения. В этом случае любой активист прежде всего заботится о нуждах и потребностях других, часто незнакомых, чужих людей. Деятельная включенность в решение общественных проблем, соучастие в кризисных ситуациях – все это положительно воспринимается в социуме, вызывает уважение к непосредственным участникам. И только протестные действия, право на которые предоставлено гражданам страны конституцией и регламентировано другими нормативно-правовыми актами, не всеми в обществе воспринимаются столь же благожелательно. На этом основании важно посмотреть, готовы ли женщины отстаивать свои (и чужие) права и интересы на митингах, пикетах и подобных им акциях несогласия (табл. 3).

Протестное участие сложный и ответственный шаг. В реальности далеко не все готовы на такие действия. Однако вербаль-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Если в Вашем населенном пункте состоятся массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни, Вы лично примете в них участие?», в зависимости от уровня социального капитала, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Да	7,8	1,8	4,1	5,1	8,8
Скорее всего, да	4,4	3,2	5,6	8	17,5
Скорее всего, нет	10	15,1	20,7	29	15,8
Нет	53,3	63,4	53	43,5	35,1
Затрудняюсь ответить	24,4	16,5	16,7	14,5	22,8

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

ная реакция говорит об определенном потенциале. Готовых согласиться в той или иной степени (ответы «да» и «скорее да») на участие в протестном мероприятии более чем в два раза больше среди обладателей высокого уровня социального капитала, чем среди представителей групп с низким уровнем капитала. Заключительное наблюдение, которое необходимо сделать при анализе этого вопроса, состоит в том, что самым популярным стал ответ «нет».

Завершая анализ участия, важно понять, как сами женщины воспринимают собственную активность (табл. 4).

Представленные ответы позволяют снова обратиться к ранее обозначенной формуле: чем выше уровень социального капитала у респонденток, тем о большей собственной активности они заявляют. Но необоснован-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?», в зависимости от уровня социального капитала, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Активное	0	1,4	1,5	3,6	17,5
Скорее активное	3,3	9,7	25,2	32,6	42,1
Скорее пассивное	20	31,9	33,7	41,3	22,8
Пассивное	48,9	33	23	8	5,3
Затрудняюсь ответить	27,8	24	16,7	14,5	12,3

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете?», в зависимости от уровня социального капитала, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
1	3,3	1,4	3,3	3,6	7
2	26,7	12,5	6,7	1,4	1,8
3	16,7	12,9	9,3	0,7	3,5
4	18,9	22,2	11,9	10,9	3,5
5	13,3	19,7	17,8	21	10,5
6	7,8	8,6	18,5	19,6	8,8
7	6,7	11,5	12,2	15,2	14
8	4,4	3,9	8,5	12,3	15,8
9	1,1	6,1	8,1	10,1	19,3
10	1,1	0,4	2,2	4,3	8,8

Источник: результаты опроса общественного мнения, апрель 2024 года.

но утверждать, что женщины из групп с высоким уровнем капитала (4 и 5) демонстрируют возрастающую активность. Также информативно высоким является процент тех, кто затрудняется оценить свое участие.

Следующий вопрос направлен на конкретизацию предыдущего и позволяет получить более точные числовые оценки, данные женщинами относительно собственной активности (табл. 5).

На наш взгляд, респондентки оценивают себя достаточно объективно. Практически каждая участвует в социально значимых действиях и понимает это. И в приведенных самооценках мы видим существенные различия в осознании собственной включенности. С ростом уровня социального капитала повышается балл за участие. Наибольший он у представительниц 5 группы (9 баллов). Присутствуют и максимальные оценки. Ожидаемо они выше в группах с большим социальным капиталом (4 и 5). При этом можно наблюдать наличие собственного максимума у каждой группы. Полученные данные можно трактовать как более оптимистичные с позиции социальной включенности, чем представленные ранее в табл. 4.

Анализ субъективных параметров подтверждает наше предположение о том, что

наибольшую активность демонстрируют представительницы группы с высоким уровнем социального капитала. Далее рассмотрим объективные социально-демографические характеристики этой группы.

Итак, большинство активисток (72%) входят в среднюю возрастную категорию (36–65 лет). Данный факт ожидаем, т. к. в этом возрасте женщины являются сложившимися личностями, имеют устоявшиеся взгляды по значимым мировоззренческим вопросам, научились успешно справляться с житейскими и профессиональными заботами и чувствуют себя способными к общественно-политическому соучастию. У многих из них дети стали школьниками, и у мам появилось время для общественных дел. Вероятно, взросление детей для многих женщин является стимулом поиска нового направления для приложения сил и самореализации.

Активистка состоит в зарегистрированном браке (67%). В ее семье с примерно равной вероятностью (~28%) может быть вместе с ней 2–4 человека. Несовершеннолетние дети есть практически у половины респонденток данной группы (49%).

Образовательный уровень активистки может различаться достаточно серьезно: от 9 классов до магистратуры. Но все-таки большинство общественниц (49%) имеют высшее образование, однако и среднее профессиональное образование встречается часто (35%). В любом случае это означает наличие достаточно квалифицированной работы. Профессиональная сфера очень разнообразна. Среди активистов ожидаемо много специалистов, не занятых на производстве, или служащих (35%), многие работают в торговле или сфере обслуживания (25%). Некоторым активисткам и выход на пенсию не мешает оставаться включенными в общественно-политические процессы (11%). Значительно чаще активистка живет в городе (86%), чем в сельской местности.

Избегая повторов, к представленным выше контурам портрета добавим специфические штрихи, показав наиболее значимые особенности представителей данной группы.

Прежде всего женщина-активистка достаточно хорошо информирована. В частности, она знает о реализуемых в стране приоритетных национальных проектах. Следовательно, в череде своих забот она выделяет время для ознакомления с наиболее значимыми событиями, процессами, решениями, которые непосредственно ее касаются или могут повлиять на ее жизнь, на жизнь ее близких, друзей, коллег, соратников.

Вместе с тем она осторожна при оценке включенности населения в обсуждение вопросов, значимых для местного сообщества. Возможно, такой деликатный ответ базируется на сомнении в том, что местная политическая элита в действительности приглашает общественность к дискуссии или учитывает ее позиции в каждом конкретном случае. Женщина-активистка старается не ограничивать свое социальное участие только выражением мнения по существенным вопросам. Важно, что ее включенность в общественные заботы не является разовой акцией; женщины заявляют о своем неоднократном участии.

Наибольшую ценность портрету придает представление видов и направленности социального участия. Так, активистку чаще всего можно встретить на участках для голосования, где она выражает свое мнение; некоторые входят в состав избирательной комиссии. С меньшей успешностью ее можно поискать на площадках городских конкурсов или проектов, на благотворительных акциях. Однако необходимо оговориться, что при посещении подобных мероприятий любая встреченная женщина будет с большой долей вероятности именно активисткой, т. к. она включается в любые общественные заботы значительно чаще, чем представительницы групп с более низким уровнем социального капитала.

Не исключая вероятности познакомиться с активисткой в общественных организациях, на различных городских мероприятиях, все же логичнее искать встречи с ней вблизи ее дома. Среди всех женщин, которых можно встретить на придомовых территориях, предлагаем высматривать ту, к которой другие обращаются с вопросами, чьи указания выполняют. Вероятно, по компетенциям она

больше руководитель, чем исполнитель, поэтому и выбирает для себя такие общественные заботы, где ее умения могут быть востребованы.

Практически безнадежной представляется попытка обнаружить активистку в народных дружинах, при ликвидации чрезвычайных бедствий и т. п. Интересно, что протестных акций она также старается избежать. Вместе с тем в случае встречи с женщиной на подобных мероприятиях можно быть практически уверенным в том, что она – активистка.

Заключение

Несмотря на различные подходы к определению смыслового наполнения термина «социальный портрет», специалисты солидарны при рассмотрении вопросов о функциональных возможностях портретирования. Основная цель создания социального портрета состоит в разработке такого универсального образа, в котором отчетливо представлены типичные черты какой-либо общности. Качественный портрет позволяет узнать в смоделированном образе конкретные социальные группы. Немаловажно учитывать потенциал социального портрета при анализе отношения социальных групп к различным событиям.

При составлении портрета конечный результат будет зависеть от задач исследователя, его способности могут ограничиваться лишь возможностью собрать и гармонично охарактеризовать типичного представителя той или иной социальной группы, например, с точки зрения вовлеченности в экономические отношения, отношения к религии, власти или музыкальным жанрам. Таким образом, конкретный ракурс готового социального портрета будет определяться замыслом исследователя.

Индикаторы, используемые для создания портрета, можно разделить на две категории. Первая категория включает объективные характеристики, такие как возраст, пол, уровень образования, сфера занятости на момент исследования, уровень благосостояния, место проживания и т. д. Вторая категория состоит из субъективных признаков,

отражающих самоидентификацию респондента и его отношение к исследуемым характеристикам, которые могут быть весьма разнообразными и зависят от конкретной исследовательской задачи. Особенно ценным является то, что, комбинируя эти признаки, можно выявить общие внешние и внутренние черты определенной группы и описать ее образ жизни.

Метод портретирования требует разработки определенного методологического подхода и методического инструментария. В первом случае необходимо опираться на веберовскую методологию идеального типизирования и определить предполагаемые типичные черты исследуемой группы. При разработке инструментария важно понимать, какие данные могут стать источником описания группы и каковы способы их получения, а также доступные источники необходимой информации. Важным принципом социального портретирования является выделение характеристик объективной и субъективной направленности. Социальный портрет представляет собой удобный и доступный способ представления информации и не требует от пользователя профессиональной специализации.

Таким образом, мы полагаем, что социальным можно считать портрет, который описывает объект исследования – будь то группа, коллектив или территориальное сообщество – на основе единства общего и особенного, что достигается через представление базовых характеристик, дополненных уникальными особенностями, присущими конкретному объекту или проявляющимися в определенных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

- Агишев Р.Р. (2023). Мусульмане Мордовии: историко-социологический портрет // Исламоведение. Т. 14. № 4 (58). С. 55–65.
- Арон Р. (1992). Этапы развития социологической мысли / общ. ред., предисл. П.С. Гуревича. Москва. 608 с.
- Белинская Д.В. (2018). Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. № 13. С. 12–19.
- Беляева Л.А. (2004). Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социс. № 10. С. 31–48.
- Борисова У.С. (1998). Социальный портрет учителя Республики Саха // Социс. № 8. С. 82–88.
- Бородин Н.В., Украинцева И.И., Ховякова А.Л. (2017). Построение социологического портрета студента учебного заведения среднего профессионального образования // Современные исследования социальных проблем. Т. 8. № 12. С. 93–110.

В процессе формирования портрета женщины-активистки анализ результатов исследования позволил также сформулировать несколько предложений по усилению включенности населения в общественно-политические процессы. Как было отмечено ранее, стартом для каждого участия неизменно является информирование. Данные показывают, что информационная осведомленность, включенность в информационное поле у населения неравномерна, у представительниц 1 группы по уровню социального капитала она ожидаемо низкая.

Следовательно, если целью местной политической элиты является усиление гражданского общества, возрастание участия, то важно диагностировать и апробировать механизмы, способы взаимодействия с такими категориями населения, которые на настоящий момент слабо вовлечены в общественно-политические процессы. Обнаружение таких приемов позволит рассказать населению о разнообразных формах и методах включенности, среди которых граждане могут выбрать интересное именно для них. В процессе информирования акцент необходимо сделать на пользе от включенности в общественно-политическую активность для разных категорий населения и групп по уровню социального капитала. Привлекая к соучастию обладателей низкого уровня социального капитала, мы получаем возможность увидеть ситуацию или мероприятие их глазами, а им даем возможность расширить свои социальные контакты и повысить уровень социального капитала.

- Вебер М. (2014). О некоторых категориях «понимающей социологии» // Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. Москва; Санкт-Петербург. С. 401–402.
- Вишневецкий Ю.Р. (1997). Социальный облик студенчества 90-х годов // Социс. № 10. С. 56–68.
- Гайдай М.К., Кадырова Ч.А. (2022). Понятие «социальный облик» и «социальный портрет» в контексте исследования личности сотрудника органов внутренних дел // Философия права. № 2 (101). С. 153–156.
- Голов А.А., Гражданкин А.И., Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (1993). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / под ред. Ю.А. Левады. Москва: Мировой океан. 218 с.
- Головачев Б.В. (1996). Высокоstatusные группы: штрихи к социальному портрету // Социс. № 1. С. 45–51.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.] (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография / Вологодский научный центр Российской академии наук. Череповец: ЧГУ. 219 с.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.] (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
- Гужавина Т.А., Сирина Т.А. (2018). «Недоверяющие»: социологический портрет группы (по результатам исследований в Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 1 (41).
- Ермолаева П.О., Носкова Е.П., Зайнуллина М.Р., Купцова А.И., Нагимова А.М. (2014). Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань. 92 с.
- Зубко А.В., Сабгайда Т.П., Землянова Е.В. [и др.] (2020). Социальный портрет пациента отделения кардиореабилитации крупного кардиохирургического центра // Здравоохранение в РФ. № 64 (3). С. 124–131.
- Казыцын В.Н., Миронова Е.А. (2018). Социальная работа с несовершеннолетними правонарушителями // Образование в современном мире: сб. науч. трудов. Самара. С. 241–246.
- Карпенко М.П., Лапшов В.Н., Кибалкин М.В. (1999). Социальный портрет студента негосударственного вуза // СОЦИС. № 8. С. 100–102.
- Колокольникова З.У., Артюхова Т.Ю., Евсеева Э.А. (2024). Социально-психологический портрет студента СФУ // Проблемы современного педагогического образования. № 85-1. С. 419–423.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Красичкова Н.А., Лапина А.А. (2018). Социальный портрет женщины-водителя // Вопросы науки и образования. № 2. С. 148–151.
- Кузнецова С.В., Сергеева М.А. (2016). Социальный портрет современного российского врача // Бюллетень медицинских интернет-конференций. № 1. С. 219.
- Малая М.А., Громова О.В., Боронникова Л.А. (2016). Проблемы личностного и социального развития подростков (по материалам мониторинговых исследований «Социально-психологический портрет выпускника») // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: актуальные проблемы образовательного процесса в гетерогенных организациях. Рязань. С. 96–100.
- Плотникова Е.Б., Борисова Н.В., Германов И.А. [и др.] (2008). Социологический портрет Пермского края: региональные социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций: монография / под общ. ред. Е.Б. Плотниковой, Н.В. Борисовой; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Пермский гос. ун-т». Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та. 164 с.
- Решетников А.В. (2003). Социальный портрет потребителя медицинских услуг в России в период перехода к рыночной экономике // Социс. № 1. С. 92–101.
- Сиюхова А.М., Куева Э.М. (2021). Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. Т. 21. Вып. 3. С. 248–253.
- Ушаков Б.Г. (1996). Государственный служащий: социальный портрет: обретение статуса и формирование имиджа. Екатеринбург.
- Федорова Н.А. (2007). Лишёнцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. Т. 5. № 4. С. 483–496.
- Фукуяма Ф. (2004). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: Изд-во АСТ: ЗАО НПП «Ермак».

- Фукуяма Ф. (2008). Великий разрыв. Москва: Изд-во АСТ.
- Чижова В.М., Богатырев А.А. (2015). Социальный портрет пациента с приобретенной беспомощностью // Социология медицины. № 1. С. 49–53.
- Щеткин Ю.Ю., Молочная Н.Л., Кривоногова Л.И. (2009). Социально-психологическая характеристика подростка-правонарушителя // Вестник Таганрогского гос. пед. ин-та. № 2. С. 353–357.
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. New York: Greenwood Press.
- Coleman J. (1993). *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 65–78.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Светлана Павловна Макарова – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: svet578@mail.ru)

Guzhavina T.A., Makarova S.P.

PORTRAITURE POSSIBILITIES IN FORMING THE IMAGE OF A SOCIAL GROUP

In the article, we focus on such a way of presenting the sociological research results as social portraiture. Portraiture is more and more actively used and becomes an increasingly demanded mediator between specialists and various consumers of the research activity products. This method is used in many branches of science, including sociology. Portraiture in creating an image of a social group allows solving a whole range of research tasks. The feature of the method is that the creators of the portrait can add their vision, clarifying the subject field of research, specifying opportunities, and limitations. However, this creates certain difficulties in its application. The process of institutionalization of this method of processing and presenting research results in sociology is far from complete: the question of the essence of social portrait is open, its definitions and indicators are variable, its key characteristics are not systematized. Due to its weak formalization, the procedure of building a portrait provides each portraitist with an opportunity to choose their own strategy of painting, the angle of the final image, the depth of drawing, etc. The better the image is obtained and the better it combines the requirements of universality and recognition, the more opportunities for practical application it creates. The higher the quality of the image and the better it combines the requirements of universality and recognition, the more opportunities for practical application it creates. Nevertheless, the use of portraiture as a research method requires compliance with certain principles and procedures. The aim of this paper is to try to clarify and refine the methodology of social portrait construction on the basis of generalizing analysis of the experience of using the method in various studies. The research highlights the main principles of social portrait construction are and

presents its possibilities. We show the experience of building a social portrait based on the refined methodology. We chose women-activists with a high level of social capital as an object.

Social portrait, indicators, social group, groups of bearers of social capital, social capital, woman-activist.

REFERENCES

- Agishev R.R. (2023). Muslims of Mordovia: Historical and sociological profile. *Islamovedenie*, 14, 4(58), 55–65 (in Russian).
- Aron R. (1992). *Etapy razvitiya sotsiologicheskoi mysli* [Stages of Development of Sociological Thought]. Moscow.
- Belinskaya D.V. (2018). Social portrait of childfree. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennyye nauki=Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 13, 12–19 (in Russian).
- Belyaeva L.A. (2004). Social portrait of age cohorts in post-Soviet Russia. *Sotsis*, 10, 31–48 (in Russian).
- Borisova U.S. (1998). Social profile of a teacher in the Republic of Sakha. *Sotsis*, 8, 82–88 (in Russian).
- Borodina N.V., Ukraintseva I.I., Khovyakova A.L. (2017). Building a sociological portrait of a student of an educational institution of secondary vocational education. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 8(12), 93–110 (in Russian).
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J.G. Richardson. New York: Greenwood Press.
- Chizhova V.M., Bogatyrev A.A. (2015). Social profile of a patient with acquired helplessness. *Sotsiologiya meditsiny*, 1, 49–53 (in Russian).
- Coleman J. (1993). *The Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Belknap of Harvard UP.
- Coleman J. (2001). Social and human capital. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 3, 122–139 (in Russian).
- Ermolaeva P.O., Noskova E.P., Zainullina M.R., Kuptsova A.I., Nagimova A.M. (2014). *Sotsial'nyi portret naseleniya: metodologiya, osnovnye kharakteristiki* [Social Portrait of the Population: Methodology, Main Characteristics]. Kazan.
- Fedorova N.A. (2007). Deprived Persons of the 1920s: The Soviet class of outcasts. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 5(4), 483–496 (in Russian).
- Fukuyama F. (2004). *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow: Izd-vo ACT: ZAO NPP "Ermak".
- Fukuyama F. (2008). *Velikii razryv* [The Great Divide]. Moscow: Izd-vo AST.
- Gaidai M.K., Kadyrova Ch.A. (2022). The concept of "social appearance" and "social portrait" in the context of the study of the personality of an employee of the internal affairs bodies. *Filosofiya prava*, 2(101), 153–156 (in Russian).
- Golov A.A., Grazhdankin A.I., Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Yu.A. (1993). *Sovetskii prostoi chelovek: opyt sotsial'nogo portreta na rubezhe 90-kh* [The Soviet Common Man: Experience of Social Portrait at the Turn of the 1990s]. Moscow: Mirovoi okean.
- Golovachev B.V. (1996). High-status groups: Touches to the social portrait. *Sotsis*, 1, 45–51 (in Russian).
- Guzhavina T.A., Afanas'ev D.V., Vorob'eva I.N. et al. (2018). *Regional'nyi sotsial'nyi kapital v usloviyakh krizisa: monografiya* [Regional Social Capital in Crisis Conditions: Monograph]. Cherepovets: ChGU.
- Guzhavina T.A., Afanas'ev D.V., Kosygina K.E. et al. (2022). *Kollektivnyye deistviya i sotsial'nyi kapital v Rossiiskom obshchestve: monografiya* [Collective Action and Social Capital in Russian Society: Monograph]. Vologda: Vologda Research Center of RAS.
- Guzhavina T.A., Silina T.A. (2018). "The untrusting": A sociological image of the group (research results in the Vologda Oblast). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 1(41) (in Russian).
- Karpenko M.P., Lapshov V.N., Kibalkin M.V. (1999). Social portrait of a student of a non-state university. *Sotsis*, 8, 100–102 (in Russian).
- Kazitsyn V.N., Mironova E.A. (2018). Social work with juvenile offenders. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: sb. nauch. trudov* [Education in the Modern World: Collection of Scientific Works]. Samara (in Russian).
- Kolokol'nikova Z.U., Artyukhova T.Yu., Evseeva E.A. (2024). Social and psychological portrait of an SFU student. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 85-1, 419–423 (in Russian).

- Krasichkova N.A., Lapina A.A. (2018). Social portrait of a female driver. *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 2, 148–151 (in Russian).
- Kuznetsova S.V., Sergeeva M.A. (2016). Social portrait of a modern Russian physician. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii*, 1, 219 (in Russian).
- Malaya M.A., Gromova O.V., Boronnikova L.A. (2016). Problems of personal and social development of adolescents (based on the materials of monitoring research “Social and psychological portrait of a graduate”). In: *Pedagogika i psikhologiya kak resurs razvitiya sovremennogo obshchestva: aktual'nye problemy obrazovatel'nogo protsessa v geterogennykh organizatsiyakh* [Pedagogy and Psychology as a Resource for Development of Modern Society: Current Problems of Educational Process in Heterogeneous Organizations]. Ryazan (in Russian).
- Plotnikova E.B., Borisova N.V., Germanov I.A. et al. (2008). *Sotsiologicheskii portret Permskogo kraia: regional'nye sotsiokul'turnye traditsii v usloviyakh politiko-administrativnykh innovatsii: monografiya* [Sociological Portrait of Perm Krai: Regional Socio-Cultural Traditions in the Conditions of Political and Administrative Innovations: Monograph]. Perm: Red.-izd. otd. Permskogo gos. un-ta.
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 65–78.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
- Reshetnikov A.B. (2003). Social portrait of the consumer of medical services in Russia in the period of transition to a market economy. *Sotsis*, 1, 92–101 (in Russian).
- Shchetkin Yu.Yu., Molochnaya N.L., Krivonogova L.I. (2009). Socio-psychological characteristics of adolescent offenders. *Vestnik Taganrogskego gos. ped. in-ta*, 2, 353–357 (in Russian).
- Ushakov B.G. (1996). *Gosudarstvennyi sluzhashchii: sotsial'nyi portret: obretenie statusa i formirovanie imidzha* [Civil Servant: Social Portrait: Status Acquisition and Image Formation]. Yekaterinburg.
- Vishnevskii Yu.R. (1997). The social image of the student population of the 1990s. *Sotsis*, 10, 56–68 (in Russian).
- Weber M. (2014). On some categories of understanding sociology. In: *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow; Saint Petersburg (in Russian).
- Zubko A.V., Sabgaida T.P., Zemlyanova E.V. et al. (2020). Social portrait of patients of the cardio-rehabilitation unit of a large cardio-surgical center. *Zdravookhranenie v RF=Health Care of the Russian Federation*, 64(3), 124–131 (in Russian).
- Siyukhova A.M., Kueva E.M. (2021). Interpretation of M. Weber's theory of “ideal types” as applied to empirical sociological research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 21(3), 248–253 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat'yana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Svetlana P. Makarova – Candidate of Sciences (Sociology), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: svet578@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.5

УДК 316.776 | ББК 60.56

© Каргаполова Е.В., Аванесова И.А., Аристова А.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СЕРИАЛАХ: ОРИЕНТИРЫ БУДУЩЕГО

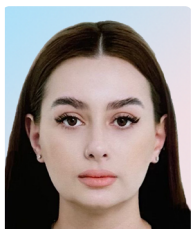

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА КАРГАПОЛОВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация

e-mail: k474671@list.ru

ORCID: [0000-0002-2892-3953](https://orcid.org/0000-0002-2892-3953) ResearcherID: [O-6734-2017](https://orcid.org/0-6734-2017)

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА АВАНЕСОВА

Фонд поддержки образования «Ноосфера»

Москва, Российская Федерация

e-mail: avanesova_2003@mail.ru

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АРИСТОВА

ООО «Альтернативные технологические решения»

Москва, Российская Федерация

e-mail: aristova2905@gmail.com

В современном мире актуализируются поиски ориентиров будущего как способа кодирования и переживания времени, фундаментального фактора, во многом определяющего развитие личности, социальных и национально-государственных систем. Особенно это касается ориентиров социально-демографических групп, детерминирующих будущее например, подростков. В общественных системах постмодернизма, зачастую ориентированных на прошлое, социальный статус подростка обычно сопрягается с кризисом гормонального созревания, вхождения в несовершеннолетний, несправедливый мир взрослых, что придает неустойчивость формирующей-

ся личности. При этом продукты визуальной культуры, особенно такие, как сериалы, могут оказывать значительное воздействие на становление/деградацию личности подростка. Целью данного исследования является анализ образа подростка в популярных российских сериалах в контексте ориентиров будущего формирующейся личности. Метод исследования – контент-анализ. Показано, что менее половины персонажей сериалов воспитываются в полных семьях, и только у каждого пятого-шестого экранного подростка складываются доверительные отношения с родителями. Это проявляет и усиливает кризис семейных отношений. Школа чаще всего транслируется в сериалах, но не является преобладающей социальной средой деятельности подростков. Это отражает степень девальвации значимости учебной деятельности как фундамента формирования личности. Выявлено, что каждый третий экранный подросток имеет проблемы со здоровьем. Сочетание значительной доли как положительных, так и отрицательных качеств у экранных подростков отражает неустойчивость стержня личности – системы морально-нравственных норм. Базовые статусные позиции подростка (я – член семьи, я – прилежный ученик) подменяются симулякрами потребительских идентичностей, связанных с разнообразием стилей одежды. На наш взгляд, требуется скорейшая корректировка образа экранного подростка на основе ориентиров будущего, определяемых традиционной системой ценностей, в которой родители, семья, учитель, школа ближе, чем маркетолог, и формируют Личность как субъект общественного развития, воспитывают счастливого, гармоничного человека, здорового телом, доброго душой и крепкого духом.

Подростки, формирование личности, массовая культура, сериалы, визуальный образ, образ подростка.

Введение

Магистральным направлением процессов социализации, воспитания и обучения является формирование личности, раскрытие человеческой индивидуальности (Корнеев, 2011). Но в современном мире зафиксирована тенденция унификации, отчуждения человека от самого себя, обезличивания (Чельшев, 2016). Как отмечает Л.В. Шабанов, «гуманистическая ценность человеческой личности с ее холизмом оказывается избыточной относительно «роевой» личности сетевого человека с его иерархиями и системами соподчиненностей, которые пусть не дают свободы, зато несут безопасность. Чем более закрыта система, тем более неуязвим ее элемент. Иными словами, логика такой социальной адаптации заключается в том, чтобы пожертвовать своей личностной индивидуальностью, а закрытая коммуникационная система за это даст гарантии большей безопасности и предсказуемости...» (Шабанов, 2015, с. 60). Результатом становится атомизация, «предельная индивидуализация человеческого существования, когда все

подобные воспринимаются не более чем частью враждебного объективного мира» (Бойко, Магомедова, 2013, с. 457).

Основным вектором социализации является формирование качеств личности, таких как разумность («вменяемость»), рациональная мотивация, ответственность за свои действия; потребность участия в жизни общества; умение дифференцировать знания от мнений, истинные ценности от симулякров; рефлексивность, историчность (сознательное обращение к своему прошлому опыту, для того чтобы понять, как использовать опыт прошлого в будущем). Все эти качества характеризуют личность как субъект общественного развития. Субъект путем постоянной рефлексии о самом себе, размышлений способен изменить мир, стать творцом истории. Но представители постмодернизма, например, девальвируют «представление о субъекте как о личности, которая способна к саморазвитию и самостоятельной активной деятельности, происходит потеря субъектом своих заданных онтологических характеристик... Обезличивание субъекта, с провозглашени-

ем идеи «смерть субъекта» как отрицания классического понимания сущности субъекта, приводит к исчезновению и прежнего понимания субъектности. Это приводит к появлению понятия «внесубъектности», которое отрицает способность постмодернистского индивидуума быть субъектом собственной активной, свободной и сознательной деятельности» (Протасов, 2020, с. 121). Развитие «высоких» технологий может привести не только к обезличиванию из-за унификации потребительских практик, образа жизни, сознания, но и к расчеловечиванию, утрате качеств субъекта как активного преобразователя самого себя и окружающего социального мира на началах нравственности и справедливости, и даже к потере биологической природы человека. Вызовы, стоящие перед Россией в эпоху «глобальных трансформаций» (В.В. Путин)¹, требуют ренессанса представлений о формировании личности как разумного существа, обладающего сознанием, волей, чувством ответственности не только за себя, свою семью, но и за страну, природный и социальный мир.

Структура личности задается системой морально-нравственных принципов, а основные точки социокультурного пространства детерминируются комплексом социально-статусных позиций, которые, в свою очередь, во многом определяют механизмы самоидентификации. Рассматривая особенности и социальные задачи различных возрастных периодов, исследователи отмечают, что центральным для формирования личности является подростковый период. «В этом периоде онтогенеза закладываются основы мировоззрений человека, формируются представления о себе, об общественных нормах и правилах» (Осташева, 2014, с. 13–14). Социальный статус подростка характеризуется преобразованием социальной активности от детства к взрослению, стремлением к рефлексии, поиском новой социальной позиции, сопровождающейся гормональной перестройкой организма,

изменением отношения к противоположному полу, кризисом переживаний, самоидентификации (Осташева, 2014, с. 13–14; Муратова, 2020, с. 386–387; Козлова и др., 2022, с. 94). Подросток находится в активной стадии формирования морального сознания, для него становятся важными ценности и идеалы, выходящие за пределы его собственной жизни: социальная справедливость, свобода, дружба, любовь, искренность (Головина, 2011, с. 50). При этом социальное поведение подростка может сочетать деструктивность и потребность в творчестве, «которое позволяет выразить свои претензии «взрослому» миру через социально-приемлемые формы» (Соколов, 2014, с. 128).

Развитие средств массовой коммуникации приводит к увеличению масштабов воздействия художественных образов, особенно визуальных, на социализацию и самоидентификацию подростка (Шумков, 2012). С одной стороны, художественные образы отражают реальность, вскрывают социальные проблемы, в том числе дисфункции семьи. С другой стороны, образы становятся не просто зеркалами, отражающими социальную жизнь, но и трансляторами смыслов, морально-нравственных ценностей, формирующих личность, или разрушающих паттернов эгоистического поведения (Онал, 2024; Tirasawasdichai et al., 2022).

Отражение характеристик подростка в художественной литературе, драматургии, кинематографе зависит от исторического и социокультурного контекста общественных проблем, задач формирования личности. Так, например, герои соответствующего возраста в отечественной литературе XVIII века «практически не проявляют характеристик подростков... Герой же XIX века обладает многими описанными в современной психологии чертами подростков» (Козлова и др., 2022, с. 94).

Е.А. Артемьева проанализировала образ подростка-беспризорника в отечественной кинодраматургии 1920–1980-х гг., который эволюционирует «от социального за-

¹ Путин считает, что новый миропорядок должен основываться на законе и праве // ТАСС. 27.10.2022. URL: <https://tass.ru/politika/16175141> (дата обращения 21.11.2024).

каза к глубокой лиричности, ... становится трагичнее и сложнее, а конфликты, приобретающие все большую остроту как психологически, так и в социальном плане, отчетливее требуют гуманистического решения» (Артемьева, 2013, с. 86).

В советской поэзии 1950–1960-х гг. подросток представлен в контексте общенародного страдания Великой Отечественной войны, которое ранит его душу, приводит к преждевременному взрослению. «Жесткая оппозиция жизни и смерти, мира и войны трансформируется в сложный психологический комплекс, когда мучающая память оказывается залогом человеческой нравственности» (Петров, 2015, с. 23). У Ч. Айтматова подросток показан не как часть взрослого мира, а в фокусе внутрисемейных обстоятельств, формирующих его личность, «как неповторимое ... явление, имеющее свою ценность и особое эстетическое измерение. Посредством обращения к герою-ребенку ... проверяется взрослый мир. И мир этот не всегда выдерживает эту проверку» (Мескин, Золотухина, 2018, с. 65). Исследователи советской литературы выделяют образ Шута (Вали Тряпишника) из повести Ю. Вяземского «Шут» (1982), подростка одинокого, но имеющего свою программу жизни и систему ее осуществления, и Лены Бессольцевой из повести «Чучело» В. Железнякова (1983), «у которой нет стройной системы. Она ищет свой путь ощупью, но безошибочно. Это путь нравственной чистоты и благородства, смелости и доброты. Этот путь оказывается более продуктивным. Лена меняет не только себя, но и заставляет меняться окружающих» (Першина, Крыжановская, 2018, с. 8). Образ Лены Бессольцевой экранизирован и актуален до сих пор, так как в современном российском «школьном» кино наблюдаются ретротенденции, появляется «живой герой, обогащенный новыми знаниями и позицией искателя истины» (Соколов, 2014, с. 131).

Современное искусство характеризуется вариативностью художественных образов подростка – от подростка-читателя из рассказа Д. Рубиной «Астральный полет души на уроке физики» (Перепелкина,

2020), лидера из психологического триллера Д. Тартт «Тайная история» (Лушникова, Куракова, 2019) до подростков-бунтарей из романов Ф. Рота «Американская пастораль» (Адамян, 2022), Захара Прилепина «Санька» (Сампиева, Долгиева, 2017) и подростка-оборотня из романа К. Функе «Маленький оборотень», от которого «страшно весело» (Дулевич, 2023).

Вариативность образов подростков во многом детерминирована информационной неопределенностью (Ермолова, 2022), преждевременным обретением подростками социальных ролей «взрослого человека, к выполнению которых они чаще всего психологически и физически не готовы. Ранние браки, беременность и аборт, родительство, детский труд, бродяжничество и беспризорность, противоправная деятельность подростков являются проявлениями преждевременной социализации, сопровождаются вынужденной идентичностью подростков» (Салистая, 2019, с. 72). А.В. Полибенцева также отмечает расхождение между внешним видом подростка, который соответствует его возрастной группе, и образом его мыслей, способами принятия решений, выполнения социальных ролей, которые идентифицируются со статусной позицией взрослого человека. «Кинематографисты сознательно увеличивают возраст героев или берут на их роли актеров постарше, тем самым конструируя определенный образ подростка, который начинает восприниматься аудиторией как данность» (Полибенцева, 2015, с. 766).

По мнению Т. Журчевой, современной драматургией образ подростка показан сквозь призму метафоры «настоящее без будущего» посредством мотивов заброшенности, сиротства, одиночества, смерти и кладбища, что является индикатором состояния современного общества: «Ребенок/подросток утрачивает те функции, которые этот образ имел в классической литературе. Он становится своего рода инвариантом (новым, модифицированным воплощением) образа «маленького человека». Только не доброго и пассивного Акакия Акакиевича, не благородного помыслами Самсона

Вырина. Ребенок слаб и беззащитен перед жестокостью мира, но и он жесток. Он не противостоит миру, он живет в нем и по его законам. Поэтому он так же безжалостен к тем, кто слабее его. Он жертва, но каждую минуту готов стать палачом» (Журчева, 2018, с. 200).

Таким образом, реальные страдания войны в социокультурном контексте определенного этапа истории СССР у подростка формируют становление личности, раннее взросление с одновременным становлением морально-нравственных ценностей, а сытый, мертвый мир без морали, преданной и непереданной взрослыми, приводит к выходу подростков из детства, взрослению в ролях одиночек, бунтарей, оборотней, шутков, чучел и палачей. Социальное поведение в этих ролях зачастую ситуативно. Все это актуализирует исследование экранных образов подростка.

Методы исследования

Цель нашего исследования – анализ образа подростка в популярных российских сериалах, которые составляют значительную часть медиа-контента. Как отмечают исследователи, появляется культура просмотра сериала, изменяющая менталитет и образ жизни людей (Томоiaġă, 2019). Телесериалы стали продуктами, которые не просто развлекают, но и обучают, однако обучение зачастую базируется на моральной двусмысленности, еще большем ослаблении причинно-следственных связей (Rusaków, 2015). Сериалы выступают одним из проявлений трансформаций кодирования времени в обществе потребления, которое именуется «здесь-и-сейчас», «реальное время». «Это растягивающееся время встречи потребителя с объектом потребления. Черты «реального времени» хорошо узнаваемы, например, в растягивающихся на многие месяцы и даже годы сериалах и реалити-шоу, где главным оказывается не сюжетная связь прошлого-настоящего-будущего, а увлеченность актуальными событиями, в которые хаотичным образом могут втягиваться фрагменты из других времен» (Горин, 2016, с. 133).

Молодежь предпочитает сериалы другим художественным фильмам (Шумков, 2012). Часто и очень часто их смотрят более половины подростков (Аникина и др., 2019). Телесериалы представляют собой медиатексты, которые для тинейджеров выполняют «функции и рукописного альбома, и инструкции по взрослению» (Спутницкая, 2019, с. 101). «Функциональная специфика сериала как особого явления экранной культуры заметна прежде всего на материале, в котором затрагиваются актуальные социальные вопросы. Среди них огромное значение приобретает отражение молодежной культуры. Она оказывается на пересечении таких значимых культурных сегментов, как массовая культура, элитарная культура, и непосредственно связанными с инкультурацией такими важными институтами, как образование, отвечающими за формирование нормативного индивида. Кризисные явления в культуре и социуме наиболее болезненно протекают именно в молодежной культуре, принимают здесь нередко уродливые, гипертрофированные формы» (Спутницкая, Казючиц, 2022, с. 117).

Отметим важность анализа образа подростка в контексте выхода из постмодернистского проекта, зачастую ориентированного на прошлое (Хлыщева, 2021). Как отмечает Д.Г. Горин, «время, способы его кодирования и переживания представляют собой фундаментальный фактор, определяющий особенности целостных систем мысли» (Горин, 2016, с. 130). По его мнению, в современной России особую остроту приобретает «необходимость укрепления ценности долгосрочного или хотя бы среднесрочного эволюционного процесса, направленного на достижение не только привлекательного, но и внятного и реалистичного образа будущего» (Горин, 2015, с. 135).

В связи с этим актуализируется вопрос о том, какие ориентиры будущего задают образы подростков популярных отечественных сериалов. На наш взгляд, отечественная кинопродукция, на которую выделяется бюджетное финансирование, в том числе телесериалы, должна содействовать реали-

зации государственной политики, определяемой указами Президента РФ, например «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Научная новизна нашего исследования состоит в получении результатов, проявляющих соответствие медиаконтента целям государственной политики страны в условиях острого геополитического противостояния, борьбы идеологий.

Для решения этой задачи мы реализовали исследование методом контент-анализа. Нами были выбраны восемнадцать популярных российских сериалов, в которых значимыми являются сюжетные линии, связанные с подростками («Спарта», «Закон каменных джунглей», «Трудные подростки», «Мир! Дружба! Жвачка!», «Жуки», «Красные браслеты», «Кризис нежного возраста», «Молодежка», «Новенький», «Папины дочки», «Пингвин моей мамы», «Пищевлок», «Подслушано», «Сама дура», «Сваты», «Физика или Химия», «Физрук», «Шестнадцать+»). Сериалы отбирались на платформе «Кинопоиск» по рейтингу (~7,1). Именно рейтинг как числовой, порядковый или условный показатель, который отражает оценку различных объектов, а также их ранжирование по каким-либо критериям, стал основой отбора – от сериалов с более высоким рейтингом к сериалам с более низким рейтингом. При этом среднее значение рейтинга всех просмотренных нами сериалов свидетельствует о том, что в список попали сериалы, в наибольшей степени отвечающие запросам современной зрительской аудитории нашей страны.

Мы проанализировали 108 персонажей-подростков. Подчеркнем, что зрительская аудитория сериалов включает не только подростков, но и взрослых – их родителей, а также представителей молодого поколения – будущих родителей, что масштабирует эффекты воздействия образов подростка на социокультурное пространство страны,

систему ценностей, представлений конкретных индивидов и возрастных групп.

Среди категорий анализа – пол персонажа, тип личности (экстраверт/интроверт), увлечения, стиль одежды, отрицательные и положительные черты личности, состав семьи, характер детско-родительских отношений. Отметим, что состав семьи и отношения с родителями как значимыми фигурами оказывают значительное влияние на психологическое благополучие подростков (Муратова, 2020, с. 386), самосохранительное, просоциальное поведение (Кривенцева, 2023). «В семьях неполных и с нарушенными функциями чаще встречаются дети с различными проявлениями девиантного поведения» (Хуснутдинова, 2011, с. 20). Как отмечают исследователи, «постоянная занятость родителей, инфантилизм взрослых и эгоизм приводят к тому, что подросток не имеет образца для подражания (как, например, в романе Н. Хорнби «Мой мальчик» и повести Э. Файн «Мучные младенцы»)» (Желябина и др., 2017, с. 91).

Среди категорий анализа также присутствует место действия телесериала, определяющее социальную среду жизнедеятельности подростка, состояние здоровья как ресурс социального и физического здоровья.

Результаты

Среди исследованных персонажей оказалось 55% юношей-подростков и 45% девушек; 63% экстравертов, ориентированных на социальный мир, и 37% интровертов, характеризующихся стремлением к уединению, серьезностью, выдержанностью, педантичностью, склонностью к депрессии.

По результатам контент-анализа, 45% персонажей-подростков воспитываются в полной семье, но практически столько же (44%) – в неполной, 5% – в приемной, 6% – сироты. Мы проанализировали также типы отношений экранных подростков с родителями. Начнем рассмотрение с единственного типа здоровых отношений – отношений,

² Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

основанных на сотрудничестве. Его можно характеризовать высоким уровнем доверия между ребенком и родителем. В таких отношениях подросток не только получает поддержку со стороны родителей, но и сам готов помочь им в трудной ситуации. К сожалению, такие отношения были показаны реже всего – только у 17% персонажей. Вероятно, современному зрителю такие взаимоотношения не так интересны, как, например, конфликтные.

Диктаторские отношения с родителями встречаются у 18% персонажей. Такие отношения характерны для семей, в которых родители чувствуют господство над ребенком и стремятся подчинить его себе; подросток, как правило, не имеет права голоса и воли на самовыражение; все, что не укладывается в рамки дозволенного, порицается и пресекается. В связи с этим отметим результаты исследования реальных отношений с родителями девиантных подростков, которые «характеризуются большей директивностью, враждебностью и непоследовательностью, чем отношения родителей к подросткам контрольной группы» (Кривенцева, 2023, с. 130). Таким образом, девиантное поведение ребенка и диктаторский стиль отношения родителей к нему находятся в прямой зависимости.

В отношении 28% персонажей фиксируется гиперопека, которая негативно сказывается на подростке. И последний самый частый (37%) тип отношений – невмешательство. Родителей не заботит жизнь подростка, они не стремятся как-то повлиять на него. А подросток, в свою очередь, не настроен делиться своими переживаниями с родителями. Таким образом, экранные образы во многом поддерживают, транслируют проблемы неполных семей, риски девиантного поведения.

В проанализированных нами сериалах чаще всего (43%) сюжеты с персонажами-подростками разворачиваются в школе, которая традиционно занимает важнейшее

место в социализации на данном возрастном этапе (Пронина, Гришаева, 2019). У 16% персонажей местом взаимодействия является улица, у 13% – квартира, по 9% – спортивная школа и деревня. Также выявлено несколько нетипичных мест, например больница (5%) и пионерский лагерь (4%). Так, в известном российском сериале «Красные браслеты» все взаимодействия подростков происходят в больнице, где они проходят лечение. Получается, что подростков показывают не только сильными и здоровыми. По результатам нашего исследования, 67% персонажей здоровы, иногда болеют 22%, все время болеют 6% и 5% – инвалиды. Практически каждый третий персонаж в юном возрасте уже демонстрирует проблемы со здоровьем, соответственно, с реализацией жизненных планов, собственного потенциала.

У персонажей-подростков в сериалах преобладают положительные черты характера: они добрые (69%), отзывчивые (49%), дружелюбные (46%). Но при этом также фиксируется наглость (38%), двуличность (31%), слабыхарактерность, подверженность влиянию (29%), злоба, агрессивность (26%)³. Взаимоотношения с другими героями чаще всего дружеские (82%), любовные (77%), но 36% персонажей проявляют ненависть, неприязнь, 29% – агрессию, 23% вступают в конкурентные отношения; 7% персонажей могут оставаться безучастными⁴.

Самыми популярными увлечениями экранных подростков являются спорт (32%), музыка (18%), киберспорт (16%). Подчеркнем, что принадлежность к «компьютерной субкультуре» (например киберспорту) «не способствует здоровому образу жизни у подростка» (Кремнева, 2021, с. 196). 15% персонажей увлекаются чтением книг, 12% – рисованием, 9% – танцами 6% – рукоделием. Отметим, что у 23% экранных подростков нет увлечений.

Показательным является анализ стиля одежды подростков в популярных сериалах. Так, чаще всего (каждый третий) персонаж

³ Сумма более 100%, т. к. один персонаж может обладать набором черт характера.

⁴ Сумма более 100%, т. к. один персонаж может сталкиваться с различными проявлениями взаимоотношений с окружающими.

демонстрирует стиль оверсайз (кэжуал). Философия данного стиля состоит в выборе одежды просторной, большего размера, что позиционируется как стремление к комфорту, удобству, однако связана также с отрицанием нормативного «прекрасного» тела, индивидуализмом, стремлением к свободе, агендерностью, демонстрацией неприятия ценностей старшего поколения, инфантильностью, стремлением к обособлению, ценности личного пространства (Гильвичюте и др., 2019; Соснина и др., 2019). «Мешковатая недемонстративная одежда демонстрировала нежелание участвовать в карьерной гонке, равнодушие к социальным статусам, недоверие, презрение и враждебность по отношению к обществу и сосредоточенность на своем внутреннем мире и творчестве» (Соснина и др., 2019). На наш взгляд, «ловушка» этого стиля в том, что люди, носящие вещи большего размера, могут не задумываться о необходимости следить за физическими параметрами своего тела, не предполагается спортивный образ жизни. Кроме того, размываются гендерные различия, что приводит к дезориентации гендерной самоидентификации, которая является одним из базовых компонентов идентификации личности (Ильдарханова, Калачикова 2019).

Спортивного стиля в одежде (футболки, майки, толстовки и т. п.) придерживаются 18% персонажей (напомним, у 16% экранных персонажей увлечением является спорт). 15% девушек-подростков на экране представлены в стиле софт. Это девичий стиль мягких, милых образов в белых и розовых тонах: теннисные юбочки, кофточки и носочки. 8% персонажей следуют классическому стилю, характеризующемуся сдержанностью и лаконичностью, высоким качеством ткани и пошива, требующему внутренней дисциплины. Также 8% экранных подростков демонстрируют стиль альт черный с преобладанием черного, но с использованием яркого, даже броского, макияжа и милой детали в образе (например, брошь-котенок, кулон в виде яркого сердца, бабочки и т. п.). У 6% персонажей прослеживается стиль индикид (от англ. «independent» – «не-

зависимый») с акцентированием самовыражения и творческой независимости посредством кастомной, персонализированной одежды ярких, кислотных тонов. 4% персонажей придерживаются стиля гранж, основная идея которого – бунт против гламура и изысков в моде через преобладание темного цвета в одежде, воплощающегося в джинсах с завышенной талией, футболках, кедах. В целом одежда отражает различные маркетинговые идеологии, основанные на знании особенностей психологии и покупательной способности подростков. Разнообразие стилей одежды для подростков может свидетельствовать о том, что в обществе потребления маркетолог знает о подростке, его потребностях, мотивации, проблемах больше, чем отстраненный родитель и равнодушный учитель.

Заключение

В мире постмодерна ориентиры будущего у подростка зачастую сопрягаются с кризисом, акцентирующим биологические аспекты гормонального созревания, болезненное вхождение в несовершеннолетний, несправедливый, зачастую жестокий и опасный социальный мир взрослых, по сути, еще детской души, которая не утратила свою целостность и наивность и помнит об этом.

Продукты визуальной массовой культуры, которыми являются сериалы, не только развлечение для зрителей, но и своеобразное зеркало социального мира. При этом степень их воздействия на личностное становление/деградацию подростка настолько значительна, что образы (изображения в зеркале) транслируются в реальный мир, задают ориентиры будущего как источники далеко не всегда адекватного социального опыта. Так, по результатам нашего исследования, менее половины экранных подростков воспитываются в полных семьях, и только у каждого пятого-шестого персонажа наблюдаются доверительные отношения с родителями. Это проявляет и усиливает кризис семейных отношений, значимость родителей как важнейших агентов социализации, формирования

личности. Для персонажей-подростков школа не является преобладающей социальной средой. Таким образом, может девальвироваться значимость учебной деятельности как фундамента формирования личности, субъекта социального развития. Каждый третий подросток имеет проблемы со здоровьем. У персонажей преобладают положительные качества, отношения со сверстниками – дружеские, доброжелательные. Но также велика доля демонстрируемых отрицательных качеств и отношений агрессии, соперничества. Это отражает неустойчивость комплекса морально-нравственных качеств, составляющих стержень личности. Базовые статусные позиции подростка, связанные с формированием се-

мейной идентичности, непопулярностью образа прилежного ученика, подменяются симулякрами идентичностей в разнообразии стилей одежды. Ориентирами будущего у подростка, таким образом, могут стать одиночество, социальное, физическое и психическое нездоровье (Мельников, Станько, 2005; Дубинина, 2021; Егорова, Шишкина, 2021).

На наш взгляд, ориентиры будущего подростков в телесериальной продукции требуют скорейшей корректировки на основе традиционных представлений о семье, в которой мама и папа ближе, чем маркетолог. В условиях глобальных трансформаций требуется воспитание личности, здорового телом и душой, крепкого духом субъекта общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамян Л.Л. (2022). Мэри Левов как образ бунтующего американского подростка в романе Филипа Фота «Американская пастораль» // Вестник РАУ. № 2. С. 199–216.
- Аникина М.А., Туранова Л.М., Дядькин Г.В., Сяглова А.М. (2019). Интерес подростков к просмотру телевизионных сериалов как психолого-педагогическая проблема // Глобальный научный потенциал. № 12 (105). С. 62–66.
- Артемьева Е.А. (2013). Образ подростка-беспризорника в отечественной кинодраматургии 1920–1980-х годов // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 3. С. 82–86.
- Бойко С.В., Магомедова А.М. (2013). Общество потребления в России и тенденции развития российского социума // Современные проблемы науки и образования. № 2. С. 457.
- Гильвичюте Я.Д., Зарипова Р.А., Игнатова П.С. (2019). Стиль «оверсайз» в молодежной моде // Международный академический вестник. № 6 (38). С. 16–18.
- Головина М.С. (2011). Формирование личности подростка: шаги к становлению морального сознания // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. № 21-1. С. 49–54.
- Горин Д.Г. (2016). Хронополитический анализ трансформации идеологического сознания // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 11. № 5. С. 129–135.
- Дубинина В.В. (2021). Оценка распространенности панических атак у подростков // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза. С. 281–283.
- Дулевич К.А. (2023). Страшно весело: образ подростка-оборотня в романе К. Функе «Маленький оборотень» // Языковая личность и перевод: мат-лы VII Междунар. науч.-образов. форума молодых переводчиков им. Д.О. Половцева / редкол.: С.В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. Минск. С. 106–108.
- Егорова О.С., Шишкина Ю.М. (2021). Панические атаки и обострение одиночества – болезни нашего века // Вопросы науки и образования. № 13 (138). С. 65–68.
- Ермолова Е.О. (2022). Образ тела и психологические границы личности современного подростка // Развитие человека в современном мире. № 2. С. 27–41.
- Желябина А.Г., Иголина С.В., Павлова Т.Л. (2017). Образ подростка в современной британской литературе (на примере произведений Н. Хорнби «Мой мальчик» и Э. Файн «Мучные младенцы») // Казанская наука. № 5. С. 89–91.
- Журчева Т. (2018). Настоящее без будущего. Образ ребенка/подростка в новейшей русской драматургии как индикатор состояния современного общества // Современная драматургия. № 3. С. 197–200.

- Ильдарханова Ч.И., Калачикова О.Н. (2019). Концептуализация понятия «генеративное поведение мужчин»: методологические возможности гендерного подхода // Казанский экономический вестник. № 5 (43). С. 77–84.
- Козлова В.В., Лазаренко В.П., Славинская А.Н. (2022). Образ подростка в русской литературе XVIII и XIX веков // Комплексные исследования детства. Т. 4. № 2. С. 94–103.
- Корнеев С.С. (2011). Гуманистическая парадигма высшего образования // Сибирский педагогический журнал. № 7. С. 26–37.
- Кремнева В.Н. (2021). Тип (образ) жизни подростка как фактор или антифактор здоровья // Вопросы педагогики. № 12-1. С. 196–199.
- Кривенцева С.М. (2023). Образ родителя в сознании девиантного подростка // Международный журнал медицины и психологии. Т. 6. № 7. С. 129–134.
- Лушникова Г.И., Куракова И.А. (2019). Образ лидера-подростка в психологическом триллере «Тайная история» Донны Тартт // Филология: научные исследования. № 2. С. 83–95. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29553
- Мельников А.Н., Станько Э.П. (2005). Панические атаки у детей и подростков // Журнал Гродненского гос. мед. ун-та. № 3 (11). С. 33–35.
- Мескин В.А., Золотухина А.В. (2018). Образ подростка в повестях Ч. Айтматова 1970-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. Т. 23. № 1. С. 59–65.
- Муратова Д.Я. (2020). Образ родителей как фактор психологического благополучия подростка // Инновации. Наука. Образование. № 11. С. 384–388.
- Онал И.О. (2024). Медиаобраз короля Великобритании Карла III в политической карикатуре // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Вып. 4 (64). С. 94–106.
- Осташева Е.И. (2014). Проблема формирования личности подростка в условиях современной образовательной среды // Безопасность образовательной среды: создание и внедрение психолого-педагогических технологий сопровождения: мат-лы Всерос. заочн. научно-практ. конф. с междунар. участием / под ред. И.А. Баевой, О.В. Вихристюк, Л.А. Гаязовой. Москва: Московский гос. психол.-пед. ун-т. С. 13–16.
- Перепелкина Л.П. (2020). Образ подростка-читателя в рассказе Д. Рубиной «Астральный полет души на уроке физики» // Буслаевские чтения: сб. науч. статей по мат-лам VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пенза. С. 104–111.
- Першина Г.Я., Крыжановская Т.В. (2018). Образ подростка в русской литературе разных десятилетий (1970–2010-х гг.) // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.В. Беспаловой. С. 8–9.
- Петров И.В. (2015). «Война вошла в мальчишество мое...»: образ подростка в поэзии 1950–1960-х годов // Филологический класс. № 1 (39). С. 18–23.
- Полибенцева А.В. (2015). Образ героя-подростка в западных научно-фантастических и фэнтези-фильмах 21 века // Молодой ученый. № 13 (93). С. 766–770.
- Пронина Е.И., Гришаева Н.П. (2019). Школа и ее роль в социализации старшеклассников в условиях модернизации системы образования // Primo Aspectu. № 2 (38). С. 21–27.
- Протасов С.Ю. (2020). Обезличивание субъекта в философии постмодернизма // Актуальные научные исследования в современном мире. № 10-6 (66). С. 120–124.
- Салистая Г.С. (2019). Раннее освоение взрослых ролей российскими подростками // Primo Aspectu. № 3 (39). С. 72–78.
- Сампиева М.Т., Долгиева (2017). Образ подростка-бунтаря в романе Захара Прилепина «Санька» // Инновационные подходы в современной науке: сб. статей по мат-лам XII Междунар. науч.-практ. конф. С. 112–117.
- Соколов Ф.К. (2024). Тенденции образования и воспитания в кинематографе («школьное кино» 1990–2024 гг.) // Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии: сб. статей III Всерос. науч.-практ. конф. Пенза: Пензенский гос. аграрн. ун-т. С. 128–131.
- Соснина Н.О., Герасимова Ю.Л., Толмачева П.А. (2019). Концепция оверсайз в моде // Костюмология. Т. 4. № 4. С. 5.

- Спутницкая Н.Ю. (2019). Телесериалы США о школе 2000–2010-х годов: интеграция фольклорномифологической компоненты // Театр. Живопись. Кино. Музыка. № 1. С. 100–109.
- Спутницкая Н.Ю., Казючиц М.Ф. (2022). Американские телесериалы для молодежи в системе экранных искусств: историческая рецепция и современность // Вестник Академии медиаиндустрии. № 2 (30). С. 116–129.
- Хлыщева Е.В. (2021). Метамодерн как новое мировидение: синтез массового и элитарного // Вопросы элитологии. Т. 2. № 2. С. 10–21.
- Хуснутдинова З.А. (2011). Семья и образ жизни подростка // Вестник НЦБЖД. № 3 (9). С. 20–23.
- Чельшев П.В. (2016). «Неклассическая модель грехопадения» или обезличивание личности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 5-1. С. 143–144.
- Шабанов Л.В. (2015). Конфликт «Немо»: обезличивание как проблема социализации личности в поликультурном обществе // Вестник Кемеровского гос. ун-та. № 3-3 (63). С. 59–62.
- Шумков Д.В. (2012). Визуальный образ молодежи на телевидении (контент-анализ сериалов ведущих российских каналов) // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Педагогика, психология. № 1 (8). С. 329–332.
- Rusaków S. (2015). Modern Television Series as a Phenomenon of Popular Culture. *Studia warmińskie*, 52, 85–94.
- Tirasawasdichai T., Obrenovic B., Alsharif H. H.Z. (2022). The impact of TV series consumption on cultural knowledge: An empirical study based on gratification-cultivation theory. *Front. Psychol.*, 13, 1061850. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1061850
- Tomoiağă L. (2019). *Television Series as Mirrors of Contemporary Life*.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, доцент, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: k474671@list.ru)

Ирина Алексеевна Аванесова – социолог, Фонд поддержки образования «Ноосфера» (Российская Федерация, 123242, г. Москва, ул. Зоологическая, д. 22; e-mail: avanesova_2003@mail.ru)

Анастасия Александровна Аристова – менеджер по маркетингу, ООО «Альтернативные технологические решения» (Российская Федерация, 117461, г. Москва, ул. Каховка, д. 18; e-mail: aristova2905@gmail.com)

Kargapolova E.V., Avanesova I.A., Aristova A.A.

FORMATION OF TEENAGER'S IMAGE IN MODERN RUSSIAN TV SERIES: GUIDELINES FOR THE FUTURE

In the modern world, the search for future reference points as a way of encoding and experiencing time, a fundamental factor that largely determines the development of the individual, social and national-state systems, is being actualized. This is especially true for the reference points of socio-demographic groups that determine the future, such as adolescents. In postmodernist, often past-oriented social systems, the social status of adolescence is usually associated with a crisis of hormonal maturation, entering the imperfect, unjust world of adults, which gives instability to the emerging

personality. At the same time, products of visual culture, especially such as TV series, can have a significant impact on the formation/degradation of an adolescent's personality. The aim of this study is to analyze the image of a teenager in popular Russian TV series in the context of the guidelines for the future of an emerging personality. The method of research is content analysis. The paper shows that less than half of the characters of TV series are brought up in complete families, and only every fifth-sixth screen teenager develops trusting relationships with parents. This manifests and intensifies the crisis of family relations. School is most often broadcast in TV series, but is not the prevailing social environment of adolescents' activities. This reflects the degree of devaluation of the importance of learning activities as the foundation of personality formation. The article reveals that every third screen teenager has health problems. The combination of a significant proportion of both positive and negative qualities in screen teenagers reflects the instability of the core of personality – the system of moral and ethical norms. The basic status positions of a teenager (I am a family member; I am a diligent student) are replaced by simulacra of consumer identities associated with a variety of clothing styles. In our opinion, it is necessary to correct the image of the screen teenager as soon as possible on the basis of future reference points determined by the traditional system of values, in which parents, family, teacher, school are closer than the marketer, and form the Personality as a subject of social development, bring up a happy, harmonious person, healthy in body, kind in soul and strong in spirit.

Adolescents, identity formation, mass culture, TV series, visual image, teenage image.

REFERENCES

- Adamyan L.L. (2022). Mary Levov as a character of a rebellious American teenager in Philip Roth's novel "American Pastoral". *Vestnik RAU=Vestnik of Russian-Armenian University*, 2, 199–216 (in Russian).
- Anikina M.A., Turanova L.M., Dyad'kin G.V., Syaglova A.M. (2019). Teenagers' interest in watching television series as a psychological and pedagogical problem. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, 12(105), 62–66 (in Russian).
- Artem'eva E.A. (2013). The image of a homeless teenager in the Russian film drama of the 1920s–1980s. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*, 3, 82–86 (in Russian).
- Boiko S.V., Magomedova A.M. (2013). Consumer society in Russia and trends in the development of Russian society. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2, 457 (in Russian).
- Chelyshev P.V. (2016). "Non-classical model of sinfulness" or depersonalization of the individual. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 5-1, 143–144 (in Russian).
- Dubinina V.V. (2021). Assessment of the prevalence of panic attacks in adolescents. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. statei XVIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Modern Scientific Research: Topical Issues, Achievements and Innovations: Collection of Articles of 18th International Scientific-Practical Conference]*. Penza (in Russian).
- Dulevich K.A. (2023). Scary fun: The image of a teenage werewolf in K. Funke's novel "The Little Werewolf". In: *Yazykovaya lichnost' i perevod: mat-ly VII Mezhdunar. nauch.-obrazov. foruma molodykh perevodchikov im. D.O. Polovtseva [Linguistic Personality and Translation: Proceedings of the 7th International Scientific and Educational Forum of Young Translators named after D.O. Polovtsev]*. Minsk (in Russian).
- Egorova O.S., Shishkina Yu.M. (2021). Panic attacks and worsening loneliness are the diseases of our age. *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 13(138), 65–68 (in Russian).
- Ermolova E.O. (2022). Body image and psychological boundaries of personality of modern adolescents. *Razvitiye cheloveka v sovremennom mire*, 2, 27–41 (in Russian).
- Gil'vichyute Ya.D., Zaripova R.A., Ignatova P.S. (2019). Oversize style in youth fashion. *Mezhdunarodnyi akademicheskii vestnik*, 6(38), 16–18 (in Russian).
- Golovina M.S. (2011). Adolescent personality formation: Steps toward moral consciousness. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, 21-1, 49–54 (in Russian).
- Gorin D.G. (2016). Chronopolitical analysis of the transformation of ideological consciousness. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 11(5), 129–135 (in Russian).

- Khlyshcheva E.V. (2021). Metamodern as a new worldview: Synthesis of the mass and elite. *Voprosy elitologii*, 2(2), 10–21 (in Russian).
- Khusnutdinova Z.A. (2011). The family and the teenager's lifestyle. *Vestnik NTsBZhD*, 3(9), 20–23 (in Russian).
- Korneenkov S.S. (2011). The humanistic paradigm of higher education. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 7, 26–37 (in Russian).
- Kozlova V.V., Lazarenko V.P., Slavinskaya A.N. (2022). The image of a teenager in the 18th–19th century Russian fiction. *Kompleksnye issledovaniya detstva=Comprehensive Child Studies*, 4(2), 94–103 (in Russian).
- Kremneva V.N. (2021). Adolescent life type (lifestyle) as a health factor or antifactor. *Voprosy pedagogiki*, 12-1, 196–199 (in Russian).
- Kriventseva S.M. (2023). The image of a parent in the consciousness of a deviant teenager. *Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii*, 6(7), 129–134 (in Russian).
- Lushnikova G.I., Kurakova I.A. (2019). The image of the teenage leader in the psychological thriller “The Secret History” by Donna Tartt. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2, 83–95. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29553 (in Russian).
- Mel'nikov A.N., Stan'ko E.P. (2005). Panic attacks in children and adolescents. *Zhurnal Grodnenskogo gos. med. un-ta*, 3(11), 33–35 (in Russian).
- Meskin V.A., Zolotukhina A.V. (2018). The image of a teenager in Ch. Aitmatov's novels of the 1970s. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 23(1), 59–65 (in Russian).
- Muratova D.Ya. (2020). Parents' image as a factor of adolescent psychological well-being. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 11, 384–388 (in Russian).
- Onal I.O. (2024). Media image of King Charles III of Great Britain in political caricature. *Sovremennye lingvisticcheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, 4(64), 94–106 (in Russian).
- Ostasheva E.I. (2014). The problem of teenager's personality formation in the conditions of modern educational environment. In: *Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy: sozdanie i vnedrenie psikhologo-pedagogicheskikh tekhnologii soprovozhdeniya: mat-ly Vseros. zaochn. nauchno-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Safety of Educational Environment: Creation and Implementation of psychological and Pedagogical Technologies of Support: Proceedings of the All-Russian Extramural Scientific and Practical Conference with International Participation]. Moscow: Moskovskii gos. psikhol.-ped. un-t (in Russian).
- Perepelkina L.P. (2020). The image of a teenage reader in D. Rubina's story “Astral Flight of the Soul in a Physics Lesson”. In: *Buslaevskie chteniya: sb. nauch. statei po mat-lam VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Buslaev Readings: Collection of Scientific Articles on the Mat-les of VIII All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation]. Penza (in Russian).
- Pershina G.Ya., Kryzhanovskaya T.V. (2018). The image of a teenager in Russian literature of different decades (1970–2010s). In: *Razvitie intellektual'no-tvorcheskogo potentsiala molodezhi: iz proshlogo v sovremennost': mat-ly I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Development of Intellectual and Creative Potential of Youth: From the Past to the Present: Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference] (in Russian).
- Petrov I.V. (2015). “The war has entered my boyhood...”: The image of the teenager in the poetry of the 1950s–1960s. *Filologicheskii klass*, 1(39), 18–23 (in Russian).
- Polibentseva A.V. (2015). The image of the adolescent hero in 21st century Western science fiction and fantasy films. *Molodoi uchenyi*, 13(93), 766–770 (in Russian).
- Pronina E.I., Grishaeva N.P. (2019). School and its role in the socialization of high school students in the context of modernization of the education system. *Primo Aspectu*, 2(38), 21–27 (in Russian).
- Protasov S.Yu. (2020). The depersonalization of the subject in the philosophy of postmodernism. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennoy mire*, 10-6(66), 120–124 (in Russian).
- Rusaków S. (2015). Modern television series as a phenomenon of popular culture. *Studia warmińskie*, 52, 85–94.
- Salistaya G.S. (2019). Early adoption of adult roles by Russian adolescents. *Primo Aspectu*, 3(39), 72–78 (in Russian).
- Sampieva M.T., Dolgieva (2017). The image of a teenage rebel in Zakhar Prilepin's novel “Sankya”. In: *Innovatsionnye podkhody v sovremennoy nauke: sb. statei po mat-lam XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative Approaches in Modern Science: Collection of Articles on the Mat-les of the 12th International Scientific and Practical Conference] (in Russian).

- Shabanov L.V. (2015). The Nemo Conflict: Depersonalization as a problem of personal socialization in multi-cultural society. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta*, 3-3(63), 59–62 (in Russian).
- Shumkov D.V. (2012). Visual image of youth on television (content analysis of serials of leading Russian channels). *Vektor nauki Tol'yattinskogo gos. un-ta. Ser.: Pedagogika, psikhologiya*, 1(8), 329–332 (in Russian).
- Sokolov F.K. (2024). Trends in education and education in cinema (“school cinema” 1990–2024). In: *Aktual'nye problemy lingvistiki, yazykoznaniya, psikhologii: sb. statei III Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of Linguistics, Psychology: Collection of Articles of the 3rd All-Russian Scientific-Practical Conference]. Penza: Penzenskii gos. agrarn. un-t (in Russian).
- Sosnina N.O., Gerasimova Yu.L., Tolmacheva P.A. (2019). Oversize concept in fashion. *Kostyumologiya*, 4(4), 5 (in Russian).
- Sputnitskaya N.Yu. (2019). U.S. television series about school 2000–2010s: Integrating folkloric and mythological components. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, 1, 100–109 (in Russian).
- Sputnitskaya N.Yu., Kazyuchits M.F. (2022). American television series for young people in the system of screen arts: Historical reception and modernity. *Vestnik Akademii mediaindustrii*, 2(30), 116–129 (in Russian).
- Tirasawasdichai T., Obrenovic B., Alsharif H. H.Z. (2022). The impact of TV series consumption on cultural knowledge: An empirical study based on gratification-cultivation theory. *Front. Psychol.*, 13, 1061850. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1061850
- Tomoiagă L. (2019). *Television Series as Mirrors of Contemporary Life*.
- Zhelyabina A.G., Igonina S.V., Pavlova T.L. (2017). The image of a teenager in modern British literature (on the example of N. Hornby's “My Boy” and E. Fine's “Flour Babies”). *Kazanskaya nauka*, 5, 89–91 (in Russian).
- Zhurcheva T. (2018). The present without the future. The image of a child/adolescent in the latest Russian drama as an indicator of the state of modern society. *Sovremennaya dramaturgiya*, 3, 197–200 (in Russian).
- Ildarkhanova Ch.I., Kalachikova O.N. (2019). Conceptualizing male generative behavior: Methodological possibilities of gender approach. *Kazanskii ekonomicheskii vestnik*, 5(43), 77–84 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: k474671@list.ru)

Irina A. Avanesova – sociologist, Noosphere Education Support Foundation (22, Zoologicheskaya Street, Moscow, 123242, Russian Federation; e-mail: avanesova_2003@mail.ru)

Anastasiya A. Aristova – marketing manager, OOO “Alternative Technological Solutions:” (18, Kakhovka Street, Moscow, 117461, Russian Federation; e-mail: aristova2905@gmail.com)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.6

УДК 316.4 | ББК 60.524.1

© Головачева Е.В.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРИЕВНА ГОЛОВACHEВА

Донецкая академия управления и государственной службы

Донецк, Российская Федерация

e-mail: kateryne.holovacheva@gmail.com

ORCID: [0009-0005-2259-2873](https://orcid.org/0009-0005-2259-2873) ResearcherID: [MCY-6307-2025](https://publons.com/urn:li:member:MCY-6307-2025)

В работе рассматриваются последствия развития социальной травмы. В современных условиях травматические события начинают играть значительную роль, выходя за рамки социальной памяти и встраиваясь в социальные, культурные и политические процессы. Относительно социальной травмы формируются различные исследовательские подходы, которые акцентируют внимание на объективной или конструктивистской природе, используют понятия социальной, культурной, коллективной или политической травмы (при этом имеющие схожие значения), а также распространяют понятие на индивидуальный, групповой уровень или уровень общества в целом. Последствия социальной травмы могут выражаться в различных аспектах: межпоколенческой передаче травматических воспоминаний, потере идентичности, повышении тревожности, дезадаптации и т. д. Общество травмы – наиболее разрушительное продолжение социальной травмы, влияющее на социальное самочувствие, идентичность, социальную память, процессы и институты внутри существующей системы отношений. Оно формируется как результат управленческой дезорганизации, усиления позиции травмы и встраивания ее в социальную систему и общественные процессы, которые конструируют измененную позицию травматических событий в системе социальных отношений. В результате травма выступает основой переустройства социальной системы. Она встраивается в различные сферы общества, социальная травма становится объективной и материальной, закрепляется ее положение. В статье определены причины становления обществ травмы, специфика их функционирования и последствия существования. В дальнейшем возможно рассмотреть конкретные примеры обществ травмы, специфику их становления и функционирования, а также провести детальное исследование работы социальных систем и общественных отношений внутри общества травмы.

Социальная травма, общество травмы, последствия травмы, социальная память, травматические события, современные общества, социальная структура.

Введение

В обществе происходит множество событий, имеющих различную природу и значение. События в данном контексте рассматриваются как законченные смысловые акты и действия, которые регистрируются в социуме постфактум. Определяет их значение наблюдатель или участник, интерпретирующий происходящее с учетом субъективного опыта, социального контекста, конкретной ситуации и т. д. Социальная реальность – череда событий, которые формируют и закрепляют социальный порядок, а также провоцируют его изменения. При этом влияние событий не линейно – нет точно определенной последовательности, которая определяла бы формирование реальности. Множество событий влияет на прошлое, настоящее и будущее, встраиваясь в социальную память участников, обуславливая их решения в различные моменты времени и определяя реальность.

Роль наблюдателя социального события заключается не только в фиксации, но и в интерпретации: с чем связано событие, какие чувства или процессы оно вызывает, к чему может привести. Социальная травма – шокирующее и драматическое событие, характеризующееся разрывом реальности. Его основой является потрясение в социальной реальности, которое приводит к всплеску эмоций и трудностям понимания происходящих процессов. В данном случае наблюдатель сталкивается с трудно объяснимыми и значимыми происшествиями, которые ведут к изменениям социальной реальности или ее понимания. При этом важное значение имеют интерпретация и возможности обсуждения травмы, а также то, как она развивается. Вопросы, какое место занимают в обществе травматические события, как они влияют на его развитие и как ими управлять, изучаются в рамках теорий социальной травмы и памяти.

В целом изучение социальной травмы как направления зародилось в конце XX века. Изменения в обществе, связанные с развитием технологий и информатизацией, рефлексией и политизацией прошлого (Калинин, 2021), изменением характера пу-

бличности (Хабермас, 2016), привели к тому, что значение травмы и усилия по работе с травматическим прошлым возрастают. При этом область исследования является проблематичной: начиная с характеристики и значения социальной травмы, ее связи с другими понятиями и направлениями, заканчивая развитием социальной травмы и ее последствиями, в том числе становлением общества травмы.

Травма как концепт в социальных науках впервые возникла в работах Дж. Александера (Александр, 2012), затем ее изучение было продолжено П. Штомпкой (Штомпка, 2001), Н. Смелзером (Smelser, 2004) и Р. Айерманом (Айерман, 2013). Несмотря на схожесть концепций, травма в работах исследователей может различаться по следующим основаниям: быть культурной, социальной, исторической, политической (при этом разделение может носить условный характер, подразумевая одинаковые свойства, или сужать травму до какой-либо необходимой автору сферы жизни общества); носить конструктивистский характер (Александр, 2012) или основываться на реальных событиях прошлого, ставших травматическими (Штомпка, 2001). Определения также варьировались и наполнялись различными характеристиками, акцент смещался со свойств травмы на возможные субъективные интерпретации. Травма может рассматриваться на индивидуальном (при этом важно, чтобы она оставалась массовым явлением, а не индивидуальным биографическим эпизодом) уровне воздействия, коллективном или распространяться на все общество. Первые два варианта исследования травмы более распространены, включая интервью с очевидцами и биографический анализ (Chaitin, 2014; Chaitin, Steinberg, 2014; Luyten et al., 2020), этнические или расовые исследования (Баранова, Донцов, 2019; Smith et al., 2006).

Необходимо отметить, что социальная травма и ее последствия как объекты изучения формируют междисциплинарное поле исследования, поскольку их специфика подразумевает взаимодействие множества направлений и наук. Вследствие этого воз-

никают трудности и вопросы, связанные с необходимостью отделения социальной травмы от психологической (в том числе уместность заимствования понятий из психологии в социальных науках), обоснованием роли социальной травмы в историческом процессе, места в памяти общества. На основании этого разрабатываются направления изучения травмы в связи с другими социальными явлениями (Федосова, 2019; Шнирельман, 2021) или проводится разграничение существующих понятий. Так, отличием социальной травмы от психологической, в зависимости от авторских трактовок, может выступать конструируемая природа социальной травмы (Smelser, 2004), значимость социального контекста и отчуждения (Куфтяк, 2018) или симбиоз социального контекста и ответной реакции множества акторов на произошедшее травмирующее событие (Штомпка, 2001).

Вопрос о распространении и влиянии травмы действительно актуален. В работах изучается влияние травматических явлений на межпоколенческое взаимодействие. То есть социальная травма имеет значение не только для участников событий, но и для их потомков (Chaitin, Steinberg, 2014). Были изучены уровень стресса от травмы и его влияние на повседневную жизнь. Доказано, что уровень стресса при социальной травме равен уровню стресса при военных действиях (Smith et al., 2011). Также травма влияет на идентичность и политический выбор (Chaitin, 2014; Симонян, 2019). Следуя из этого, травма предстает не столько единичным и частным видом событий, сколько имеет значение для общественных процессов в целом. В связи с этим открытым остается вопрос, как развивается социальная травма и каковы последствия ее влияния на общество.

При этом рассмотрение травмы на уровне социума не является уникальным. В работах П. Штомпки (Штомпка, 2001), Н. Смелзера (Smelser, 2004), Г. Хиршбергера (Hirschberger, 2018) авторы делают акцент на массовом негативном эффекте от травматических событий, а также выделяют значимость данных процессов для всего общества. Однако

в исследованиях не обозначено дальнейшее развитие общества, погруженного в травматические процессы. Кроме того, академиком Ж.Т. Тощенко разработана концепция общества травмы (Тощенко, 2020), в рамках которой рассматривается погружение в кризисное состояние не отдельной группы людей, а общества в целом. При этом делается акцент на управленческой дезорганизации государства/общества и его кризисном состоянии, а не отдельной травме и ее влиянии на систему. Травма рассматривается как нечто само собой разумеющееся в кризисной системе без меняющихся смыслов и объективности.

Исходя из этого, цель работы заключается в определении влияния социальной травмы на общество и выявлении специфики становления общества травмы как продолжения социальной травмы. Исследование будет направлено на рассмотрение последствий развития социальной травмы в обществе с учетом ее природы и свойств.

Научную новизну исследования составляет определение последствий социальной травмы в виде теоретической модели общества травмы: особенностей его становления и функционирования, последствий развития в контексте социальной травмы.

Понятие социальной травмы

Важно отметить, как понимается социальная травма в работе. Прежде всего, понятие травмы носит конструктивистский характер. Согласно Дж. Александру, событие, ставшее причиной травмы, вторично, поэтому не каждое событие становится социальной травмой (Александр, 2012). При этом событие должно быть реальным, соотноситься с социальным контекстом и характеризоваться эмоциональностью. Согласно П. Штомпке, события, связанные с массовыми смертями, имеют больший травматический потенциал (Штомпка, 2001). Однако становление социальной травмы невозможно без обсуждений и интерпретации. Таким образом, социальная травма представляет собой взаимодействие двух составляющих: шокирующего/драматического события,

чаще всего связанного с массовой гибелью людей, и способов обсуждения, интерпретации и мифологизации данного события.

Шокирующее событие должно быть встроено в социальную повестку, иметь массовый характер, а также различные варианты развития. Обсуждение может быть инициировано средствами массовой информации, государственными органами или заинтересованными в распространении травмы субъектами. Социальная травма в процессе становления обрастает смыслами, версиями, которые меняются в зависимости от восприятия, характеристик и роли самих участников события. В процессе обсуждения травма может стать причиной многочисленных дискуссий, участие в которых принимают различные субъекты общества. Результатом дискуссий становится версия или канон, который используется для дальнейших интерпретаций и встраивается в память (Костров, 2020).

Важной особенностью социальной травмы является то, что она встраивается в социальные отношения и помогает формировать понимание себя и мира вокруг. Представление о себе может зависеть от того, насколько индивид принимает или не принимает сложившиеся вокруг группы конструкты. Он может поддерживать или отрицать сложившиеся нарративы, а также встраивать их в свою идентичность (Chaitin, 2014). Вследствие этого члены группы, которые не были прямыми свидетелями социальной травмы, испытывают ее влияние и значимость (Chaitin, 2014).

Социальная травма не соотносится с отдельными индивидами. Она всегда встроена в социальный контекст. Совместные переживания могут ощущать отдельные социальные группы или все члены общества. В связи с этим социальная травма может по-разному проявляться на различных уровнях. На индивидуальном уровне последствия социальной травмы могут отражаться на ментальном здоровье, уровне доверия и тревожности, а на коллективном она становится частью социальной памяти и встраивается в культуру и восприятие индивидов, порождая конфликты и изменения в социальной

структуре. К числу основных последствий социальной травмы относятся:

– проблемы доверия: люди, пережившие социальную травму, могут испытывать проблемы с доверием, что проявляется в трудностях формирования отношений, постоянной готовности к угрозе или предательству; в контексте всего общества может формироваться недоверие к государству и его охраняющей функции, а также к другим группам;

– социальная изоляция: травматический опыт может привести к отказу от социального взаимодействия; люди могут изолироваться от других членов общества, чтобы защитить себя от возможного вреда, что приводит к ограничению сети социальной поддержки и чувству одиночества; также это явление получает развитие в социальных медиа, где кроме чувства изолированности могут появляться негативные реакции от взаимодействия и обсуждения; социальная изоляция проявляется и у детей, переживших миграцию как вид травматического опыта (Куфтяк, 2018);

– трудности в формировании или поддержании отношений: социальная травма может нарушить способность человека эффективно общаться, сопереживать другим людям и устанавливать доверительные отношения, что затрудняет формирование полноценной привязанности; кроме того, члены группы могут воспринимать другие группы как объекты или преграды для своей деятельности, применяя жесткие и негуманные методы устранения.

На уровне социальной группы из-за социальной травмы могут меняться границы восприятия «свои – чужие», выделяться особенности группы, формироваться чувство принадлежности. Также социальные травмы, формирующиеся в результате конфликтов и боевых действий, воссоздают роли «победителей» и «побежденных», которые определяют понимание конфликта и дальнейшее развитие социальной травмы (Hirschberger, 2018). Одну из решающих ролей играет внешнее влияние агентов, не принимающих участия в конфликте. Их поддержка может стать стимулом для развития и конфликта, и социальной травмы.

Формирование общества травмы

Другой стороной развития социальной травмы становится ее распространение на уровень всего общества. Необходимо отметить, что не каждое общество становится обществом травмы. В исторической перспективе можно выделить множество травматических, шокирующих событий, связанных со смертью, насилием или другими событиями, которые не стали основой для формирования вокруг них кризисных изменений. Например, Великая Отечественная война для российского общества стала центром солидаризации и восхваления прошлого, способом осмысления настоящего и будущего. Несмотря на большие потери и масштабные разрушения, общество продолжило восстанавливаться и развиваться. Вследствие этого возникает необходимость определить, какие социальные составляющие влияют на формирование общества травмы. Сделать это возможно, аналитически разложив формирование общества травмы на компоненты. Необходимо отметить, что социальная травма динамична и зависит от наблюдателя, поэтому следует учитывать ее влияние не только на систему, но и на членов общества.

Первой и основной составляющей в исследованиях травмы становится социальное событие. Как отмечалось ранее, само по себе оно не является причиной травмы, а выступает лишь ее предшественником. В связи с этим необходимо выделить специфику события, которое формирует общество травмы.

1. Прежде всего, социальная травма связана только с шокирующими аспектами жизни. Она разрушает привычный уклад жизни, рутинные действия перестают быть значимыми, а последствия кажутся чем-то невообразимым, выходящим за рамки понимания. Например, массовая гибель людей или антропогенный характер катастроф порождают шок и неверие. Социальная травма порождает негативные эмоции и переживания (Симонян, 2019), влияющие на тревожность, возрастание уровня стресса, что может быть исследовано в рамках всего общества (Subica, Link, 2021).

2. Формирование общества травмы связано с масштабными травматическими событиями, которые распространяются на всех членов общества или значительную его часть. Такие события, как войны, революции, кризисы, становятся частью мифологизации и обсуждения из-за своей всеобщей природы. Для современных обществ характерен увеличивающийся масштаб разрушений, связанный с достижениями научного и технологического прогресса, а также с последствиями глобализации. Другой вариант развития наблюдается, когда травматическое событие становится значимым для всего общества через конструирование. С учетом ценностей, эмоций и проблем, существующих в обществе, травматические события прошлого могут использоваться в политическом или другом контексте. В результате травма может воссоздаваться, реконструироваться и получает иное значение вне ранее упомянутого канона.

3. Социальная травма предполагает обсуждение, переживание и мифологизацию (Штомпка, 2001), то есть событие не должно остаться незамеченным в социальных медиа, СМИ и среди других участников. Более того, событие накладывает отпечаток на историческое развитие и может передаваться из поколения в поколение (Баранова, Донцов, 2019). Ключевая роль в процессе формирования и распространения травмы отводится медиа. В связи с этим возникают утверждения, что травма может конструироваться и любое событие может стать социальной травмой. Однако любая мифологизация должна основываться на значимом для общества переживании, поэтому травму действительно можно сконструировать, но только при условии наличия изначально травматического события.

Вторая, не менее важная составляющая развития общества травмы – социальный контекст и историчность. Общество всегда находится в определенном контексте исторического времени, поэтому социальные события и травмы имеют свой временной отпечаток. Актуальность социального события усиливает его значение и распро-

страненность, дает основу для массового обсуждения. Кроме того, общество подвергается воздействию со стороны внутренних и внешних процессов. Нормы, ценности и правила взаимодействия постоянно видоизменяются под воздействием определенных событий. В данных процессах можно найти одну из причин появления общества травмы. Шокирующее событие формирует разрыв прошлого и будущего. Приспособление к новым условиям требует изменений, пересмотра ценностей, поиска путей выхода из сложившейся ситуации, что может противоречить ценностям или сложившемуся укладу. В таком случае возникает кризисное состояние.

Также важно отметить, что общество травмы является продуктом современного социального развития. Социальная структура современного общества определяется интересом к травматичным событиям, распространённостью медиа как платформ передачи и манипулирования травмой, а также возможностями для многочисленных интерпретаций существующих событий. Данные феномены могут по-разному влиять на развитие государства. В контексте общества травмы заикленность на прошлом может стать причиной кризисного развития, когда все системы общества подчинены травме. Функционирование общества травмы невозможно без развития современных технологий.

Кроме того, специфической чертой травмы выступает длительность ее влияния на социальную память. Несмотря на изменения социальных условий, смену поколений или возможные компромиссы, социальная травма может проявляться и становиться значимой в зависимости от исторического времени. Так, травма Холокоста используется в политической риторике стран, но и является причиной для межгрупповой напряженности. Подобным образом проявляются и межгрупповые конфликты, которые могут быть забыты и «пережиты» столетия назад, но влияют на политическое расслоение и на поддержку. Данная черта социальной травмы формирует необходимость поиска

критериев и элементов, которые определяют ее влияние на социальное пространство.

Третьим аспектом становления общества травмы являются управленческие и политические процессы. Подробно специфику управленческих воздействий и ошибок, приводящих к кризисному состоянию общества, описал Ж.Т. Тощенко (Тощенко, 2020). Необходимо отметить, что непринятие травмы, ее отрицание или замалчивание ведут к ухудшению ситуации в обществе. Также важно учитывать специфику социальной памяти, которая может рассматривать различные события, меняя угол зрения или удаляя неподходящие сведения. С помощью памяти конструируется образ себя и группы. Например, государство может отождествляться с героическими победами, уникальными изобретениями или достижением определенных ценностей, что приводит к развитию и повышению удовлетворенности жизнью членов общества. Однако может быть и противоположная ситуация, когда группа ощущает себя недостойной, униженной или члены общества перестают соотносить себя с государством. С помощью социальной памяти вырабатывается понимание мира, и травма становится частью памяти (чаще всего болезненной), что может формировать страх, враждебность, недоверие и агрессию по отношению к другим культурам (Luyten et al., 2019). Травма включается в эту среду, разрушая ее. Воздействие может быть стремительным или постепенным в зависимости от конкретной ситуации. Изменяется множество компонентов, определяющих индивида, группу или общество в целом.

Как уже упоминалось, на становление общества травмы влияют и внешние аспекты развития общества. Взаимодействие между странами, влияние международных организаций и других субъектов международных отношений могут усиливать воздействие социальной травмы. Поддержка или одобрение со стороны международного сообщества может стимулировать развитие государства, улучшать социальные отношения в его границах, а также снимать уровень социального напряжения. Обратная ситуация усиливает

развитие социальной травмы, формирует чувство изолированности, может влиять на распространение национализма и менять идентичность группы (Hirschberger, 2018). Именно поэтому к обществам травмы могут быть отнесены общества, которые находятся в состоянии длительной стагнации, экономического и социального упадка и являются непризнанными мировым сообществом или играющими незначительную роль в международной системе в результате травматического воздействия: военные действия, революции, разрушение колониальной системы и т. д.

Следовательно, в результате влияния трех названных аспектов социальная травма трансформируется в общество травмы. Она обретает некую объектность – воспроизводится в социальном нарративе, получает материальные носители в виде памятников, дат, названий, мероприятий. Как уже упоминалось, социальные события влияют на изменение и обновление реальности. В данном случае происходит внедрение социальной травмы в образ мышления, групповую идентичность, управленческую деятельность и социальную систему.

Последствия развития общества травмы

Общество травмы представляет собой более узкое понятие по отношению к травме как таковой. Оно вбирает характеристики травматических событий, но при этом распространяет их на все институты общества. Таким образом, травма становится не только частью культурной и исторической памяти, но и способом существования государства в целом. Именно поэтому исследование таких обществ должно охватывать широкий круг вопросов и переходить с микроуровня на макроуровень, так как изменение социальной системы несет угрозу формирования ситуации неопределенности, изменений в структуре, что еще больше погрузит общество в состояние травмы.

Общества травмы представляют собой страны, которые в силу внутренних (управленческих, экономических, политических)

или внешних (военных) противоречий, конфликтов, состояния депривации оказались в ситуации стагнации и дезорганизации. Травма обрастает воспоминаниями, чувствами, нарративами и становится частью общественного обсуждения или даже культуры (Шедько и др., 2019).

Распространение общества травмы охватывает и социальные отношения, и его структуру. Социальная структура общества травмы является неправомерной, обрывчатой и закрытой. В условиях общества травмы наблюдается дезинтеграция, когда происходящие в нем процессы приводят к разрушению социальных отношений. Они выражаются в различных показателях, прежде всего в утрате доверия к социальным институтам (Тощенко, 2020). В таком обществе теряется понимание стратегических целей и формируются лишь тактические, которые также не способны успешно реализовать существующие программы. Именно поэтому в нем все больше обостряется неравенство в распределении ресурсов, а социальные механизмы, в том числе стратификационный, перестают эффективно организовывать социальное пространство даже под воздействием управленческих инноваций.

В связи с этим формируются разнонаправленные социальные движения, выражающиеся различные настроения общества. Например, социальная травма может проявляться через протестные настроения или, наоборот, как консолидация для решения социальных проблем (экологические акции, благотворительная деятельность, мемориальные мероприятия). При этом важную роль в выборе стратегии действий играют социальные механизмы, в том числе механизм социальной стратификации, так как он формирует возможности изменений в системе и основы слоеобразования. Стратификация представляет собой распределение благ и возможностей, а также определяет специфику перемещения в социальной системе – социальную мобильность. В связи с этим она представляет собой основу для рассмотрения работы социальной системы во время воздействия травмы.

Общество травмы функционирует путем воздействия травмы на различные аспекты жизни человека и его окружения. Оно может привести к ухудшению качества жизни людей. Общество травмы может оказать серьезное влияние на социальное самочувствие человека. Травматические события могут вызвать у человека чувство страха, беспомощности, уязвимости и потери контроля над своей жизнью (Luyten et al., 2020). В результате возникают проблемы с адаптацией к обществу и взаимодействием с другими людьми. Травматические события также могут повлиять на социальные отношения человека. Он может чувствовать себя отчужденным от окружающих, испытывать проблемы с доверием к другим людям, стать изолированным и избегать контактов с социумом. Цифровая среда может усиливать данный процесс. Гиперреалистичное пространство, которое создается цифровыми технологиями, делает проблемные ситуации более явными и эмоционально окрашенными, усиливает чувство изолированности группы. Чтобы справиться с влиянием общества травмы, необходимо разработать комплексную стратегию адаптации общества и восстановить социальные связи. Воздействие должно быть комплексным и основываться на проведенных исследованиях характеристик общества, а также разработанной стратегии работы с травмой. Важность данного подхода состоит в том, что травма может передаваться через поколения и влиять на социальную ситуацию длительный период времени, не всегда напрямую. Примером такого влияния является Германия¹.

Для преодоления травмы необходимо притупление и в дальнейшем избавление от травматических переживаний. Выход скопившихся негативных эмоций, стресса, снижения значения обсуждений и мифологизации возможен в ряде случаев. Во-первых, действие травмирующего события должно быть прекращено, что может быть трудным в случае с политической изоля-

цией. Во-вторых, травма должна получить признание, что подразумевает обширную и сложную социальную и управленческую работу. При этом признание не обязательно должно транслироваться на все общество в целом. Социальная травма может быть представлена в виде памятников, площадок для обсуждения, мероприятий и т. д., что возможно реализовать в городском пространстве (Головачева, 2024).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что социальная травма может проявляться по-разному, в зависимости от характера пережитого события. Социальная травма не может быть индивидуальной проблемой, так как формируется из общего нарратива. При этом процесс распространения может происходить как на индивидуальном, так и на структурном уровне. Отталкиваясь от общности переживаний, возникают различные формирующие аспекты травматизации, поэтому травма может определяться с позиции индивидуальной, массовой или социальной перспективы. Индивидуальный уровень рассмотрения связан как с возможными уникальными опытом и реакциями, которые приобретаются в процессе адаптации к изменяющимся условиям, так и с трансляцией переживаний, общих для группы, рутинизацией травматических практик и интериоризацией обновленных ценностей.

Кроме того, социальная травма может формировать различные реакции, отличаться по длительности воздействия, определять возникновение различного рода последствий – вплоть до потери идентичности, а также формировать «общество травмы» как закрепленную модель управления и взаимодействий на ее основе. Общества травмы – продукт современного развития, на которое влияет углубление воздействия социальной травмы, ее политическое использование, ускорение травматических и

¹ Хорольская М.В. (2019). Германия после объединения: политические проблемы и противоречия интеграционного процесса: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Нац. иссл. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. 274 с.

изоляционных процессов с помощью цифровых технологий, а также общий уровень неопределенности социальной ситуации. В комплексе с управленческими проблемами и влиянием международной повестки происходит закрепление травмы в социальной системе. Общества вырабатывают определенные модели воспроизводства и формирования социальных отношений, которые могут использоваться для изучения и возможности корректирования в ситуациях неопределенности или кризисов, вызван-

ных внешними воздействиями. Для выхода из травматической ситуации важно, чтобы социальная травма получила завершение и дальнейшее признание, которое может быть достигнуто различными путями. Подобная концепция также включает функциональное рассмотрение его структуры и свойств, что возможно исследовать в дальнейшем. Также необходимо уделить внимание конкретным примерам обществ травм и их способам борьбы с подобным состоянием.

ЛИТЕРАТУРА

- Айерман Р. (2013). Социальная теория и травма / пер. с англ. Д.О. Хлевнюк // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 121–138.
- Александр Дж. (2012). Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. № 3. С. 5–40.
- Баранова В.А., Донцов А.И. (2019). Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. Т. 10. № 2. С. 29–46. DOI: 10.17759/sps.2019100204
- Головачева Е.В. (2024). Места памяти города как способ управления социальной травмой // Управление городом: теория и практика. № 1 (51). С. 3–7.
- Калинин И. (2021). Историческая политика // Дубина В., Завадский А. Все в прошлом: теория и практика публичной истории. Москва: Новое изд-во. С. 355–377.
- Костров Г.Л. (2020). Культурная травма: память, забвение, репрезентация // Вестник ТвГУ. Сер.: Философия. № 4 (54). С. 74–88. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.074
- Куфтяк Е.В. (2018). Травмы социального характера: стресс, трудности и совладание // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmy-sotsialnogo-haraktera-stress-trudnosti-i-sovladanie> (дата обращения 12.12.2024).
- Симонян Э.Г. (2019). Кризис коллективной идентичности и культурная травма // Социально-гуманитарные знания. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-kollektivnoy-identichnosti-i-kulturnaya-travma> (дата обращения 24.12.2024).
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь мир. 352 с.
- Федосова Е.В. (2019). Социальная память и травматический образ прошлого: социологический дискурс // Общество: социология, психология, педагогика. № 12. С. 50–54.
- Хабермас Ю. (2016). Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / под ред. М. Беляева; пер. В.И. Иванова. Москва: Весь мир. 344 с.
- Шедько Ю.Н., Власенко М.Н., Дронов А.П. (2019). Управление в органах власти и государственных корпорациях в условиях неопределенности и риска // Вестник Евразийской науки. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/23ECVN419.pdf> (дата обращение 30.11.2024).
- Шнирельман В.А. (2021). Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 6–29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1
- Штомпка П. (2001). Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. № 1. С. 6–16.
- Chaitin J. (2014). «I need you to listen to what happened to me»: personal narratives of social trauma in research and peace-building. *American Journal of Orthopsychiatry*, 475–86. DOI: 10.1037/ort0000023

- Chaitin J., Steinberg S. (2014). «I can almost remember it now»: Between personal and collective memories of massive social trauma. *Journal of Adult Development*, 21, 30–42. DOI: 10.1007/s10804-013-9176-4
- Hirschberger G. (2018). Collective trauma and the social construction of meaning. *Frontiers in Psychology*, 9, 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01441
- Luyten P., Campbell C., Fonagy P. (2020). Borderline personality disorder, complex trauma, and problems with self and identity: A social-communicative approach. *Journal of Personality*, 88 (1), 88–105. DOI: 10.1111/jopy.12483
- Smelser N.J. (2004). Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. P. 31–59.
- Smith W., Yosso T., Solorzano D. (2011). Challenging racial battle fatigue on historically white campuses: A critical race examination of race related stress. In: Stanley Ch. (ed.). *Faculty of Color Teaching in Predominantly White Colleges and Universities*. Massachusetts: Anker Publishing Company, 299–327. DOI: 10.1163/ej.9789004203655.i-461.82
- Subica A.M., Link B.G. (2021). Cultural trauma as a fundamental cause of health disparities. *Social Science & Medicine*, 292 (8). DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114574

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Валериевна Головачева – ассистент кафедры, Донецкая академия управления и государственной службы (Российская Федерация, 283015, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163а; e-mail: kateryne.holovacheva@gmail.com)

Golovacheva E.V.

SOCIAL CAUSES AND IMPLICATIONS OF TRAUMA SOCIETY

The paper examines the consequences of the social trauma development. In modern conditions traumatic events begin playing a significant role, going beyond social memory and embedded in social, cultural and political processes. In relation to social trauma, different research approaches are formed that emphasize the objective or constructivist nature, use the concepts of social, cultural, collective or political trauma (with similar meanings), and extend the concept to the individual, group or societal level. The social trauma effects can be expressed in various aspects: intergenerational transmission of traumatic memories, loss of identity, increased anxiety, maladaptation, etc. Trauma society is the most destructive extension of social trauma, affecting social well-being, identity, social memory, processes and institutions within the existing system of relations. It is formed as a result of managerial disorganization, strengthening the position of trauma and embedding it in the social system and social processes that construct a changed position of traumatic events in the system of social relations. As a result, trauma acts as a basis for the reorganization of the social system. It is embedded in various spheres of society, social trauma becomes tangible and object, its position is fixed. The article identifies the reasons for the formation of trauma societies, the specifics of their functioning and the consequences of their existence. In the future, it is possible to consider specific examples of trauma societies, the specifics of their formation and functioning, as well as to conduct a detailed study of the work of social systems and social relations within the society of trauma.

Social trauma, trauma society, effects of trauma, social memory, traumatic events, modern societies, social structure.

REFERENCES

- Alexander J. (2012). Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3, 5–40 (in Russian).
- Baranova V.A., Dontsov A.I. (2019). Collective memories and cultural trauma of different generational groups. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 10(2), 29–46. DOI: 10.17759/sps.2019100204 (in Russian).
- Chaitin J. (2014). “I need you to listen to what happened to me”: Personal narratives of social trauma in research and peace-building. *American Journal of Orthopsychiatry*, 475–86. DOI: 10.1037/ort0000023
- Chaitin J., Steinberg S. (2014). “I can almost remember it now”: Between personal and collective memories of massive social trauma. *Journal of Adult Development*, 21, 30–42. DOI: 10.1007/s10804-013-9176-4
- Eyerman R. (2013). Social theory and trauma. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 12(1), 121–138 (in Russian).
- Fedosova E.V. (2019). Social memory and traumatic image of the past: Sociological discourse. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 12, 50–54 (in Russian).
- Golovacheva E.V. (2024). Sites of urban memory as a way to manage social trauma. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, 1(51), 3–7 (in Russian).
- Habermas J. (2016). *Strukturnaya transformatsiya publichnoi sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir.
- Hirschberger G. (2018). Collective trauma and the social construction of meaning. *Frontiers in Psychology*, 9, 1–14. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01441
- Kalinin I. (2021). Historical politics. In: Dubina V., Zavadskii A. *Vse v proshlom: teoriya i praktika publichnoi istorii* [All in the Past: The Theory and Practice of Public History]. Moscow: Novoe izd-vo (in Russian).
- Kostrov G.L. (2020). Cultural trauma: Memory, oblivion, representation. *Vestnik TvGU. Ser.: Filosofiya*, 4(54), 74–88. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.074 (in Russian).
- Kuftyak E.V. (2018). Social trauma: Stress, difficulties and coping. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmy-sotsialnogo-haraktera-stress-trudnosti-i-sovladanie> (accessed: December 12, 2024; in Russian).
- Luyten P., Campbell C., Fonagy P. (2020). Borderline personality disorder, complex trauma, and problems with self and identity: A social-communicative approach. *Journal of Personality*, 88(1), 88–105. DOI: 10.1111/jopy.12483
- Shedko Yu.N., Vlasenko M.N., Dronov A.P. (2019). Management in government and public corporations under uncertainty and risk. *Vestnik Evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 4. Available at: <https://esj.today/PDF/23ECVN419.pdf> (accessed: November 30, 2024; in Russian).
- Shnirelman V.A. (2021). A traumatic memory: How to study and interpret it. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2, 6–29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1 (in Russian).
- Simonyan E.G. (2019). Collective identity crisis and cultural trauma. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-kollektivnoy-identichnosti-i-kulturnaya-travma> (accessed: December 24, 2024; in Russian).
- Smelser N.J. (2004). Psychological trauma and cultural trauma. In: Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Smith W., Yosso T., Solorzano D. (2011). Challenging racial battle fatigue on historically white campuses: A critical race examination of race related stress. In: Stanley Ch. (Ed.). *Faculty of Color Teaching in Predominantly White Colleges and Universities*. Massachusetts: Anker Publishing Company. DOI: 10.1163/ej.9789004203655.i-461.82
- Subica A.M., Link B.G. (2021). Cultural trauma as a fundamental cause of health disparities. *Social Science & Medicine*, 292(8). DOI: 10.1016/j.socscimed.2021.114574
- Sztompka P. (2001). Social change as trauma (article one). *Sotsis*, 1, 6–16 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. (2020). *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiei i revolyutsiei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Theoretical and Empirical Analysis)]. Moscow: Ves' mir.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Golovacheva – department assistant, Donetsk Academy of Management and Public Administration (163A, Chelyuskintsev Street, Donetsk, Donetsk People’s Republic, 283015, Russian Federation; e-mail: kateryne.holovacheva@gmail.com)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.15838/sa.2025.1.45.7

УДК 316.653(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

ИТОГИ 2024 ГОДА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Опрос проходил в период с 17 января по 12 февраля 2025 года. В нижеследующем материале представлены результаты исследований, характеризующие оценки жителей Вологодской области об итогах прошедшего года и своих ожиданиях по поводу перспектив года наступившего¹. Также представлен анализ общественного мнения за период проведения специальной военной операции (для этого осуществлялось сравнение итогов 2024 и 2022 гг.).

В графиках представлена динамика данных мониторинга за весь период проведения исследования (2005–2024 гг.).

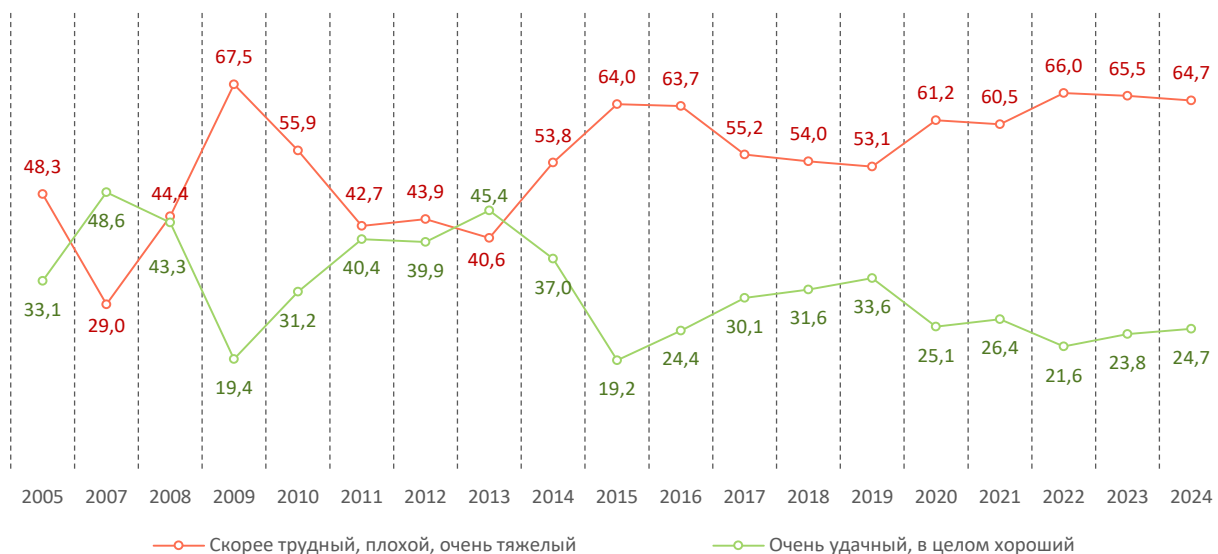
В таблицах дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 и 2018 гг. (первые годы III и IV президентских сроков В.В. Путина). С 2020 года представлена ежегодная динамика среднегодовых данных.

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Оценка жителями Вологодской области итогов 2024 года для страны в целом не сильно отличается от оценок итогов года предыдущего: 24–25% опрошенных охарактеризовали его как «очень удачный, в целом хороший»; 65–66% назвали его «трудным, плохим, очень тяжелым» (рис. 1).

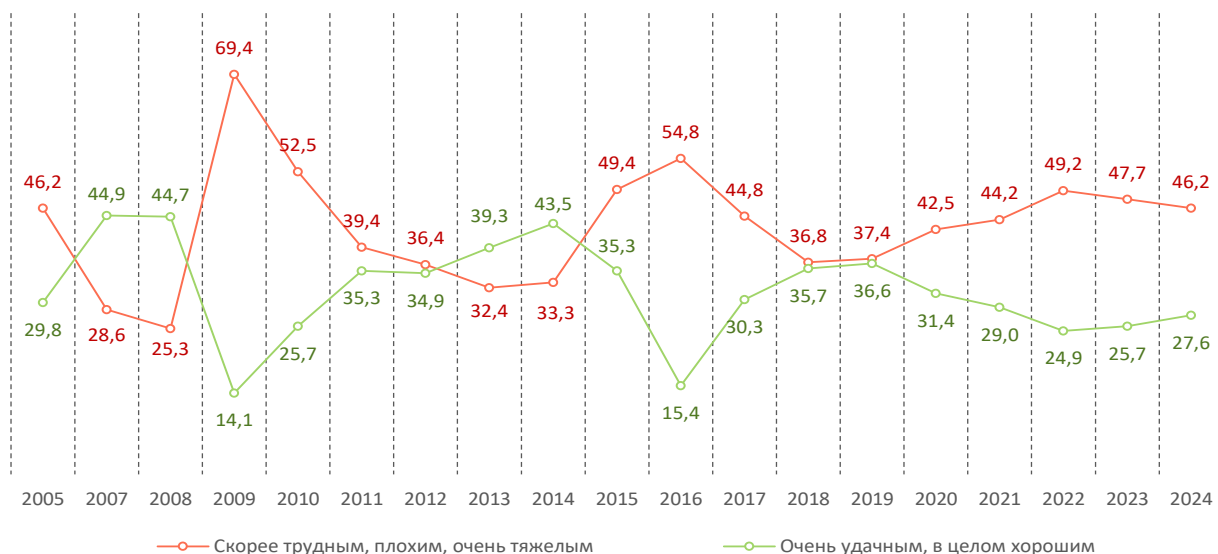
Незначительные позитивные изменения отмечаются при сравнении итогов 2024 года с 2022 годом: доля положительных суждений увеличилась на 3 п. п. (с 22 до 25%).

¹ Вопросы задавались в феврале последующего года, то есть в начале 2025 года оценивались итоги 2024 года и перспективы на 2025 год. В начале 2024 года – итоги 2023 года и перспективы на 2024 год и т. д.

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 году	2022 году
Очень удачный, в целом хороший	+1	+3
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	-1	-1

Рис. 1. Оценка итогов 2024 года для России*, % от числа опрошенных
* Формулировка вопроса «Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года для России».

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 году	2022 году
Очень удачный, в целом хороший	+2	+3
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	-2	-3

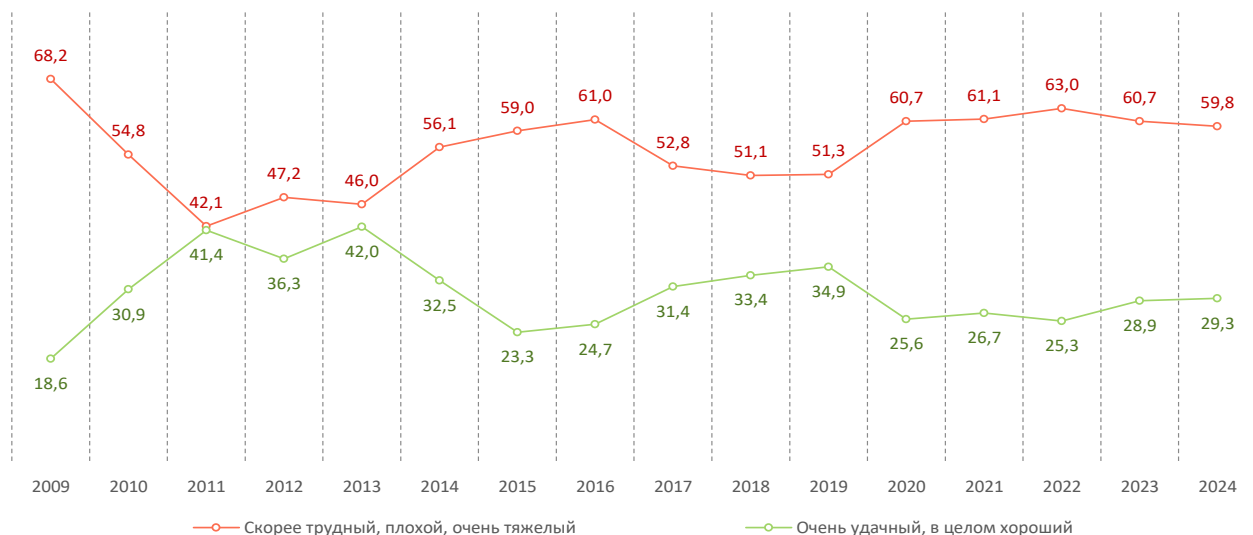
Рис. 2. Оценка перспектив 2025 года для России*, % от числа опрошенных
* Формулировка вопроса «Как Вы считаете, каким будет наступивший год для России?».

Схожая динамика общественного мнения наблюдается в отношении прогнозов развития ситуации в России: по сравнению с прошлым годом доля положительных оце-

нок фактически не изменилась (26–28%); за последние три года (2022–2024 гг.) отмечается их незначительный рост (на 3 п. п., с 25 до 28%; рис. 2).

Общие итоги 2024 года для Вологодской области жители региона оценили примерно так же, как год предыдущий: 29% положительных суждений и 60% – отрицательных (рис. 3).

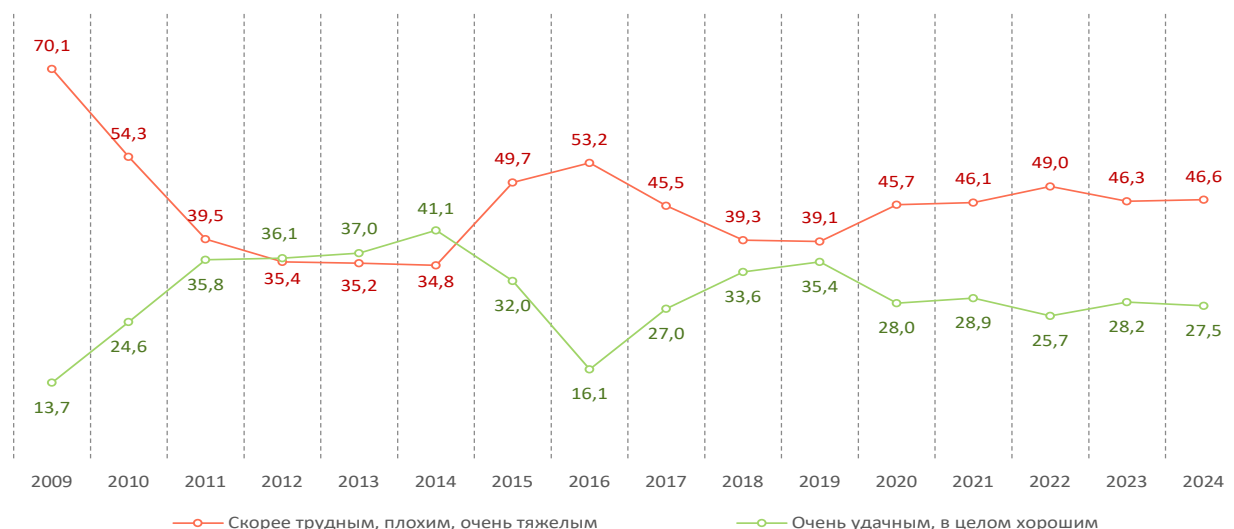
Вместе с тем за три года проведения СВО (2022–2024 гг.) удельный вес позитивных характеристик незначительно вырос (на 4 п. п., с 25 до 29%), негативных – снизился (на 3 п. п., с 63 до 60%).

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 год	2022 год
Очень удачный, в целом хороший	0	+4
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	-1	-3

Рис. 3. Оценка итогов 2024 года для Вологодской области*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса «Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года для Вологодской области».

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 году	2022 году
Очень удачный, в целом хороший	0	+2
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	+1	-2

Рис. 4. Оценка перспектив 2025 года для Вологодской области*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса «Как Вы считаете, каким будет наступивший год для Вологодской области?».

Оценки перспектив наступающего 2025 года для Вологодской области существенно не изменились: 28% жителей области считают, что он сложится в целом удачно; 47% придерживаются противоположного мнения (рис. 4).

Примерно так же люди оценивали и перспективы наступающего года в 2022 году.

В начале 2025 года продолжилась тенденция улучшения оценок относительно того, как сложился прошедший год лично для себя (своей семьи). По сравнению с оценками 2023 года доля положительных суждений увеличилась на 3 п. п. (с 40 до 43%); по сравнению с тем, как люди оценивали 2022 год – на 7 п. п. (с 36 до 43%; рис. 5).

Также с 2022 года продолжается тенденция улучшения прогнозов населения относительно перспектив наступающего года для своей семьи. В 2022 году доля оптимистически настроенных граждан составляла 32%, в 2023 году – 35% (+ 3 п. п.), в 2024 году – 38% (еще + 3 п. п.; рис. 6).

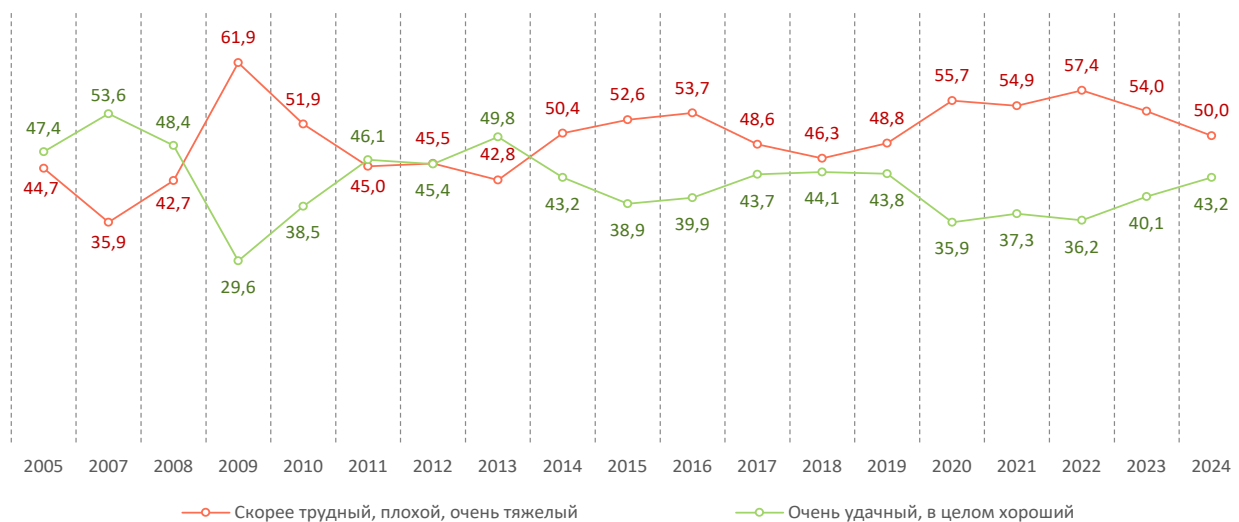
Соответственно, удельный вес «пессимистов» за последние три года снизился на 5 п. п. (с 42 до 37%).

Основной проблемой, с которой сталкиваются жители региона, является «отсут-

ствие уверенности в завтрашнем дне». В начале 2025 года (оценивая итоги 2024 года) ее отметили 51% населения (табл. 1). В то же время наблюдается позитивная динамика: при оценке итогов 2023 года актуальность этой проблемы отмечали 54% граждан (то есть -3 п. п.); при оценке 2022 года – 56% (-5 п. п.).

Следует отметить, что в целом актуальность основных проблем, с которыми сталкиваются жители области, за прошедший 2024 год существенно не изменилась. Однако отмечается снижение актуальности многих проблем за последние 3 года. Так, в 2024 году, по сравнению с 2022 годом, люди стали реже сталкиваться с:

- «отсутствием уверенности в завтрашнем дне» (на 5 п. п., с 56 до 51%);
- «отсутствием средств на платное лечение» (на 5 п. п., с 28 до 23%);
- «невозможностью улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья» (на 4 п. п., с 26 до 22%);
- «невозможностью приобрести туристическую путевку по причине дороговизны» (на 4 п. п., с 17 до 13%);
- «недостатком средств на покупку лекарств» (на 4 п. п., с 16 до 12%);

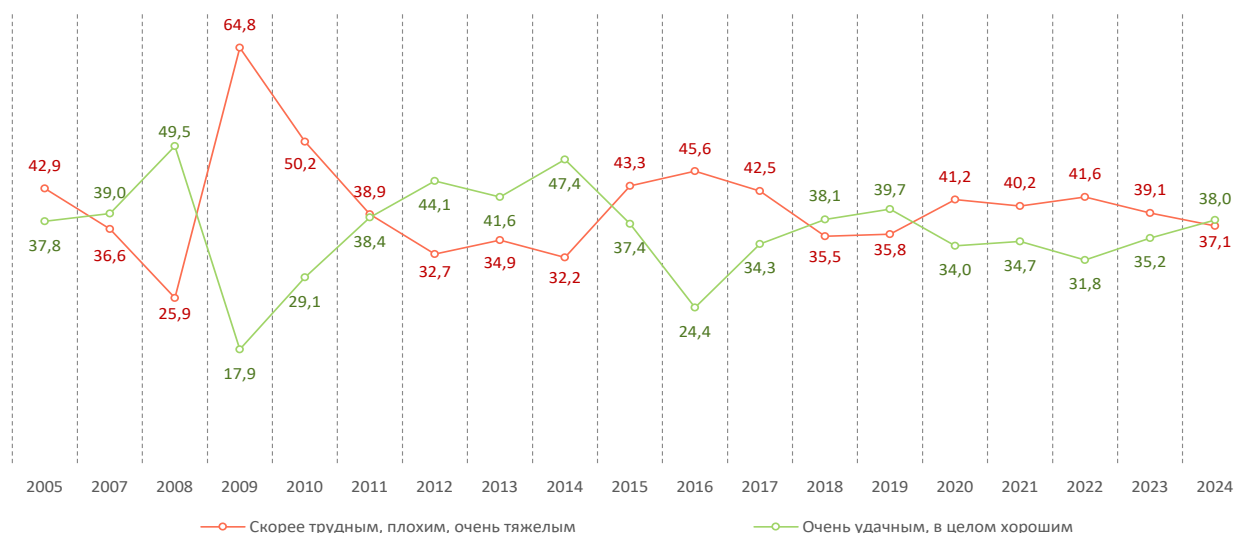

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 году	2022 году
Очень удачный, в целом хороший	+3	+7
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	-4	-7

Рис. 5. Оценка итогов 2024 года для своей семьи*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса «Оцените, пожалуйста, итоги прошедшего года для Вашей семьи».

Итоги 2024 года в оценках населения Вологодской области

Вариант ответа	Изменение (+/-), 2024 год к	
	2023 году	2022 году
Очень удачный, в целом хороший	+3	+6
Скорее трудный, плохой, очень тяжелый	-2	-5

Рис. 6. Оценка перспектив 2025 года для своей семьи*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса «Как Вы считаете, каким будет наступивший год для Вашей семьи?».

Таблица 1. Оценка жителями Вологодской области основных проблем, с которыми они столкнулись за год*, % от числа опрошенных

Вариант ответа**	Год										Изменение (+/-), 2024 год к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	2023 году	2022 году	
Отсутствие уверенности в завтрашнем дне	61,2	38,4	49,3	50,0	56,7	53,9	55,8	53,8	51,1	-3	-5	
Отсутствие средств на платное лечение	29,5	26,1	24,3	29,1	32,7	29,7	27,5	25,3	22,5	-2	-5	
Невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья	44,4	38,8	35,6	32,6	29,0	27,6	25,9	23,9	22,4	-2	-4	
Сокращение времени для отдыха в связи с необходимостью работать дополнительно	17,9	22,5	24,4	23,5	21,5	18,9	17,5	16,9	16,1	-1	-1	
Необходимость поиска дополнительной работы в связи с низким доходом	34,0	25,0	22,2	24,7	22,4	19,3	17,7	15,7	15,1	-1	-3	
Невозможность приобрести туристическую путевку по причине дороговизны	18,7	21,8	22,7	21,2	19,1	17,0	16,9	14,3	13,3	-1	-4	
Недостаток средств на покупку лекарств	30,4	17,6	12,1	20,9	20,3	18,4	15,6	15,2	11,9	-3	-4	
Разгул преступности	35,9	28,9	18,5	26,1	17,9	16,6	13,6	12,9	10,2	-3	-3	
Потеря работы	6,7	5,7	9,1	10,7	14,3	12,9	12,1	10,1	7,5	-2	-5	
Задержки выплаты зарплаты (пенсии, стипендии)	28,7	11,3	15,8	13,1	11,9	10,3	7,3	5,7	4,5	-1	-3	

* Формулировка вопроса: «С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошлом году?». Ранжировано по данным на 2024 год.

** Представлены 10 вариантов ответа – проблемы, наиболее распространенные в 2023 году. Полный перечень состоит из 13 вариантов.

Таблица 2. Оценка жителями Вологодской области реализации своих планов на год (доля тех, кому удалось реализовать)*, % от числа планирующих

Вариант ответа	Год									Изменение (+/-), 2024 год к	
	2000	2007	2012	2018	2020	2021	2022	2023	2024	2023 году	2022 году
Приобрести новую одежду, обувь	42,9	68,0	69,7	72,2	70,5	68,6	69,8	73,7	76,6	+3	+7
Обеспечить детям получение качественного образования**	44,4	45,3	45,0	55,1	40,2	44,8	52,4	51,0	56,2	+5	+4
Улучшить качество питания	36,0	52,8	47,8	48,4	49,9	46,0	44,4	46,3	45,1	-1	+1
Получить работу	51,1	48,9	47,5	47,9	43,4	42,5	42,7	43,5	44,3	0	+2
Осуществить необходимое медицинское лечение	30,9	32,0	31,5	23,5	27,4	31,0	32,6	37,3	40,5	+4	+8
Приобрести загородный дом, дачный участок	55,7	37,8	23,7	24,4	23,7	22,3	22,6	22,5	25,2	+2	+3
Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	18,5	20,0	19,4	19,6	7,7	12,8	16,0	22,2	25,1	+3	+9
Повысить зарплату	33,5	32,8	25,3	22,2	19,7	18,0	20,3	22,3	24,4	+2	+4
Приобрести автомобиль	19,7	29,7	31,5	25,6	18,9	22,0	16,5	19,7	23,2	+3	+7
Провести отпуск за рубежом	16,7	21,7	24,8	18,2	6,6	10,9	13,4	24,2	21,2	-3	+8
Улучшить жилищные условия	21,3	21,0	27,3	25,0	20,3	22,4	21,9	19,6	20,0	0	-2

* Формулировка вопроса: «Что из запланированного на прошедший год Вам удалось и не удалось реализовать?».
 Ранжировано по данным на 2024 год.
 ** % от тех, у кого есть несовершеннолетние дети.

– проблемой «потери работы» (на 5 п. п., с 12 до 7%).

То есть в целом за последние три года актуальность большинства проблем (6 из 10) незначительно снизилась.

Негативных изменений в оценке реализации планов на 2024 год (по сравнению с прошлым годом) не отмечается. При этом люди стали чаще говорить о том, что в 2024 году им удалось «обеспечить детям получение качественного образования» (на 5 п. п., с 51 до 56%) и «осуществить необходимое медицинское лечение» (на 4 п. п., с 37 до 41%; табл. 2).

По сравнению с оценкой реализации планов 2022 года улучшения наблюдаются по 7 (из 11) позициям:

– «приобрести новую одежду, обувь» (на 7 п. п., с 70 до 77%);

– «обеспечить детям получение качественного образования» (на 4 п. п., с 52 до 56%);

– «осуществить необходимое медицинское лечение» (на 8 п. п. с 33 до 41%);

– «провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России» (на 9 п. п., с 16 до 25%);

– «повысить зарплату» (на 4 п. п., с 20 до 24%);

– «приобрести автомобиль» (на 7 п. п., с 16 до 23%);

– «провести отпуск за рубежом» (на 8 п. п., с 13 до 21%).

Таким образом, оценка жителями области общих итогов прошедшего 2024 года, а также перспектив на наступивший 2025 год, существенно не изменилась по сравнению с результатами опроса, проведенного годом ранее.

Вместе с тем наблюдаются очевидные позитивные изменения за последние три года, в течение которых продолжается специальная военная операция. Причем сто-

ит отметить, что по большинству вопросов хоть и незначительное, но стабильное улучшение оценок общественного мнения отмечается ежегодно, что, скорее всего, связано с одновременным действием двух факторов: с одной стороны, с психологической консолидацией общества вокруг главы государства и патриотических настроений на фоне сохраняющейся высокой степени угроз национальной безопасности; с другой стороны, с активной политикой органов власти на всех уровнях по поддержанию

уровня и качества жизни широких слоев населения, а также отдельных категорий граждан.

Материал подготовили

М.В. Морев
кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

А.Н. Гордиевская
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Демографическое самочувствие регионов России (2025): национальный демографический доклад – 2024 / отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова. Вологда: ВолНЦ РАН. 385 с.

Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2024 подготовлен научным коллективом Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Вологодского научного центра РАН, Российского университета дружбы народов с участием научно-образовательного сообщества и представителей органов исполнительной власти Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Республики Тыва, Ставропольского края, Амурской, Волгоградской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Нижегородской, Свердловской областей, ХМАО – Югра и Еврейской автономной области.

Доклад адресован государственным служащим, научным сотрудникам, преподавателям университетов, аспирантам и студентам.

Демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа (2024): V региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, А.А. Соколова, А.А. Колесов; под ред. А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 134 с.

Коллектив авторов Вологодского научного центра РАН с 2020 года готовит ежегодный демографический доклад, содержащий анализ тенденций демографического развития регионов Северо-Западного федерального округа, а также муниципальных образований Вологодской области, мер демографической политики. Доклад 2024 года сосредоточен на демографической ситуации в регионах СЗФО с акцентом на миграцию и миграционную политику. Отдельный раздел посвящен анализу демографических процессов в муниципальных образованиях Вологодской области. Анализ базируется на официальных данных федеральной и региональной служб государственной статистики, результатах мониторинговых социологических исследований Вологодского научного центра РАН, материалах научных публикаций.

Доклад предназначен ученым, исследователям, обучающимся и преподавателям, представителям органов власти и некоммерческого сектора, а также всем, кто интересуется вопросами демографического развития и демографической политики.

Здоровье детского населения: когортный мониторинг (результаты 30 лет исследований) (2024): монография / А.А. Шабунова, Ю.Е. Шматова, Л.Н. Нацун, И.Н. Разварина; под ред. А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 247 с.

В монографии обобщены теоретические и методические основы исследования здоровья детского населения, раскрыты вопросы выявления факторов риска здоровью детей. С опорой на данные регионального лонгитюдного мониторинга здоровья нескольких когорт семей проведена оценка распространенности и длительности влияния факторов риска нарушений здоровья и развития детей в разных возрастах. Проанализирована многолетняя динамика показателей, характеризующих условия и образ жизни семей с детьми. Показаны изменения и уровня жизни семей с детьми, и социально-демографического портрета родителей. Выявлено, что позитивные перемены в условиях жизни семей и общий рост уровня их благополучия способствуют позитивным изменениям в здоровье детей. Заключительная глава монографии посвящена поиску эффективных подходов к управлению факторами риска здоровью детского населения. На основе количественной оценки медицинских, экономических и демографических факторов младенческой смертности сформулированы рекомендации по дальнейшему снижению ее уровня. Раскрыта специфика социального опыта семей с детьми, накопленного в период преодоления стрессовой ситуации, вызванной пандемией COVID-19; обозначены проблемы, с которыми они сталкивались чаще всего. Предложены направления совершенствования системы здоровьесбережения детского населения на региональном уровне, обоснованы положительные эффекты их реализации.

Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.